

В. 406297

87

О-798

С.Г. ОСЬМАЧКО

**«ОН МУЧИЛСЯ О РОССИИ»:
ИДЕЙНЫЕ ИСКАНИЯ К.Н. ЛЕОНТЬЕВА
(ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ)**

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского»

С. Г. Осьмачко

**«ОН МУЧИЛСЯ О РОССИИ»:
ИДЕЙНЫЕ ИСКАНИЯ К. Н. ЛЕОНТЬЕВА
(ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ)**

B. 406297

Ярославль
2011

**БИБЛИОТЕКА
ЯРОСЛАВСКОГО
ПЕДУНИВЕРСИТЕТА**

УДК 303.01; 303.02
ББК ~~63.3~~ 87
О 798

Печатается по решению
редакционно-издательского
совета ЯГПУ им. К. Д. Ушинского

9764

Работа выполнена в рамках научных исследований по тематическому плану Рособразования РФ «Теоретико-методологические основы высшего профессионального исторического образования»

Рецензенты:

А.В.Лубков, доктор исторических наук, профессор;
А.М.Лушников, доктор исторических наук, профессор

- О 79 **Осьмачко, С.Г.** «Он мучился о России»: идейные искания К.Н.Леонтьева (история и современность) : монография / под ред. д-ра ист. наук, проф. М.В. Новикова. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2011. – 236 с.

ISBN 978-5-87555-720-0

В издании представлен биографический очерк и рассмотрены идейно-теоретические позиции выдающегося мыслителя, писателя, литературного критика второй половины XIX века К.Н. Леонтьева (1831 – 1891 гг.), в том числе в оценках Н.А. Бердяева, В.В. Розанова, Г.В. Флоровского, И.И. Фуделя, В.В. Зеньковского и др.

Монография предназначена для профессиональных историков и всех интересующихся проблемами отечественной истории.

УДК 303.01; 303.02

ББК 63.3

ISBN 978-5-87555-720-0

© ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2011

© С.Г. Осьмачко, 2011

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
I. Биография. Личность. Судьба.....	11
II. К.Н. Леонтьев и Н.А. Бердяев.....	67
III. К.Н. Леонтьев и В.В. Розанов.....	133
IV. К.Н. Леонтьев и мыслители богословского на- правления.....	159
Заключение.....	181
Приложение.....	190

*Тонким ароматом духовной красоты овейна
жизнь этого бесприютного неудачника, вечного
странника, мимо проторенных путей проходившего
жизненный путь свой.*

С.Н. Булгаков [1]

*К. Леонтьев не может и не дол-
жен быть учителем, но он – одно из самых
благородных и волнующих явлений
в русской духовной жизни.*

Н.А. Бердяев [2]

ВВЕДЕНИЕ

Идеи К.Н. Леонтьева сложны и противоречивы: представители различных течений общественной мысли России, понимая, что он, как правило, не укладывается в их традиционные схемы, чаще всего, обходили молчанием базовые леонтьевские тезисы. Так возник внешне оформленный феномен забытости, незнания этого замечательного мыслителя. Однако внутренняя потребность в изучении его творчества существовала всегда. Константина Николаевича ценили и помнили.

В 1916 г. 25-летие со дня его кончины вызвало к жизни последовательность следующих мероприятий: 11 ноября в Чудовом монастыре состоялось общее собрание братства святителей Московских Петра, Алексия, Ионы и Филиппа. Председатель совета братства П.Б. Мансуров выступил с сообщением о значении консульской деятельности К.Н. Леонтьева на Востоке; член братства С.Н. Дурьлин развил тему: «Церковь, монастырь и старчество в личности и жизни К. Леонтьева»; протоиерей И.И. Фудель поделился личными воспоминаниями, а епископ Можайский Дмитрий оценил значение леонтьевских писем с Афона. 12 ноября в Троице-Сергиевском Художественном Обществе А.А. Александров прочел доклад, посвященный памяти К.Н. Леонтьева. 13 ноября соответствующее заседание было проведено в Религиозно-философском обществе памяти Вл. Соловьева. Открыл заседание председатель Общества Г.А. Рачин-

ский, вступительное слово которого было посвящено духовному значению наследия К.Н. Леонтьева. Присутствовавшие (а «зал был переполнен слушателями» [3]) с интересом выслушали доклады И.И. Фуделя «К. Леонтьев и Вл. Соловьев в их взаимных отношениях», С.Н. Дурьлина «Писатель-послушник» и С.Н. Булгакова «Победитель-побежденный (судьба К. Леонтьева)».

Мы можем заметить, что вышеперечисленные события носили явно неофициальный характер, не затрагивая инстанций политического или академического уровня. Дело в том, что московский градоначальник запретил публичное и открытое проведение памятных мероприятий; Московский университет от их проведения также постарался уклониться. «Леонтьев и в 1916 году казался подозрительным» [4].

Заупокойные богослужения были проведены 12 ноября в церкви Святого Николая Чудотворца (на Арбате) и в Гефсиманском скиту у храма Черниговской Божьей матери; 13 ноября – в домовом храме Красного Креста (служил П.А. Флоренский) и в Московской духовной академии. Обо всем этом сообщалось в печати.

В советское время вспоминать К.Н. Леонтьева не было никакой возможности. Марксистско-ленинский методологический диктат губил напрочь творческую мысль исследователей; для идеологов того периода К.Н. Леонтьев, в свое время так тонко проникший в сущность будущей «социалистической монархии», был явным врагом. Остается удивляться лишь тому, что в ряде работ, преимущественно историософского, культурологического и литературно-критического характера, сегодня мы все же можем найти, вычленив значимые аналитические фрагменты.

1991 г. – время подлинного «леонтьевского ренессанса»: в этот год отмечались 160-летие со дня его рождения и 100-летие со дня смерти; «эти даты близки всем, кому внятна русская культура, русская духовность» [5]. О нем появляется множество соответствующих публикаций (монографий, статей, энциклопедий и пр.) и диссертационных исследований (см. Приложение 1).

Отмечая эту, безусловно, положительную тенденцию, не будем забывать, что и при жизни Константина Николаевича, и

после его смерти, и в период марксистско-ленинского идейного владычества взгляды К.Н. Леонтьева привлекали внимание наиболее выдающихся представителей отечественной культуры. Действительно, К.Н. Леонтьев – «странная, загадочная и во многом маргинальная фигура», его позиции не принимались, отвергались, редко разделялись, но «среди писавших о нем – весь цвет русской мысли» [6]. Думается, анализ идейно-теоретических взглядов К.Н. Леонтьева, его жизни и судьбы, осуществленный Н.А. Бердяевым, В.В. Розановым и др. интересен и сегодня. Интересен, прежде всего, в силу загадочности, какой-то удивительной интеллектуальной привлекательности этого часто не совпадающего с самим собой автора; «перед ним, преждевременным Константином Леонтьевым, и после его смерти стояли многие, как перед великой загадкой» [7].

Социально-политический переход, который вновь пытаются осуществить современная Россия, обнажил множество проблем, особенно в духовно-идеологической сфере. Упрощенная по сути и бюрократическая по функции идеология недавнего советского общества представляла собой некий набор идей, порой примитивно и вульгарно объясняющих те или иные явления природы и общества. Постсоветское идейное состояние – это в некотором смысле набор лакун, своего рода пустот: у мыслящей части общества заметен явный дефицит смыслополагания, стратегических ментальных конструкций, этических ориентиров.

Поиски ответов идут по всем направлениям; обращение к прошлому неизбежно приводит многих к К.Н. Леонтьеву. Мы полагаем, что такого рода поисковая деятельность (обретение смысла постфактум) неэффективна и не говорит ни о чем, кроме как о неумении «жить своим умом» в реальной ситуации. Кроме того, взгляды К.Н. Леонтьева свободны, парадоксальны, радикальны, не отягощены жесткой методологической привязкой, поэтому, как может показаться, у него легко найти размышления, пригодные для оценок сегодняшних российских проблем.

Здесь-то и кроется главная опасность «смыслового ангажирования» леонтьевских писаний: главное в них не связано с пророчествами; гораздо важнее – интуитивность, неформальность логического конструирования, своеобразность критериев и мн. др. Сегодня, «когда именем Леонтьева клянутся предста-

вители столь разных сторон и ориентаций» [8], важнее понять, что его наследие вряд ли годится для актуализации; другое дело – воплощение его метода. Поэтому мы полагаем, что его признание в конце XX века – преимущественно искусственный факт интеллектуального поиска. Думается, что противоречивость, парадоксальность, многозначность, поливариантность мыслительных операций К.Н. Леонтьева, его умение видеть все в развитии (и не обязательно диалектически), эстетизация причинно-следственного критериума и мн. др. все же могут нам помочь и сегодня. Следует лишь действовать по-леонтьевски: глубоко погружаться в прошлое, чтобы уяснить настоящее и (отчасти) будущее.

Очень точно заметил про историзм К.Н. Леонтьева Н.А. Бердяев. Не являясь профессиональным историком, человеком науки, он обладал обостренным чувством истории; его эстетизированные методы проникновения в прошлое многое позволили понять в настоящем: сложности цивилизационного усреднения, негативные стороны буржуазного образа жизни, массовой культуры (для кого-то воззрения К.Н. Леонтьева так и представляются идейной предпосылкой современного антиглобализма).

К.Н. Леонтьев актуален еще и тем, что он исключительно идеологичен. Его исторические постижения основываются на подходах так называемого византизма – самобытного учения, предполагающего, прежде всего, государственно-ориентации. В качестве общественного идеала он рассматривал религиозно оформленное самодержавие. Для нас государственно-ориентированные подходы не новы; до сих пор окончательно не выявлена сущность российского перехода от служилого типа государства к современному; общественность традиционно озабочена усилением бюрократии и мн. др. Яркая государственно-ориентированная апологетика К.Н. Леонтьева, видимо, может помочь современным мыслителям в определении той позитивной составляющей государственного управления, пусть даже силовой, насильственно оформленной, без которой дальнейшее упорядочение развития страны невозможно. Трудно не согласиться с тем, что государство должно быть «сурово иногда до свирепости», и даже с тем, что «народ должен быть политически ограничен». Демократия предполагает правовое распределение конституционных прав,

но не их безбрежное предоставление всем и вся. В этом отношении следует также обратить внимание и на леонтьевский тезис о государственно-патриотическом воспитании средствами школьного исторического образования. Совершенно справедливо заметил Т.Н. Грановский (речь «О современном состоянии и значении всеобщей истории», произнесенная 12 января 1852 года на торжественном собрании Московского университета): «Ни одна наука не подвергается такому влиянию со стороны господствующих философских систем, как история». И если в основу учебной работы будут положены объективность, научность, историзм, системность, то не возникнет значимых оснований упрекать историческую науку, например, в формировании у обучающихся тоталитарного типа личности. Здесь как раз велика ответственность самого историка: образ жизни и действия К.Н. Леонтьева – оригинального и свободолюбивого мыслителя, обладающего яркой личной позицией, – в данном случае прекрасный пример для подражания.

Мы можем не соглашаться с какими-то леонтьевскими утверждениями (и даже полностью их отвергать), но стоит пристальнее приглядеться к идейно-теоретической позиции того, кто вслед за Н.Я. Данилевским переосмыслил славянофильские идеи (далеко оторвавшись от них) в русле теории культурно-исторических типов. Здесь заложены положительные перспективы столь признаваемого ныне цивилизационного подхода исторической методологии. Также неоспоримо влияние учения К.Н. Леонтьева на формирование евразийства (стоит оценить, например, его позиции в отношении необходимости не славянской культуры – она, подчиняясь Западу, превратит русских в «плохих европейцев» – а «славянско-туранской культуры» и т.п.).

Константин Николаевич искренне и глубоко любил Россию, особенно феодально-крепостническую, барскую, общинную, и одновременно не принимал изменений, привносимых в российскую жизнь «треклятым прогрессом» и «холерой демократии». Думается, что пора бездумного государственно-бюрократического патриотизма прошла; нужно учиться уважать, принимать отечественные реалии, выделяя в них нечто значимое, существенное, непреходящее. Поэтому меткая, а часто едкая критика К.Н. Леонтьева интересна нам и сегодня. Как писал

Ю.П. Иваск: «Леонтьев еще жив: возбуждает мысль и может увлекать» [9].

Попытки систематизации леонтьевского учения не всегда удачны – он слишком парадоксален и самопротиворечив. Тем более, что в любой системе, обыкновенно, самое интересное то, что как раз и не укладывается в систематизационные критерии. И здесь у исследователей леонтьевского творчества громадное поле деятельности. «Что касается его статей, то он в них все точно стекла выбивает, – писал Л.Н. Толстой, – но такие выбиватели стекол, как он, мне нравятся» [10]. Стремление использовать радикализм леонтьевского метода в целях одобрения черносотенных, тоталитаристских, антисемитских и пр. программ больше говорит о наших современных, нежели его вчерашних проблемах.

Многие называют К.Н. Леонтьева религиозным философом, но он был достаточно далек от канонического православия; в этом отношении гораздо интереснее его религиозная метаморфоза, связанная с проблематикой личного спасения, страха и т.д., тем более, что вряд ли многие из нас сегодня способны принципиально различать те или иные оттенки византийского традиционализма и русского православия. Религиозное возрождение в современном светском российском обществе – проблема, важнейшая сама по себе. Уяснение ее динамики может быть более эффективным, если религиозный казус К.Н. Леонтьева станет предметом научного интереса. По этому поводу уместно вспомнить оценку, данную Святейшим Патриархом Кириллом на расширенном заседании Президиума Российской академии образования 11 ноября 2009 г.: «Мудрость есть способность принимать во внимание опыт других, в том числе опыт предыдущих поколений» [11].

У К.Н. Леонтьева интересны также «биологизаторские» схемы триединого процесса любого (в том числе исторического, социально-политического) развития, его принципиальный пессимизм мировосприятия и миропонимания, эстетико-этический критериумный базис и мн. др.

В завершение приведем великолепную по сути и по форме оценку К.Н. Леонтьева, данную Ю.П. Иваском: «Леонтьев – выдающийся представитель контрреволюции XIX века, которая защищала: качество от количества; даровитое меньшинство от бездарного большинства; яркую мысль от серой массы; дух от материи; природу от техники; истину от рекламы и пропаганды; творческую свободу от плутократии и бюрократии; искусство от прессы» [12].

Примечания

1. Булгаков, С.Н. Победитель – побежденный (Судьба К.Н. Леонтьева) [Текст] // К.Н. Леонтьев: про эт контра. Кн.1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 391.
2. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 220.
3. Московские ведомости. – 1916. – 15 ноября. – С. 3.
4. Фудель, С. Воспоминания [Текст] // Новый мир. – 1991. – № 4. – С. 183.
5. Лесневский, С. Писатель-иннок [Текст] // Книжное обозрение. – 1991. – № 4. – С. 8.
6. Молодяков, В.Э. Рецензия [Текст] // Вопросы философии. – 1998. – № 2. – С. 186.
7. Глушкова, Т. «Боюсь как бы история не оправдала меня...» [Текст] // Наш современник. – 1990. – № 7. – С. 141.
8. Молодяков, В.Э. Рецензия [Текст] // Вопросы философии. – 1998. – № 2. – С. 186.
9. Иваск, Ю.П. «Еще поборемся!» [Текст] // Человек. – 1994. – № 2. – С. 179.
10. Родина. – 1991. – № 4. – С.40.
11. Слово Святейшего Патриарха Кирилла на расширенном заседании Президиума Российской академии образования [Текст] // Педагогика. – 2010. – № 1. – С. 16.
12. Иваск, Ю.П. Что Леонтьев читал, ценил, любил. (Ответ А.И. Солженицыну) [Текст] // Вестник Российского христианского движения (РХД). – 1974. – № 123. – С.180.

І. БИОГРАФИЯ. ЛИЧНОСТЬ. СУДЬБА.

Константин Николаевич Леонтьев родился 13 (25) января 1931 г. в потомственном имении Кудиново Мещовского уезда Калужской губернии (по одним данным, село Кудиново и 70 душ крепостных принадлежали его матери, по другим – являлись потомственным имением отца) [1].

К.Н. Леонтьев был последним, седьмым ребенком в семье; до его рождения в 1813–1822 гг. на свет появились его братья и сестры: Петр, Анна, Владимир, Александр, Борис и Александра.

К.Н. Леонтьев родился недоношенным, и по обычаям того времени его родители, опасаясь за жизнь семимесячного младенца, первоначально подвешивали его, завернутого в заячью шкурку, в бане к потолку.

Семья Леонтьевых была старинной дворянской, «часто упоминавшейся в разрядных и писцовых книгах», но «не игравшей в Московской Руси видной роли». Во второй половине XVIII века «одна ветвь этого рода стала возвышаться, другая, от которой произошел сам Леонтьев, хиреть» [2].

Отец Константина Николаевича – Николай Борисович Леонтьев (1783?–1839 гг.) – к моменту рождения последнего ребенка являлся мелким калужским помещиком, отставным гвардейским прапорщиком. Принято считать, что он не добился больших успехов на военной службе по причинам «буйства», «многих шалостей» и «неоплаченных долгов». Для К.Н. Леонтьева отец «был из числа легкомысленных и ни к чему не внимательных русских людей»; а по оценке сына «был и не умен, и не серьезен» [3].

Между отцом и младшим сыном не только не было близости, но даже существовала явно выраженная антипатия. Николай Борисович вовсе не занимался воспитанием детей, он и жил отдельно – во флигеле; семья и дворовые редко его видели; естественно, что он не управлял хозяйством и пр. Не случайно К.Н. Леонтьев был «совершенно равнодушен к личности отца» и всегда отмечал «почти полное отсутствие его влияния» на себя [4]. Даже отцовские похороны оставили слабое впечатление в его

памяти: ему больше запомнились неуместные шуточки родителя в отношении православной обрядности, серьезно задевавшие формирующуюся детскую религиозность.

Некоторые исследователи (Н.А. Бердяев, Ю.П. Иваск, А.А. Корольков, В.В. Розанов и др.) замечали, что характер семейных взаимоотношений в леонтьевском доме позволял предполагать, что К.Н. Леонтьев в действительности был незаконнорожденным [5]. Так, В.В. Розанов писал: «Есть слух (и будто бы сам Леонтьев подсказал его), что он был рожден от высокой и героической его матери, вышедшей замуж за беспримерно тупого и плоского помещика (Леонтьев так и отзывался об отце своем), через страстный роман ее <...> на стороне» [6]. Действительно, гордому и аристократически мыслящему К.Н. Леонтьеву могло претить прямое родство с обыденным человеком, столь далеким от боготворимой им красоты и т.п. Отсюда, возможно, и слух.

Ю.П. Иваск, утверждая неуместность недоказуемых догадок в отношении сложной проблемы возможной незаконнорожденности К.Н. Леонтьева, все же предполагал, что настоящим отцом будущего замечательного мыслителя мог быть, например, Василий Дмитриевич Дурново, близкий друг и помощник матери во всех делах, или кузен отца – генерал Иван Сергеевич Леонтьев, благодетель бедно живущей семьи, парадный портрет которого всегда висел в материнском будуаре [7].

Мать К.Н. Леонтьева – Феодосия Петровна (1794–1871 гг.), урожденная Карабанова. Ее родители – Петр Матвеевич (генерал) и Александра Эпафродитовна (урожденная Станкевич) – принадлежали к богатому и родовитому смоленскому дворянству.

Феодосия Петровна обучалась в Екатерининском институте в Петербурге, который окончила «с шифром»; она была лично известна императрице Марии Федоровне и подавала определенные светские надежды (увы, не осуществившиеся). Мать оказала огромное влияние на умственный склад и эстетические вкусы своего младшего сына. Она была образованна, религиозна, умна и обязательна, имела тонкий вкус и чувственное отношение к жизни; все перечисленное в соединении с энергичностью характера и гневливостью натуры позволили ей осуществ-

лять решающие формирующие воздействия на развитие К.Н. Леонтьева.

До смерти матери он сохранял к ней отношения благоволенной личной дружбы. По настоянию К.Н. Леонтьева Феодосия Петровна начала писать записки об Отечественной войне 1812 г., которые были опубликованы [8]. «Современные психологи, – писал Ю.П. Иваск, – несомненно, нашли бы у Леонтьева «эдипов комплекс» (отца не любил, в мать был «влюблен»). Но существеннее другое – очевидно, что образ матери он всегда лелеял и им вдохновлялся. Без этого образа очень уж было бы ему в жизни холодно... Без этого «комплекса» ничего бы он не создал. Он нарцисс, выросший в матриархате» [9].

Следует также вспомнить и деда (по матери) – Петра Матвеевича Карабанова, образ которого всегда вызывал у К.Н. Леонтьева переживания гордости из-за ощущения сходства. Это был «дикий барин», свирепый и жестокий, поровний крестьян и однажды в припадке гнева чуть не зарубивший свою жену. Как-то раз Петр Матвеевич кинулся с саблей на губернатора (тот позволил себе усомниться в правоте его слов); в другой раз дед при всем честном народе отстегал арапником знакомого нерадивого помещика, вздумавшего похваляться тем, что отдал в ополчение заведомо негодных, захудалых крепостных [10].

Вспомним, что внук пытался подражать деду в патриотическом буйстве (в начале 60-х годов он отхлестал французского дипломата за его непочтительный отзыв о России). К.Н. Леонтьев следующим образом оценивал своего характерного предка: «Петр Матвеевич был, может быть, одним из самых выразительных представителей того рода прежних русских дворян, в которых иногда привлекательно, а иногда возмутительно сочеталось нечто тонкое «версальское» с самым страшным по своей необузданной свирепости «азиатством». Истинный барин с виду, красивый и надменный донельзя, во многих случаях великодушный рыцарь, ненавистник лжи, лихоимства и двуличности, слуга Государю и Отечеству преданный, энергический и верный, любитель стихотворства и всего прекрасного, Петр Матвеевич был в то же время властолюбив до безумия, развратен до преступности, подозрителен донельзя и жесток до бессмыслия и зверства» [11].

Думается, что К.Н. Леонтьев в разной степени отчетливости всегда с радостью осознавал схожесть своей и дедовской натур, стремился соответствовать памяти своего колоритного предка.

Образование К.Н. Леонтьева было достаточно разнообразным (и в той же степени традиционным для дворян того времени): вначале его обучали и воспитывали дома; в 1841 г. он начал учебу в Смоленской гимназии; в 1842 г. был перевезен в Петербург, где в 1843 г. зачислен кадетом в Дворянский полк; в 1844 г. из-за болезни он был вынужден оставить полк и уже до полного завершения учебы занимался в Калужской гимназии.

В 1849 г. К.Н. Леонтьев (с правом поступления в университет без экзаменов) окончил Калужскую гимназию и избрал для продолжения образования Демидовский лицей в Ярославле. Но там он «так мало занимался, что испугался и соскучился», а поэтому в ноябре 1849 г. «перешел по желанию матери» [12] на медицинский факультет Московского университета, где и обучался до 1854 г.

Поскольку в университет его привели воля матери и случайные обстоятельства, К.Н. Леонтьев учился медицине без особого увлечения, но постепенно втянулся и приобрел некоторый интерес к врачеванию, сумев даже преодолеть природную робость и впечатлительность (особенно мешавшие, например, в ходе анатомической практики).

Приехав в Москву, К.Н. Леонтьев поселился в доме Натальи Васильевны Охотниковой, находившейся в свойстве с его матерью. Это была достаточно богатая московская барыня, и К.Н. Леонтьеву сразу пришлось заводить знакомства в кругу материально обеспеченного дворянства. Пытаясь соответствовать ситуации, К.Н. Леонтьев, что называется, зажил на широкую ногу, по-барски: в трех комнатах с отдельным подъездом и прислугой. Исключительно самолюбивый юноша весьма многого требовал от жизни; и именно здесь он впервые столкнулся с проблемой нехватки денег для обеспечения желаемого представительного образа жизни. Видимо, не случайно К.Н. Леонтьев во все годы обучения медицине жил довольно уединенно, не заводил друзей и чурался традиционных студенческих развлечений.

Его известная парадоксальность проявилась и в данном случае: будучи студентом, он многого ждал от жизни и одновременно воображал себя больным чахоткой, мрачно приготавливаясь к возможной скорой кончине.

В это же время К.Н. Леонтьев встретил свою первую любовь – Зинаиду Яковлевну Кононову, родственницу Н.В. Охотниковой. А. Коноплянцев вспоминал: «Отношения их длились около трех лет и принимали различные формы – от дружбы до самой пламенной страсти. Но их брак не состоялся; между прочим, этому браку противилась Феодосия Петровна, которой была неприятна эта девушка, годами старшая Константина Николаевича» [13].

10 марта 1855 г. уже с театра военных действий К.Н. Леонтьев в одном из писем упрекал мать за некоторые «жестокые поступки относительно той девушки, на которой <...> собирался жениться». «Она осталась в моих глазах до сих пор тем же, чем была», – заключил К.Н. Леонтьев [14].

Позже З.Я. Кононова (в замужестве Остафьева) была начальницей Нижегородского института [15].

В университетский период началась литературная деятельность К.Н. Леонтьева. Его влечение к писательству носило непреодолимый характер, и, набравшись смелости, он отнес свою первую работу (комедия «Женитьба по любви», а немного позже – неоконченный роман «Булавинский завод») не кому-нибудь, а самому И.С. Тургеневу. Их знакомство состоялось в 1851 г.

Именно И.С. Тургенев ввел К.Н. Леонтьева в круг московских литераторов, сопровождая это сверхлестными литературными рекомендациями. В московском салоне писательницы Евгении Тур К.Н. Леонтьев познакомился с Т.Н. Грановским, М.Н. Катковым и пр. Кроме того, И.С. Тургенев неоднократно представлял произведения К.Н. Леонтьева в различные (в том числе периодические) издания. Однако переданная им в «Отечественные записки» леонтьевская комедия «Женитьба по любви» не была напечатана по цензурным соображениям.

Добрейший И.С. Тургенев стремился захваливать чуть ли не каждого обратившегося к нему молодого автора. Для К.Н. Леонтьева эта поощряющая лесть возымела дурные последствия,

породив несбыточные беллетристические надежды. П.В. Анненков полагал, что «ошибки Тургенева в оценке новых талантов происходили от его горячности служить им и приводили иногда к комическим результатам <...> Тургенев много говорил о «необычайном таланте» г. Леонтьева, провозгласил его рассказчиком вне сравнения и ставил далеко выше себя, принижаясь, по обыкновению, без меры для того, чтобы увеличить рост соперника» [16]. По мнению Е.Н. Поселянина, «Тургенев говорил это против своего убеждения и причинил тем самым Леонтьеву вред. Не беллетристика, а критика истории, общественной жизни и литературных явлений – вот, где он стал полным хозяином» [17].

В 1854 г. К.Н. Леонтьев дебютировал в печати с повестью «Благодарность», которая (опять же с помощью И.С. Тургенева) была напечатана в «Московских новостях», редактором в то время являлся М.Н. Катков, также отнесшийся к молодому автору с большим вниманием (например, в знак особого поощрения он лично вынес ему первый гонорар – простой нитяной кошелек, наполненный золотом; такой чести удостаивались немногие).

Стремясь помочь молодому автору, И.С. Тургенев в то же время смог разглядеть в нем некоторые человеческие особенности, может быть, наилучшего свойства. 10 января 1853 г., после леонтьевского визита в Спасское-Лутовиново, И.С. Тургенев написал П.В. Анненкову: «У меня гостил несколько дней Леонтьев <...> Талант у него есть, но он весьма дрянной мальчишка, самолюбивый и исковерканный. В сладострастном упоении самим собой, в благоволении перед своим «даром» <...> он далеко перещеголял полупокойного Федора Михайловича, от которого у Вас так округлялись глаза. Притом он болен и раздражительно-плаксив, как девочка» [18].

В наши задачи не входит анализ литературных произведений К.Н. Леонтьева. Отметим лишь, что в письме от 4 мая 1876 г. И.С. Тургенев более трезво оценил писательский дар молодого автора: «Так называемая беллетристика, мне кажется, не есть настоящее Ваше призвание; несмотря на Ваш тонкий ум, начитанность и владение языками – Ваши лица являются безжизненными» [19].

В любом случае попытка К.Н. Леонтьева полноценно включиться в литературную жизнь обеих столиц оказалась неудачной; «его как бы не слышали, а публикуемое почти не встречало отклика» [20].

Тем не менее, К.Н. Леонтьев продолжал искать признания. Уже находясь на дипломатической службе, из Адрианополя он отправил переводы некоторых своих произведений Просперу Мериме. Этот прекрасный писатель и великолепный знаток русской литературы XIX века (вспомним его переводы и пр.) нашел время для вежливого, но достаточно критичного ответа. Задетый за живое, К.Н. Леонтьев в свою очередь ответил мэтру сухо и с немалым апломбом: «Я далеко не разделяю большей части Ваших оценок, но так как я не сомневаюсь, что будущее за мной, то я просмотрел Вашу критику с некоторым любопытством, смешанным с удивлением» [21]. П. Мериме в тонкой ироничной манере описал этот инцидент в письме к И.С. Тургеневу: «Г-н Леонтьев<...> пишет мне из Адрианополя и благодарит за критику, хотя и не принимает ее, ибо говорит, что «будущее за ним». Его непоколебимая уверенность в собственных талантах показалась мне чисто французской» [22].

В 1853 г. К.Н. Леонтьев резко изменил обстоятельства своей жизни: не окончив университетского курса, он аттестовался на батальонного лекаря и уехал на театр военных действий Крымской войны. Главным при принятии этого решения, скорее всего, было стремление выйти за рамки надоевшей и неудачливой повседневности, реализовать тягу к перемене мест, лиц и отношений; тем самым «он искал сильных и свежих впечатлений, ярких красок, острых чувств» [23]. Кроме того, К.Н. Леонтьев планировал поправить здоровье в условиях южного климата.

С 1854 г. К.Н. Леонтьев служил на лекарьских должностях в госпиталях Керчи и Феодосии: вначале (в июне 1854 г.) он был назначен батальонным лекарем в Белевский егерский полк; затем он был младшим ординатором Керчь-Еникальского военного госпиталя; покинув это теплое место, он был направлен в Донской казачий полк, постоянно передислоцировавшийся из аула в аул; будучи назначенным в госпиталь в Феодосии, он тут же крупно рассорился с тамошним начальством и к зиме

оказался в Карасу-Базаре. Здесь свирепствовал тиф, лихорадка и гангрена, люди гибли сотнями. Леонтьев, видя, как погибают не только больные, но и врачи (из четырнадцати врачей на ногах остались двое, остальные или умерли, или уже были больны), убегает в Феодосию, бросив своих больных на произвол судьбы. «Лишь заступничество друзей помогло ему избежать суда, и его вернули в казачий полк. Снова степь, вино, водка, тишина, безделье» [24].

Позже К.Н. Леонтьев вспоминал: «Природа и война. Степь и казацкий конь верховой! Молодость моя, молодость и чистое небо! <...> Это был какой-то апофеоз блаженства» [25].

Ему приходилось оставаться одному с десятками раненых, не раз подвергаться опасности; он увидел реальную жизнь, сложные человеческие отношения, отягощенные военной обстановкой. Избалованный и самолюбивый мальчишка-нарцисс постепенно становился взрослым и ответственным мужчиной. Еще 25 ноября 1854 г. он писал матери из Еникале, что «сначала было нечем показать себя с выгодной стороны, после того, как <...> я на первых двух курсах почти ничего, по известному душевному состоянию, не делал» [26].

10 января 1855 г. К.Н. Леонтьев в письме к матери выказал следующую оценку своей военно-медицинской деятельности: «Моя настоящая служба тоже нравится мне порой, как невкусное лекарство, от которого видишь пользу»; а 24 января 1855 г. добавил: «Настоящая моя жизнь может быть допущена только как лекарство, а не как постоянная пища» [27].

23 января 1855 г. он к неопишуемому собственному удивлению успешно сделал ампутацию. Рост качественно-количественных характеристик лекарской практики, бесхитростные полевые условия существования формировали у К.Н. Леонтьева уверенность в своих силах (он даже решил готовиться к сдаче экзамена на докторский чин, так как «надоело жить в нужде»), заставили его забыть «постоянную душевную тоску, придали опытности в житейских отношениях и обратили к какой-то простоте» [28].

Завершая свою военную эпопею, он в 1855 г. вновь писал матери: «В крымской моей жизни было много трудностей, много того, что зовут борьбой с обстоятельствами, но я не ошибся,

предсказавши сам себе, что такая жизнь в глуши и посреди новой обстановки должна исцелить мою душу от прежней болезненности <...> Я благодарен Крыму, хотя никогда в жизни я не был принужден отказывать себе во стольком» [29].

Наконец, в Крыму К.Н. Леонтьев, пусть это и покажется неожиданным для военных условий, действительно физически окреп и оздоровился.

Осенью 1856 г. К.Н. Леонтьев получил полугодовой отпуск с военной службы и до 1857 г. «гостил долго в прекрасном степном имении И.Н. Шатилова в Крыму<...> У Шатиловых я жил не без дела; я был годовым доктором и лечил очень удачно его русских крестьян, татар и дворовых» [30]. Годовым доктором называли врача на годовом жаловании.

10 августа 1857 г. К.Н. Леонтьев по собственному прошению окончательно уволился и уехал в Москву, где пытался подыскать себе подходящее место, позволяющее заниматься литературой. Поиски не увенчались успехом. Тогда он принял предложение занять место домашнего врача в имении баронессы Розен (Арзамасский уезд Нижегородской губернии). Благополучие сельской жизни, радости богатого дома, возможность заниматься одновременно медициной и литературой на два года затянули Леонтьева. Это было «благополучное, веселое, деятельное, творческое время <...> Но, погрузившись у Розен в знакомый с детства усадебный мир, воссоздавая в воображении и романе окрашенные грустью и любовью картины своего родового Кудинова, Леонтьев не может успокоиться в пределах этого мира с его изящным уютом, душевной безмятежностью и умственной тонкостью. Хотя он бесконечно ценит всю прелесть и поэзию его, но он жаждет борьбы, драки, в нем кипят дерзкие мысли и отважные чувства, воля его требует безграничного простора» [31].

К.Н. Леонтьев вновь готовился к очередному решительному повороту судьбы. Осенью 1860 г. он окончательно оставил медицину, переехал в Петербург, где попытался жить только литературным трудом. К тридцати годам у него были опубликованы роман, три повести и несколько критических очерков; однако жизнь в столице оказалась весьма затруднительной: напе-

чатать не удавалось почти ничего, а средства к существованию добывались им преимущественно уроками и переводами.

В 1861 г. К.Н. Леонтьев случайно познакомился с русским консулом на Балканах (остров Сир) А.И. Дубницким, живописные рассказы которого о Востоке буквально пленили Константина Николаевича. Сыграла свою роль также встреча с А.М. Хитрово – старым знакомым еще по Калуге, назначенным первым российским консулом в Битоли. Кроме того, в 1861 г. К.Н. Леонтьев женился (его отношения с женой и пр. будут рассмотрены ниже), а на будущий год из-за материальных затруднений молодая семья покинула Петербург и переехала в Кудиново. В это время К.Н. Леонтьев настойчиво искал место на государственной службе, стремясь тем самым поправить дела. Брат К.Н. Леонтьева – Владимир Николаевич – познакомил его с вице-директором Азиатского департамента МИД П.К. Стремоуховым, благодаря протекции которого К.Н. Леонтьев сдал консульский экзамен и приказом по МИД за № 4 от 11 февраля 1863 г. был определен на службу в Азиатский департамент канцелярским чиновником [32].

После девяти месяцев службы в центральном аппарате 25 октября 1863 г. К.Н. Леонтьев был назначен секретарем и драгоманом российского консульства в Кандии (остров Крит). Так начался новый, самый яркий период его жизни, период ее высшего цветения и обретения счастья в красоте (чего он как раз и не находил в России).

Прибыв в Кандию в конце года, К.Н. Леонтьев был несказанно доволен, ему все здесь нравилось: природа, климат, «а в особенности свободолюбивый и гордый народ. Благодаря консулу С.И. Дендрину, греку по национальности, молодой дипломат и литератор хорошо изучил местные традиции, обычаи, разобрался в политической ситуации, много и неформально общался с местным населением» [33].

К.Н. Леонтьев пробыл в Кандии всего несколько месяцев: он был отозван в Константинополь после ссоры с французским консулом. Речь идет об известном «оскорблении действием»: летом 1864 г. К.Н. Леонтьев зашел в канцелярию французского консульства и ударил хлыстом по лицу консула Дерше,

оскорбительно отзывавшегося о России. Ю.П. Иваск так описывает эту сцену:

« – Чудовище! – крикнул ему француз.
– Жалкий европеец! – отвечал Леонтьев» [34].

Дерше не вызвал обидчика на дуэль, а правительство Франции по каким-то причинам не стало поднимать шум. Поведение же К.Н. Леонтьева позже получило неофициальное одобрение вице-канцлера А.М. Горчакова.

27 августа 1864 г. приказом по МИД К.Н. Леонтьев был назначен секретарем и драгоманом российского консульства в Адрианополе, где с небольшими перерывами пробыл до апреля 1867 г., а в 1865 г. был награжден орденом Святой Анны 3-й степени. Направление в Адрианополь – центр «чреватой беспорядками» Фракии (туда дважды – в 1829 г. и в 1878 г. вводились русские войска) – являлось для К.Н. Леонтьева повышением по службе. С другой стороны, работа на таком сложном участке являлась непростым экзаменом, который Константин Николаевич уверенно выдержал.

Адрианополь («смрадный город») нравился К.Н. Леонтьеву много меньше Крита, но и здесь он нашел «много поэзии», заключавшейся «в простом народе, в турецких кварталах, в мечетях, в кладбищах, в банях, в хорошеньких девочках предместий» [35].

Здесь его деятельность часто выходила за рамки общепринятой дипломатической практики. Так, 20 октября 1865 г. консул в Адрианополе Золотарев направил в Азиатский департамент МИД леонтьевскую «Записку о необходимости литературного влияния во Фракии». В ней К.Н. Леонтьев утверждал, что для успеха в борьбе России с Западом за влияние на славян требуется, наряду с политическими средствами, использовать литературу, искусство, историю, организацию и развитие школьного дела и мн. др. «Важно, – утверждал К.Н. Леонтьев, – чтобы греки и славяне видели в России «не только большую единоверную политическую силу, но, сверх того, и своеобразный государственно-национальный организм, и своеобразное общество, и еще более своеобразный простой народ, и своеобразную литературу<...>, и особую историческую науку, все более и более развиваемую» [36].

Н.А. Бердяев писал: «Вообще, он делает быструю дипломатическую карьеру» [37]. Но, несмотря на успехи, К.Н. Леонтьев вскоре начал хлопотать о переводе на другое место. 15 апреля 1867 г. он был назначен вице-консулом в Тульчу (с производством в надворные советники), а 31 марта 1868 г. награжден орденом Святого Станислава.

Обстановка в Тульче (турецкая провинция Добруджа) была непростой: на подведомственной территории имелось около 20 тыс. русских дворов (староверы-некрасовцы, молокане, скопцы, обычные православные и пр.). В своих донесениях молодой вице-консул много писал о взаимоотношениях этих людей и с турецкими властями, и со своей бывшей родиной. Его тексты порой были весьма поэтичны: «Здесь есть и движение, и покой, и восток, и запад, и север, и юг<...> Здесь и Россия, и Молдавия, и Турция, и Австрия, и простор деревенский, и <...> центр Европы. Прелесть!» [38].

К.Н. Леонтьев провел в Тульче около двух лет. Его многое здесь устраивало. 12 августа 1867 г. он писал своему другу К.А. Губастову: «Я здесь точно русский помещик. Сижусь с утра в чистом белье, в русском бурнусе<...>, усы подкручены, лицо... вымыто душистым снадобьем, туфли новые, комната простая, но хорошая, кухарка русская, труд, так сказать, на поприще отчизны... Все у меня есть... и роман пишу» [39].

Казалось бы, все замечательно, но все те же материальные затруднения вновь заставили К.Н. Леонтьева просить о повышении. Для этого он осенью 1868 г. приехал в Петербург и 7 января 1869 г. получил назначение консулом в Янину (албанский город с турецким населением). Здесь К.Н. Леонтьев очень много работал, буквально засыпая МИД объемными донесениями, представлявшими из себя интереснейшие статистические, этнографические и исторические очерки. Но по прошествии двух лет он начал тяготиться янинскими условиями жизни и работы. К.Н. Леонтьев обратился с просьбой о переводе (желательно на Дунай) к своему непосредственному начальнику – послу в Константинополе графу Н.П. Игнатьеву.

9 апреля 1871 г. К.Н. Леонтьев был назначен консулом в Салоники (город тогда назывался Солунь, расположен на берегу Эгейского моря, а не на Дунае). При этом ему была обещана

должность генерального консула в Богемии. 28 марта 1871 г. К.Н. Леонтьев был награжден орденом Святой Анны 2-й степени. 25 апреля он прибыл к новому месту службы; начальству сразу же была подана «Записка о путешествии надворного советника Леонтьева от Янины через Фессалию до Солуны» в двух частях [40].

В письмах тех дней К.Н. Леонтьев все время жаловался на местный климат, от которого серьезно обострились его проблемы со здоровьем. В мае 1871 г. посол разрешил ему поездку на Афон, входивший в леонтьевский консульский округ.

Здесь завершается относительно благополучный период консульской жизни К.Н. Леонтьева. У Б.А. Грифцова мы можем найти исключительно точную его оценку: «Нужно ясно себе представить, чем была для Леонтьева его консульская служба. Раньше он нестерпимо мучился от своих оторванных мыслей, от преувеличенной болезни, от безденежья, от точно умышленно неудачных влюбленностей. От всех этих мучений Восток избавил. Отдавшись чувствам непосредственным, он подчинился теперь жизненной правде, которая вызвала любовь к событиям, к ярким краскам, к борьбе, к самой любви. Южный воздух облегчил грудь. Хороший заработок сделал доступной некоторую расточительность, без которой Леонтьев никогда не мог жить спокойно. Наконец, и его безграничное честолюбие если и могло быть удовлетворимо среди механических форм современной службы, то только на дипломатической службе и, по-видимому, только на этнографически и красочно беспокойном Востоке» [41].

В июле 1871 г. К.Н. Леонтьев тяжело заболел. Это был год очередного серьезного душевного кризиса; тому немало способствовали такие факторы, как смерть любимой матери, усилившаяся душевная болезнь жены, которую он даже был вынужден отправить в Одессу, его собственные переживания, связанные с очередным витком самоидентификации, в основе которой лежал «разрыв с поэзией изящной безнравственности» [42]. Уже с конца 1870 г. он постоянно думал о продолжении жизни в монастыре.

Н.А. Бердяев так описывал внутреннее состояние К.Н. Леонтьева в то время: «Причины глубокого духовного потрясе-

ния, пережитого Константином Николаевичем в 1871 году, после которого начинается новая эра его жизни, не до конца ясны, и сам он говорит об этом лишь намеками<...> Признаки назревающего душевного переворота начинаются уже в 1869 году<...> Началось разочарование, утомление, сомнение. Прошло упоение жизнью. Земная радость, земное счастье в красоте – недоступны. Всякий грех несет за собой неотвратимую кару. Душевная почва была уже разрыхлена у Константина Николаевича. В июле 1871 года он заболел сильным желудочным расстройством, которое принял за холеру<...> Он решает, что положение его безнадежно. Его охватывает ужас смерти и гибели» [43].

Итак, летом 1871 г. К.Н. Леонтьев самодиагностировал у себя холеру и впал в состояние крайнего отчаяния, предполагая собственную скорую кончину (другие исследователи считают, что болезнь К.Н. Леонтьева имела желудочный, третий – простудный характер) [44]. В любом случае он воспринял «выздоровление как чудесное исцеление и дал обет принять монашеский постриг» [45]. Значительно позже в письме к В.В. Розанову от 13 августа 1891 г. К.Н. Леонтьев подробно описал свои переживания двадцатилетней давности: «В лето 1871 года, когда консулом в Салониках, лежа на диване в страхе неожиданной смерти (от сильнейшего приступа холеры), я смотрел на образ Божьей Матери (только что привезенный мне монахом с Афона) <...> Я думал в ту минуту даже не о спасении души<...>; я, обыкновенно вовсе не боязливый, пришел в ужас просто от мысли о телесной смерти<...> Я вдруг, в одну минуту, поверил в существование и в могущество этой Божьей Матери; поверил так ощутительно и твердо...и воскликнул: «Матерь Божия! Рано! Рано умирать мне!... Я еще ничего не сделал достойного моих способностей и вел в высшей степени развратную, утонченно-грешную жизнь! Подыми меня с этого одра смерти. Я поеду на Афон, поклонюсь старцам, <...> и даже постригусь в монахи... Через два часа я был здоров; все прошло еще прежде, чем явился доктор; постригаться немедленно меня отговорили старцы, но православным я стал очень скоро под их руководством» [46].

События развивались следующим образом: после «чудесного исцеления» К.Н. Леонтьев верхом срочно выехал на

Афон в Свято-Пантелеимонов монастырь, откуда через две недели на два дня вернулся в Салоники, где, между прочим, сжег в камине громадную рукопись шести романов под общим названием «Река времени», над которыми работал последние восемь лет. Видевшие его в эти два дня сослуживцы решили, что консул сошел с ума: такое тяжелое впечатление он производил на окружающих своим поведением [47]. Кроме того, в эти два дня лихорадка К.Н. Леонтьева вновь возобновилась.

Уведомив посла, что по болезни он пока не может управлять консульством, К.Н. Леонтьев вернулся в Афон. Старцы Свято-Пантелеимонова монастыря не дали ему благословения на монашеский постриг и уговорили пока остаться в миру. Митрополит Антоний (А.П. Храповицкий) в одной из своих статей с иронией сообщил о «предпринятой К.Н. Леонтьевым на Афонской горе попытке принять монашеский постриг и о его странной религиозности» [48]. Действительно, «не надо было обладать мудростью афонских старцев, чтобы видеть, сколь еще не подготовлен к монашеству человек, вчера только ездивший от француженки к тринадцатилетним одалискам и не представлявший себе ни одного дня без кофе и дорогих сигар. В монастырь его не взяли» [49].

В январе 1872 г. К.Н. Леонтьев снова приехал в Салоники, чтобы сдать дела по консульству, после чего вновь возвратился в Афон, где много и истово молился, читал духовную литературу, общался со старцами (особенно с архимандритом Макарием и отцом Иеронимом) и вел жизнь религиозного аскета. В.С. Соловьев писал об этом: «Во время жизни в греко-турецких городах произошел в Леонтьеве умственный переворот, закончившийся на Афоне. Прежний натуралист и жорж-зандист <...> сделался крайним и искренним сторонником византийско-аскетического мировоззрения» [50].

К.Н. Леонтьев фактически бросил консульство на произвол судьбы, что не могло остаться незамеченным со стороны его дипломатического начальства. Русский посол в Константинополе граф Н.П. Игнатьев предъявил К.Н. Леонтьеву ультиматум: либо возврат к консульским обязанностям, либо увольнение со службы. 28 августа 1872 г. К.Н. Леонтьев ответил послу очень

уклончиво, называя себя, между прочим, «полумонахом, полуконсулом» [51].

Рассчитывать на прежнее благоволение посла К.Н. Леонтьев уже не мог еще и потому, что их взгляды на восточную политику серьезно разошлись: в греко-болгарском вопросе (церковно-политическая распря) К.Н. Леонтьев, вопреки общей и официальной установке, выступал на стороне греков; также К.Н. Леонтьев не признавал значимости идеи панславизма, убежденно повторяя, что она вредна и для России, и для славянских народов, а слияние славян в одно государство будет означать начало разложения России.

Так или иначе, но в ноябре 1872 г. К.Н. Леонтьев подал прошение об отставке, которая (вместе с годовой пенсией в 600 руб.) была ему предоставлена с 1 января 1873 г. Леонтьевская семья переехала в Константинополь; здесь К.Н. Леонтьев хотел просто жить при посольстве, добывая средства для жизни литературным трудом. Это время – около года (в Константинополе и на острове Халки) – самое счастливое для К.Н. Леонтьева, здесь он закончил свой капитальный труд «Византизм и славянство», жил в приятном обществе, здоровье постепенно поправилось (сказался прекрасный климат). К.Н. Леонтьев пользовался бы благами околопосольского проживания и дальше, но средства истощались, публикаторство практически не давало дохода (например, М.Н. Катков отказался взять для печати «Византизм и славянство»); словом, жизнь предполагала новые перемены. Сохранившиеся портреты того времени показывают, что внешне К.Н. Леонтьев серьезно изменился: «Вместо элегантного жизнерадостного аристократа на нас смотрит сосредоточенное, самоуглубленное лицо духовно просветленного человека. Сюртук он сменил на кафтан, и эту вольную русскую одежду носил постоянно» [52].

Весной 1874 г. К.Н. Леонтьев вернулся в Россию; как писал Н.А. Бердяев, «период от возвращения с Востока до поселения в Оптиной Пустыни был самым тяжелым и несчастным в жизни К. Леонтьева. Вся его жизнь стоит под знаком нужды, болезней, духовного одиночества и непризнания» [53].

Для жизни в Москве не хватало средств, поэтому семья переехала (после 12-летней отлучки) в родовое имение Кудино-

во, но это не оправдало надежд К.Н. Леонтьева. Он стал подумывать о переселении в монастырь; осенью 1874 г. съездил в Оптину Пустынь (60 верст от Кудинова), где сблизился с отцом Климентом (Зедергольмом) и отцом Амвросием. А зимой 1874–1875 гг. прошел послушание в Николо-Угрешском монастыре.

Эта обитель находится в 15 верстах от Москвы; она была основана еще Дмитрием Донским по возвращении с Куликовской битвы. В леонтьевские времена Николо-Угрешским монастырем управлял архимандрит Пимен (П.Д. Мясников). 4 ноября 1874 г. К.Н. Леонтьев писал К.А. Губастову: «Наконец, <...> я у пристани! Монастырь красив, архимандрит ко мне очень милостив, келия опрятна и просторна. Я уже брат Константин, а не К.Н. Леонтьев» [54].

Казалось бы все хорошо, но К.Н. Леонтьев смог пробыть в Николо-Угрешском монастыре только несколько месяцев. Причину кратковременности пребывания в этой обители, возвращения в мир мы находим в строках письма К.Н. Леонтьева князю К.Д. Гагарину: «В Угреше я старался исполнять все, как мог, но не мог никак привыкнуть к слишком уж грубой и простой будничной пище в общей трапезе, а покупать свое было в январе и феврале вовсе не на что; я до того ослабел от голода и заболел Великим постом от какой-то нервной одышки, что сам архимандрит Угрешский благословил меня пожить на воле в деревне» [55].

Н.А. Бердяев считал, что не только физическая немощь заставила К.Н. Леонтьева отказаться от «суровой школы монашеского послушания». Находясь в монастыре, он тосковал по «жизни и блестящей борьбе», возвращаясь в мир, он «вновь не находит себе успокоения, не находит себе места» [56].

Материальные затруднения (а семья существовала буквально на грани нищеты) подвинули К.Н. Леонтьева к «унижению»: впервые в жизни он обратился за денежной помощью в Литературный фонд (Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым, основанное А.В. Дружининым в 1859 г. в Петербурге). В письме к Н.Н. Страхову от 16 июля 1875 г. К.Н. Леонтьев жаловался на свою бедность: «У меня пенсии 600 рублей, имение, заложенное и перезаложенное, дает всего около 200 рублей в год, у меня 7 000 рублей долгу <...>, недуги беспре-

станные, и на эти 800 рублей нас содержится четверо. И в монахах с нашими привычками надо хоть 50 рублей в месяц <...>, а где их взять?» [57].

Однако осенью 1875 г. он опять собрался устроиться в какой-нибудь монастырь, но не только в целях экономии средств: «Долго без церкви и молитвы я быть не могу, и на меня слишком часто в мирской обстановке находит нестерпимый ужас смерти и тоска» [58].

В этот период большое влияние на личность К.Н. Леонтьева оказывали уже упоминавшиеся старцы Оптиной Пустыни Климент (Зедергольм), а после его кончины в 1878 г. — отец Амвросий. Под их влиянием К.Н. Леонтьев принял решение оставить беллетристику. С начала 1870-х годов он сосредоточился на политической, религиозно-философской публицистике, сотрудничая в журналах «Русский вестник», «Русское обозрение», газетах «Гражданин» и «Московские ведомости» (редактор весьма консервативного «Гражданина» — князь В.П. Мещерский — с удовольствием печатал основные материалы К.Н. Леонтьева).

Вплоть до 1880 г. К.Н. Леонтьев жил преимущественно в Кудинове, где много писал и сильно бедствовал (большинство статей К.Н. Леонтьева этого периода собраны в двухтомнике «Восток, Россия и славянство»).

В конце 1879 г. К.Н. Леонтьев принял предложение князя Н.Н. Горчакова стать его помощником в издании газеты «Варшавский дневник». Это была официальная русскоязычная газета в Царстве Польском, редактором которой в 1879–1883 гг. являлся уже упоминавшийся Н.Н. Горчаков. К.Н. Леонтьев работал в этой газете с января по апрель 1880 г.; за это время он опубликовал на ее страницах более сорока статей и заметок [59].

Для газеты леонтьевское участие не прошло даром: она стала более популярной (число подписчиков, едва дотягивавшее в начале года до сотни, через четыре месяца перевалило за тысячу); да и сам К.Н. Леонтьев, проживая в Варшаве, смог лучше «узнать Европу, расширить свои представления об истории славянства» [60]. А одна фраза из статьи в «Варшавском дневнике» («надо подморозить хоть немного Россию, чтобы она не «гнила» [61]) не просто принесла автору всероссийскую популярность,

но и стала общепризнанным лозунгом программы контрреформ правительства Александра III.

Но работа в малоизвестной газете с нищенским заработком не удовлетворяла К.Н. Леонтьева; в апреле 1880 г. он уехал в Петербург добиваться нового назначения, а лето провел в ожидании в Кудинове. Покровитель и попечитель, а во многом и единомышленник К.Н. Леонтьева – Т.И. Филиппов – помог ему получить место цензора в Московском цензурном комитете. К.Н. Леонтьев вступил в цензорскую должность в конце 1880 г. По воспоминаниям К.А. Губастова, «он жил в самой скромной обстановке, обязанности цензора он выносил только ради настоящего хлеба и содержания семьи, подумывая охотнее всего об отставке и переселении в Оптину Пустынь» [62].

Думается, не будет преувеличением сказать, что «цензорский» период жизни (около шести лет) был наименее плодотворным для К.Н. Леонтьева. Н.А. Бердяев писал: «Денежные затруднения привели к тому, что Кудиново пришлось продать крестьянину. Этот период жизни связан также с ужасными болезнями. У Константина Николаевича была бессонница, мигрени, поносы, рези в животе, раздражение мочевого пузыря, кашель и болезнь гортани, трещины и сыпи на ногах и руках, отеки. Была также болезнь спинного мозга и сужение мочевого канала. В 1886 г. он заболел гнойным заражением крови и воспалением лимфатических сосудов в руке. Несколько раз он был при смерти» [63].

Тем не менее, К.Н. Леонтьев старался не унывать. Цензорская синекура – несуетная служба с приличным окладом – представлялась ему следующим образом: «Жизнь цензора я считаю чем-то вроде жизни той свиньи, которая обеспечена и чешется об угол сруба; но тем-то она и хороша» [64].

Вопреки ожиданиям, К.Н. Леонтьев как цензор не проявил себя ни консерватором, ни реакционером; напротив, он даже вольничал и проказничал. Л.А. Тихомиров, в частности, вспоминал, как он в одной из рецензируемых повестей слова «И генералы берут взятки» заменил на «И либералы берут взятки». Возник конфликт с автором, справедливо утверждавшим, что никаких либералов в его произведении вовсе не было. Цензор и

автор «сторговались»: злополучная фраза была выброшена, не осталось ни генерала, ни либерала.

Иногда К.Н. Леонтьев затягивал чтение рукописей; выяснилось, что несвоевременность дачи отзыва была связана с довольно комичной (если не сказать больше) причиной: все «книжки для народа» читал не К.Н. Леонтьев, а его лакей Федор, который высказывал барину свое мнение, «нет ли там чего худого против царя»; уже в соответствии с этим «компетентным мнением», не читая текста, К.Н. Леонтьев ставил (или нет) цензорскую печать [65].

В феврале 1887 г. К.Н. Леонтьев вышел в отставку с весьма приличной пенсией (1000 рублей в год и еще 1500 рублей дополнительно за литературную деятельность). В мае 1887 г. им был арендован достаточно приличный и вместительный дом в Оптиной Пустыни (этот дом и позже долго именовали «консульским», поскольку самого К.Н. Леонтьева за глаза звали «консулом»); осенью 1887 г. К.Н. Леонтьев с женой и слугами окончательно поселился в нем. С этого периода начинается время его всецелого послушания воле отца Амвросия.

Оптина (Введенская) Пустынь занимала важное место в жизни К.Н. Леонтьева, и не только. Этот мужской монастырь, расположенный в 2-х км от Козельска Калужской губернии, был основан еще в XIV веке Оптою (Макарием). В 1821 г. в монастыре был основан Иоанно-Предтеченский скит, ставший своеобразным религиозно-философским центром российской духовной жизни; проживавших в скиту старцев посещали многие выдающиеся деятели отечественной культуры: Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой и мн. др. (после октября 1917 г. монастырь был закрыт и возвращен Русской православной церкви лишь в 1987 г.).

К.Н. Леонтьев попал впервые в Оптину Пустынь еще ребенком; мать любила рассказывать, как он тогда сказал: «Вы меня больше сюда не возите, а то я непременно тут останусь». По мнению В. Доброва, «этот штрих его детства приобретает провиденциальное значение, так как Оптина Пустынь сыграла громадную роль в последние годы его личной жизни» [66].

Изредка К.Н. Леонтьев наезжал в Москву, где в это время в его квартире собирался преданный ему круг молодых лю-

дей: А.А. Александров, И.И. Фудель, Я.А. Денисов, Н.А. Уманов, И.И. Кристи и др. 24 июля 1890 г. он написал И.И. Фуделю: «У меня много друзей, так сказать, «сердечных», но «умственных» друзей очень мало. И теперь в 60 почти лет я только и могу указать на Т.И. Филиппова и да на вас двоих с Александровым» [67]. Не случайно к издаваемому в 1885–1886 гг. двухтомному сборнику статей «Восток, Россия и славянство» К.Н. Леонтьев предпослал следующее посвящение: «Посвящается Тertiю Ивановичу Филиппову в знак невыразимой признательности за неизменную поддержку в долгие дни моего умственного одиночества» [68].

Пребывание К.Н. Леонтьева в Оптиной Пустыни вызвало всеобщий интерес: его примечательная личность была тому причиной. Современники отмечали его разговорчивость и откровенность, простоту общения, нежелание использовать любые приемы для придания себе какой-то особой значимости. Е.Н. Поселянин вспоминал: «Он как-то радостно выражал свое мнение. Казалось, что мыслям было тесно в его голове, и они искали себе выхода». Он так же интересно описывал свое первое впечатление от встречи с «консулом»: «Я увидел <...> старого видного господина с манерами человека хорошего общества, совсем необычного на вид. Очень выразительное лицо, живые глаза более пристально, чем быстро, смотревшие на все. Он был высок, и рост скрывал его полноту» [69].

В это время состояние здоровья К.Н. Леонтьева несколько стабилизировалось, хотя он расплнел и периодически испытывал приступы слабости; в свой актив он записывал отказ от мяса, ограничение в курении и употреблении кофе, а также <...> стремление «думать для собственного удовольствия, а не для печати». Еще совсем недавно он не мог себе этого представить, а 30 мая 1889 г. уже писал О.А. Новиковой: «Житье здесь покойно и просторно, недорого, в достатке. У меня за 400 р.с. в год совсем особая при монастыре небольшая усадьба; просторный двухэтажный, старый дом <...>; особый садик, обращенный к лесу и загороженный домом и оградой, от людей и всякого движения, так что я иногда по целым часам сижу в буддистском созерцании на балконе; ничего и никого, кроме зелени и леса не вижу, и ничего, кроме пения птиц, не слышу. Зимой дом очень

тепел и так просторен, что я один на свою долю занимаю наверху четыре комнаты с прекрасными видами из окон».

И далее, будучи верен себе во всем и до конца: «Здесь русский дух! Здесь Русью пахнет! И во многих отношениях Русью очень старой, даже до сих пор благополучно отстаивающей себя от России новой, либеральной и космополитической; от мерзкой России – пара, телефонов, электрического света, суда присяжных, пиджака, «Вестника Европы», польки-трамбант, всеобщего равномерного «человеческого достоинства». Здесь – именно тот русский византизм, который так ненавистен глупым славянофилам <...> и без которого будет конец не только для России, <...> но и для всего остального славянства (пока еще столь бессодержательного и несамобытного духом)» [70].

18 августа (по другим данным 23 августа) 1891 г. случилось то, о чем К.Н. Леонтьев долго и страстно мечтал: в Предтечевом скиту Оптиной Пустыни в келье отца Варсонофия он принял тайный постриг с именем Климента (то есть с тем самым, с каким пошел в монашество его друг Зедергольм). Однажды К.Н. Леонтьева навещил в Сергиевом Посаде А.А. Александров; он застал своего старшего товарища одетым в монашескую рясу и примеривающего у зеркала черный клобук. «Да! – сказал К.Н. Леонтьев. – Свершилось, я теперь уже монах». Еще одним доказательством (для кого-то спорного) монашества К.Н. Леонтьева было постоянное присутствие четок в его руках.

По настоянию отца Амвросия К.Н. Леонтьев сразу после пострижения должен был отправиться для монашеского служения в Троице-Сергиеву лавру; он приехал туда 30 августа 1891 г. и поселился в Новой лаврской гостинице (сначала в номере № 24, затем в другом). «Наконец я кое-как добрался до Троице-Сергиевой, – писал К.Н. Леонтьев В.В. Розанову 3 сентября 1891 г., – и остаюсь здесь, по крайней мере, до лета; а вернее, что навсегда. Пока совершенно одинок, не выхожу из номера по слабости и скучаю по Оптиной» [71].

Действительно, здоровье не позволяло К.Н. Леонтьеву активно участвовать в религиозной жизни; в церкви он едва ли мог выстоять до конца всю службу (поэтому нередко во время богослужений он просто сидел на стуле). Довольно часто его посещали приступы слабости, так или иначе обострялись какие-

то болезни. Да и сам переезд в Москву (Сергиев Посад) был осуществлен по предписанию отца Амвросия, желавшего, чтобы К.Н. Леонтьев был «поближе к хорошим докторам».

В это время, как вспоминали современники, стала довольно заметной разница между физическим и духовным состоянием К.Н. Леонтьева: «Физическая слабость Константина Николаевича, однако, не отразилась на его душевном состоянии. В этом отношении он казался моложе своих лет. Его мысль всегда оставалась ясной и светлой, ощущения – свежими и тонкими. Он всем интересовался, способен был увлекаться. Лицо его бросалось в глаза: худощавое, с тонкими чертами, оно было выразительно и подвижно. Голос оставался свеж и звучен, речь – остроумна, полна счастливо найденных выражений. Все у него было изящно, дышало аристократичностью, культурно выработанной породой <...> у него проявлялась какая-то природная власть, стародворянская тонкость вкуса, а также стародворянская распущенность» [72].

Известно, что К.Н. Леонтьев особенно мучился от сужения мочевого канала, он даже планировал обратиться за хирургической помощью для решения этой проблемы. Но смерть его была вызвана воспалением легких: к тому же в жарко натопленной комнате номера гостиницы К.Н. Леонтьев велел поставить свой рабочий стол у окна, на сквозняке. «Приехал лечиться от одной болезни, – писал В. Добров, – а умер от другой» [73]. Как писал В.В. Розанов, «он умер не от своей мучительной болезни, а от той самой пневмонии, пример которой был избран (в «Византивизме и славянстве» – центральной философской у него статье) для объяснения признаков смерти в своем «триедином процессе». Дурная погода, встретившая его у Троице-Сергия, на которую он жалуется в последних из этих писем, не заставила его побережся. Он схватил простуду: развилось воспаление легких, болезнь не смертельная в молодости, но в возрасте шестидесяти лет роковая. И он умер, прохворав недолго и не страдав исключительным страданием» [74].

Умирая, в полубессознательном состоянии К.Н. Леонтьев то и дело повторял: «Еще поборемясь!», и потом: «Нет, надо покориться!»; затем снова: «Еще поборемясь!», и вновь: «Надо

покориться...» Это и были его последние слова [75]. 12 ноября 1891 г. в 10 часов утра К.Н. Леонтьева не стало.

Когда стали готовить его тело к погребению, обнаружили параман, одетый поверх сорочки – сомнений в его иночестве уже не осталось.

15 ноября 1891 г. К.Н. Леонтьев был отпет членами академического духовенства во главе с ректором Московской духовной академии архимандритом Антонием; отпевали его в церкви Рождества Богородицы на Вифании (непосредственно службу вели отец Трифон, настоятель храма отец Михаил и молодой священник Н. Толстой, познакомившийся с К.Н. Леонтьевым за несколько дней до его смерти). Н. Толстой вспоминал: «Случилось, что в этот день погода была очень плохая и <...> ни один священник не согласился сопровождать тело покойного до места его вечного успокоения. Таким образом, честь проводить гроб Леонтьева и опустить его в могилу досталась мне» [76].

К.Н. Леонтьев был похоронен в Гефсиманском скиту на кладбище у церкви Черниговской Богоматери (позже рядом с ним был захоронен В.В. Розанов и его близкие родственники).

На поминках присутствовали многие профессора Московской духовной академии, в том числе известный профессор Н.И. Субботин, который и произнес красивую надгробную речь. «Речь Н.И. Субботина, – вспоминал Н. Толстой, – всех очень тронула, только ко всеобщему удивлению он закончил ее довольно неожиданно провозглашением тоста в честь заслуг почившего. При этом Субботин взял со стола бутылку вина и стал наливать в свой стакан, но бутылка оказалась закупоренной. Дело в том, что все эти бутылки были поставлены на поминальном столе лишь для декорации и были откупорены только по настоянию оратора» [77].

Несколько слов о судьбе могилы К.Н. Леонтьева. Он был захоронен, как говорилось выше, в Черниговском скиту – отделении Гефсимании Троице-Сергиевой лавры. Скит был основан в 1845 г. и назывался «Пещерой», поскольку церковь действительно была устроена в пещере. В 1852 г. в скит была пожертвована Черниговская икона Божьей Матери, а над пещерной церковью возведен деревянный храм в честь этой иконы. В 1893 г.

было закончено возведение каменного храма, созданного архитектором Н.В. Султановым.

Летом 1921 г. советская власть превратила Черниговский скит в концлагерь для уклоняющихся от трудовой повинности; а в 1923 г. скит стал колонией инвалидов труда имени И.П. Каляева (колония заполнялась деклассированными элементами), которые разорили кладбище и церковь, начали разбивать и выбрасывать надгробные памятники, использовать их для мощения дороги до Сергиева Посада [78].

18 мая 1927 г. М.П. Пришвин вместе с Т.В. Розановой и Е.Т. Александровой побывал на кладбище и детально зафиксировал местоположение могил К.Н. Леонтьева и В.В. Розанова. В этот день он записал в своем дневнике: «Могила В.В. Розанова на кладбище Черниговского скита в расстоянии 21 метра 85 сантиметров по бетонной дорожке от крайнего приступа паперти Черниговской Богоматери; под прямым углом от этой точки на запад, как раз против третьего окна четвертого корпуса, в трех метрах находится центр могилы Конст. Леонтьева, и по той же линии к третьему окну в расстоянии от половины до одного аршина находятся три могилы семьи Розановых, левая, по всей вероятности, В.В. Розанова.

Чугунный памятник К. Леонтьева опрокинут, центральная часть его с надписью выбита. <...> Корпуса Черниговского скита населены преступниками и проститутками (Исправит. дом имени Каляева)» [79].

Многие десятилетия могила К.Н. Леонтьева пребывала в запустении: постройки скита не сохранились; церковь была превращена в кочегарку, а кладбище засыпано углем и шлаком. Долгое время эта территория (под названием «Ферма») была частью Сергиева Посада (Загорска).

В 1990 г. Черниговский скит был возвращен Троице-Сергиевой лавре; начались восстановительные работы. Могилы К.Н. Леонтьева и В.В. Розанова были вновь обреты 3 октября 1991 г. Ю. Куликов вспоминал, что на основе пришвинских дневниковых записей «мы определили «центр» могилы К.Н. Леонтьева. В пределах ее оказался кирпичной кладки фундамент, на котором, по всей видимости, и стоял «чугунный памятник» [80].

К 100-летию со дня кончины К.Н. Леонтьева (монаха Климента) усилиями Православного общества «Радонеж» на его могиле было установлено каменное надгробие и дубовый крест. Это событие произошло 24 ноября 1991 г. [81].

В завершение изложения биографического очерка К.Н. Леонтьева обратимся к характеристике влияния на него близких людей, первыми из которых назовем афонских и оптинских старцев.

На Афоне отец Иероним был для К.Н. Леонтьева и катехизатором (учителем) и собственно старцем (руководителем жизни). В. Добров писал, что Иероним «с ним беседовал, расспрашивал, про себя рассказывал, объяснял, богословствовал и т.д.» [82]. В Оптиной Пустыни «отец Климент (Зедергольм) сделался катехизатором Леонтьева, а отец Амвросий – старцем» [83].

Отец Амвросий поначалу показался К.Н. Леонтьеву сухим человеком, избыточно лаконичным, не склонным к заинтересованному межличному общению. Даже возникла некоторая напряженность, которую помог преодолеть отец Климент; именно он начал приучать К.Н. Леонтьева к порядкам и правилам Оптиной Пустыни. Их личное знакомство, так много значившее для обоих, состоялось, еще когда К.Н. Леонтьев передавал отцу Клименту письма с Афона для отца Амвросия. Они сразу подружились. Отцу Клименту был весьма по нраву «мыслительный воздух» Святых Мест, с которым К.Н. Леонтьев приезжал в Оптину Пустынь. Во время своих достаточно продолжительных визитов К.Н. Леонтьев и отец Климент подолгу беседовали как о высших богословских проблемах, так и современных светских темах. Позже К.Н. Леонтьев с благодарностью вспоминал «своего высокообразованного и верующего друга», который «просил ему множество тайн, передал опыт и сделал много добра» [84].

2 апреля 1878 г. К.Н. Леонтьев писал отцу Клименту из Любани (вначале с покаянной самоиронией): «Я никогда не страдал забвением Оптиной, а напротив того, стал для Оптинских терновым венцом». Почему? Все дело в том, продолжал он в письме: «Этот Леонтьев никак не отвяжется, письма длинные, чувства смутны. Почерк гадкий, претензий куча, грехов самых

страшных целый музей. Ко всенощной идти не хочет, а просит, чтобы его били; на постную пищу сердится, а у нас за тысячу верст требует разрешения чуть не на то: во фраке или в сюртуке ему ехать с дамами разговаривать». И далее (о своем внутреннем состоянии уже без всякой иронии): «Иногда у меня голова кругом идет от разнообразных впечатлений, от неудержимой и безысходной работы мысли, от вещественных забот, которые отдыха не дают, от разнородных недугов и болей то там, то здесь, которые чередуются непрерывно, так что вот уже пять лет, как я дня совершенно здорового не помню. И, наконец, от духовной борьбы с «лютыми воспоминаниями», с унынием, когда не везет, и с легкомысленной, нестерпимой игрой фантазии, когда дела внешние получше» [85].

После смерти отца Климента К.Н. Леонтьев поселился в скиту в его келье и даже получал особое удовольствие от того, что писал на его столе. В это время он тесно сблизился с отцом Амвросием.

Святой преподобный Амвросий Оптинский (канонизирован в 1988 г. на Поместном соборе Русской православной церкви), являясь старшим духовником Оптиной Пустыни, для «духовного наставления» ежедневно принимал от 30 до 40 посетителей. Этот знаменитый собеседник Л.Н. Толстого, В.С. Соловьева, Ф.М. Достоевского и др. уделил особое внимание К.Н. Леонтьеву. Его полумирское послушничество дефакто с 1877 г. проходило под духовным руководством иеросхимонаха Амвросия, ставшего буквально главным актором «заключительного этапа духовной драмы» К.Н. Леонтьева. «В оптинской аскетике искал он твердые и правильные формы для своей рвущейся к краю природы, у старцев искал он суровую школу своему слишком широкому и своевольному духу» [86].

Надо заметить, что послушание К.Н. Леонтьева Амвросию носило всецелый характер; он испрашивал у старца благословения буквально на каждый свой шаг: будут ли благоприятны поездки, какие запрашивать гонорары, стоит ли отказываться от мясной пищи или курения (в отношении последнего, например, старец отсоветовал, так как борьба с никотиновой зависимостью столь затруднительна, что помешает К.Н. Леонтьеву писать, творить).

В результате духовного влияния старцев Оптиной Пустыни «в последние годы жизни <...> в его душу сошла какая-то примиренность со всем, даже с литературной судьбой своей» [87]. Жена П.Е. Астафьева вспоминала: «Вы знаете, Мария Ивановна, до чего я покоряюсь старцу? Вот если он мне прикажет вас убить, то я нисколько не задумаюсь» [88].

В 1879–1880-х годах старец Амвросий большое внимание уделял организации женских монастырских общин (главным образом для неимущих женщин). При его непосредственном участии была создана, в том числе, Казанская Амвросиевская женская пустынь в селе Шамордино Калужской губернии. Именно туда 3 июля 1891 г. отец Амвросий отправился на постоянное проживание, успев благословить К.Н. Леонтьева на переезд (в монашестве) из Оптиной Пустыни в Троице-Сергиеву лавру. 10 октября 1891 г. старец скончался, 16 октября это стало известно К.Н. Леонтьеву, смерть которого последовала менее чем через месяц.

Изучая биографию К.Н. Леонтьева, трудно не заметить, насколько он был несчастлив в личной жизни, несмотря на то, что ему встретилось немало количество преданных и расположенных женщин. Прежде всего К.Н. Леонтьев в отношениях с женщинами стремился к количественной реализации, что всегда происходило за счет качества. Число любовных приключений, как правило, неглубоких, несерьезных, у него было велико. Н.А. Бердяев писал об этом: «В этот восточный, консульский период жизни языческий культ любви и сладострастия достигает у К. Леонтьева высшего своего напряжения. На Востоке было у него большое количество серьезных увлечений и любовных похождений. Эротическая фантазия его была безудержна и беспредельна. Жену свою он по-своему любил, но изменял ей на каждом шагу. Туземки Ближнего Востока были для него большим соблазном» [89].

26 апреля 1868 г. в письме к К.А. Губастову К.Н. Леонтьев признавался: «Не думайте, чтобы моя личная жизнь была бесцветна. К сожалению, она очень бурна». И далее он советует своему другу, как устроить интимную жизнь по приезде на Восток: «Не откладывая, заведите себе любовницу, простенькую болгарку или гречанку; <...> постарайтесь добыть турчанку, это

уж не так трудно» [90]. В письме к К.Н. Бестужеву-Рюмину от 30 ноября 1864 г. (из Адрианополя), ернически намекая на былые приключения, он спрашивает друга юности: «Добрейший тезка! Как вы поживаете? Хорошо ли прижимаете (спросил бы я, если бы мы оба были люди холостые, – теперь не смею!)» [91]. Устав от приключений, он мог позволить себе и такую эскападу: «Здоровье мое прекрасно. Но мужское бессилие – слава Богу – установилось прочно! Очень рад и считаю это благодатью Господней» (из письма к К.А. Губастову от 15 января 1875 г.) [92]. Однажды он с удовольствием рассказывал, как, будучи лечащим врачом, соблазнял жен пациентов, рассматривая это чуть ли не как форму «искренней» благодарности.

Но количество не переросло в качество: его неглубокие романы не затрагивали сердца, «он не познал истинной любви. У него была страстная, но эротически не утонченная натура. Он слишком хорошо познал Афродиту простонародную, но так и не познал Афродиты Небесной <...> Романтизм леонтьевской эротики не был глубоким <...> Его эротика исключительно земная и языческая» [93]. Он так и не смог выбрать себе какую-то одну женщину, все время надеясь, что вот-вот встретит что-то «лучше». Но лучшее, как известно, враг хорошего; поэтому К.Н. Леонтьев, будучи, что называется, бабником, скорее всего был обречен на любовную неудачу. Его одиночество, тщательно им лелеемое, стало уже общим местом в оценках биографов. Н.А. Бердяев, глубоко проникая в психологию личности К.Н. Леонтьева, писал об этом: «Сердечно Константин Николаевич не был утолен; он и под старость чувствовал романтическую тоску <...> Так до конца К.Н. и не встретил близкой женской души, которая утолила бы его романтическую жажду». И далее: «Он не встречает того понимания в людях, которое хотел бы встретить, не встречает на своем жизненном пути той любви, какую ему нужно было встретить. Ни глубокой любви, ни глубокой дружбы не выпадает на его долю. Он не познал духовной атмосферы поэтичности близких и до конца понимающих его людей» [94].

Был ли К.Н. Леонтьев способен к глубоким любовным переживаниям? Думается, вряд ли, ведь уже в начале взрослой жизни он отказался во имя будущих успехов от любимой девушки, «принеся свою любовь в жертву искусству» [95].

К.Н. Леонтьев однозначно противопоставлял любовь и брак, полагая, что последний губит самые светлые чувства. 15 января 1873 г. он написал своему другу К.А. Губастову: «Я шел в церковь без очарования и кроме худа для себя от брака ничего не ждал и все мало-мальски хорошее принимал за дар судьбы <...> Брак есть разделение труда, тяжкий долг, святой и неизбежный, но тяжелый, налагаемый обществом, как подати, работа, война и пр. Работа и война имеют свои поэтически и сладкие минуты, ими можно восхищаться, но надо помнить, что одна большей частью нестерпимо скучна, а другая очень опасна и тяжела» [96].

В письме к А.А. Александрову от 7 октября 1888 г. К.Н. Леонтьев так описывал свой брак: «Я сам женился <...> по старой привязанности без всякого долга на бедной безграмотной девушке, не позволяя ей, однако, слишком много рассуждать» [97]. Его требования к женщине старорежимны и тираничны: «Нынешние женщины привыкли безнаказанно говорить мужьям, любовникам, братьям, знакомым, даже отцам или воспитателям такие вещи, за которые телесное наказание весьма еще слабое возмездие <...> Большинство женщин падко <...> на всякие мелкие сопротивления и словесные оскорбления, <...> они стали падки до этого же в XIX веке, с тех пор, как их стали, к сожалению, реже за это бить» [98].

15 марта 1887 г. в письме к К.А. Губастову он презрительно высказался о современной женской социализации: «Наши дамы до того избаловались, что ужас! Я не говорю уже о плотской измене; <...> я говорю об их 'правовом фырканье', об их крайне неделикатном отношении к слабостям и недостаткам мужчин, об их дурацком воображении, что они, дуры, словно обязаны иметь свое мнение обо всем» [99].

Узнав, что будущая жена В.В. Розанова – Варвара Дмитриевна – вдова, К.Н. Леонтьев с одобрительным апломбом заметил (письмо от 13 июня 1891 г.): «Этому я очень рад. Вдова может быть скоро и верно понята, и сама все скоро поймет. А у девушек вечно сумбур в голове. Девушки для добросовестного мужа очень опасны! Загадочны и обманчивы» [100]. Для К.Н. Леонтьева даже фотографии, на которых муж и жена сняты вме-

сте, есть «признак ужасно дурного вкуса» (письмо к В.В. Розанову от 24 мая 1891 г.) [101].

Мы видим, что К.Н. Леонтьев в своем отношении к семье и браку является заложником процессов распада традиционной семьи и перехода к ее современному типу. Дикая, а порой просто неприличная смесь всех проявлений разнузданного барства в области семейных отношений, неуважение к женщине, к браку не делают его более привлекательным в личном плане. Следствием этого убогого сластолюбивого эгоизма, нарциссизма в интимно-семейной сфере стало и отсутствие детей (о чем, кажется, К.Н. Леонтьев особо и не переживал), и крайне неудачный брак.

Со своей будущей женой Елизаветой Павловной Политовой (предположительно родилась в 1838 г.) К.Н. Леонтьев познакомился в Феодосии в 1855 г. Многие исследователи отмечают, что эта красивая и почти неграмотная девушка была дочерью феодосийского торговца-грека. К.Н. Леонтьев соблазнил ее и похитил из родительского дома; «их преследовала полиция и похищенную пришлось возвратить» [102]. Находясь в Крыму, К.Н. Леонтьев продолжал жить с ней по-семейному. Весной 1857 г. он писал матери из Феодосии: «До первого июля буду есть, курить и пить кофе на счет одной милой девушки, с которой мы всегда делимся, как можем: когда у меня есть деньги, она берет от меня подарки, а теперь она взяла шить наволочки и чехлы на стулья у кого-то, чтобы я мог есть и курить табак до июля» [103].

После отъезда из Крыма К.Н. Леонтьев около трех лет не виделся с Е.П. Политовой, а в 1861 г., не уведомив никого, уехал в Крым, где 19 июля обвенчался с этой полуграмотной красавицей из мещанского сословия [104]. Трудно не согласиться с Ю.П. Иваском: мы никогда не узнаем, почему он вдруг решился на женитьбу после стольких лет разлуки [105]. Может быть, какую-то роль сыграло данное им при прощании (в первую очередь себе) обещание всегда заботиться о Елизавете Павловне и ее семье. Может быть, сыграло свою роль общее стремление К.Н. Леонтьева к искренности и непосредственности чувств, поскольку он не искал для себя жены, «испорченной роскошью и образованностью» [106]. Н.А. Бердяев писал о причинах леонтьевского брака: «Он был в нее влюблен, но влюбленность эта бы-

ла неглубокой. К.Н. считал себя обязанным этому браку, и он не был для него физически неприятным. Он предпочитал простых и наивных девушек образованным и светским <...> У К. Леонтьева должна была быть такая жена – красивая гречанка, простая и полуграмотная, добродушная и незначительная, его не понимающая и внутренне с ним не связанная» [107].

Выбор жены по принципу «чего попроще» губил и более прекрасные семейные отношения. Женская непритязательность и духовное несоответствие мужу обещали этой семейной паре мало счастливых перспектив. К.Н. Леонтьеву импонировала «почти детская эгоистическая радость» жены, вызванная тем, что она «вышла замуж за человека давно любимого и вдобавок за 'дворянина', за 'барина', который ее из последнего наряжает и балует» (из письма к А.А. Александрову) [108].

Мы понимаем, что Е.П. Политова, став женой К.Н. Леонтьева, не смогла (и не могла) скрасить его духовного одиночества, соответствовать его исканиям и порывам. Но серьезнейшую роль в их соединении сыграло, думается, все же то, что именно эта «полуграмотная мещанка» стала все-таки самой большой любовью в жизни К.Н. Леонтьева. 7 марта 1879 г. он писал Н.Я. Соловьеву: «Ни одной женщины я так не любил душой, да, именно, душой, как ее; я много грешил, много изменял ей фантазией и плотью, так сказать, но все соперницы ее знали, что душой я ее более всех люблю. Да она и стоила больше всех. Она лучше и выше всех была» [109]. Обратите внимание на мягкую интимность следующих строк (из другого письма, написанного уже на склоне лет): «Я, когда вижу перед собой эту теперь уже старую, неопрятную и растрепанную седую женщину, которая рвет и марает одежды свои, и когда вспоминаю, глядя на нее, Лизу прежнюю и дикую, семнадцатилетнюю в Крыму, и потом, когда женой уже моей, такая она была добрая, доверчивая чуть не до святости, и свежая, и веселая, и как она покорить сумела феодальное сердце моей матери, тогда еще довольно бодрой и крутой. И как эта самая ужасно брезгливая и гордая мать с удовольствием входила всегда в ее комнату, и как у нее в спальне всегда пахло, как у светской женщины» [110]. Не случайно в письме к К.А. Губастову от 1 октября 1875 г. К.Н. Леонтьев доверительно сообщил старому приятелю: «Эта женщина <...>

приросла к душе моей, как ребенок к чреву матери, какой-то прочной пуповиной» [111].

Однако К.Н. Леонтьев довольно странно понимал свою любовь: он сочетал ее с демонстративной неверностью. 23 июля 1864 г. он был в гостях у чрезвычайного посланника в Константинополе графа Н.П. Игнатьева, наблюдал его полный достатка дом, познакомился с молодой и красивой женой. Вечером этого же дня К.Н. Леонтьев писал своей жене: «Я каждый день двадцать раз думаю о тебе. У посланника в доме и в саду очень хорошо, обед отличный, жене его 21 год, она очень мила, красива, умна, образованна, они богаты, но я спрашивал не раз у себя, желал бы я его дом, его жену – вместо Лизы и нашей небогатой, но дружной жизни? Нет! Кроме Лизы никого не желал бы иметь женой! Любовницу какую-нибудь на время – для фантазии, это другое дело, но другом и женой только тебя» [112].

На рубеже 60–70-х годов XIX века жена К.Н. Леонтьева медленно, но неотвратимо начала скатываться в пропасть умственного помешательства, перемежавшегося периодами относительно длительного просветления. Современники К.Н. Леонтьева, общественное мнение и последующие исследователи связывают болезнь его жены с ее же ревностью по отношению к любимому, но блудливому мужу. Думается, проблема сложнее. В письмах к К.А. Губастову К.Н. Леонтьев сообщал 29 февраля 1868 г.: «Лиза только что приехала от родни, усталая и больная»; а 26 апреля 1868 г. добавлял: «Вот уже три месяца муза моя умолкла. Приезд Лизы, мелкие заботы, к тому же она больна серьезно, если корень зла не уничтожится, то болезнь ее может перейти в помешательство <...> Здесь приписывают ее болезнь ревности, но это неправда – она приехала из Петербурга уже больная» [113].

Эта болезнь стала тяжелым испытанием для всей дальнейшей жизни К.Н. Леонтьева. В уже упоминавшемся письме к К.А. Губастову от 1 октября 1875 г. он с горьким сожалением констатировал, что «ужасное воспоминание <...> об этой разрушенной любви не пройдет никогда» [114]. В дальнейшем отношения мужа и жены претерпевали различные метаморфозы: от почти полного угасания до кратковременного возобновления.

Но К.Н. Леонтьев до последних дней искренне стремился заботиться о своей несчастной супруге.

Понять, каким образом развивались отношения К.Н. Леонтьева и его жены, поможет знакомство со следующей подборкой (преимущественно эпистолярных) материалов.

8 июля 1873 г. К.В. Леонтьев обратился к архимандриту Леониду (Л.А. Кавелину) с просьбой разрешить ему проживание «при монастыре в России». Леонид – настоятель посольской церкви в Константинополе – с 1874 г. управлял богатейшим Ново-Иерусалимским монастырем под Москвой; он не особенно благоволил к К.Н. Леонтьеву (вплоть до того, что в 1891 г., будучи наместником Троице-Сергиевой лавры, противился его поселению в ней). В указанном письме К.Н. Леонтьев сообщил: «Я женат, детей у меня нет, с женой я брачно не живу уже около трех лет, впрочем, мы согласны, и она от всего сердца старается теперь вступить на мой путь»; «если, с Божьей помощью, я пристрою жену при каком-нибудь женском монастыре, то имение хочу обратить как-нибудь на ту обитель, которая меня приютит» [115].

Е.Н. Поселянин вспоминал о жене К.Н. Леонтьева: «Я видел этого большого ребенка: она всегда жила при муже. Очень высокая, крепкая собой, она сохраняла следы прежней красоты в блестящих больших глазах, в чертах располневшего лица. Тихая, добродушная, она иногда с тихой улыбкой ребенка, воображающего, что его никто не видит, совала мне в руки яблоко или что-нибудь сладкое, и я тогда останавливался послушать ее неправильную ласковую русскую речь. К своему мужу она и в болезненном состоянии была преисполнена необычайного почтения и относилась к нему, как дети к старшим» [116].

12 августа 1875 г. К.Н. Леонтьев из Кудинова писал К.А. Губастову: «Осень близко, здоровье мое недурно, в Кудинове я поправился. Лиза решительно не захотела здесь жить, скучала (и я понимаю, что она со своей точки зрения права!) и уехала к родным в Крым на какие-то деньги, которые ей мать достала. (Она права, но содержать ее вдали дороже, чем здесь. Удержать я ее не мог; она убежала тихонько днем через сад и рошу и написала записку, что жить тут не может)» [117].

1 октября 1875 г. К.Н. Леонтьев в письме к К.А. Губастову развил тему «побега»: «Она сама теперь оторвалась на свободу от моего любимого деспотизма, она мне дала понять, и сама (пишет оттуда) весела и покойна пока. Я рад, что ее нет и что мне меньше забот и меньше раздражения, ибо она здесь все лето была вне себя, то от беспутной, преувеличенной веселости, то от тоски по крымской родине, то от внезапной ненависти ко всем моим родным, которых она прежде любила больше своих <...> Она говорила мне этим летом со слезами: «Ты мне стал чужой, я хочу в Крым, к своим, мне наскучили всякие стеснения, мне скучно с вами здесь; с тобой одним мне быть теперь также неприятно, ты хочешь одного, я хочу другого; мне твои монашеские вкусы противны! Что мне делать, прости меня» [118].

5 декабря 1875 г. К.Н. Леонтьев вновь писал К.А. Губастову об отсутствующей супруге: «Когда Лиза меня бросила, я был два месяца так печален, что запретил имя ее в Кудинове произносить, пока не пройдет боль моего сердца <...> Лиза потеряла мать и очень добродушно кается и пишет мне хорошие письма. Просится в Кудиново, но я советую ей оставаться там и обещаю съездить лучше к ней повидаться в Мариуполь» [119].

2 августа 1877 г. К.Н. Леонтьев писал К.А. Губастову: «Лиза раза три просилась вернуться сюда, мне очень было это больно, но я должен был строго отказать, ибо, при ее необузданности, из нашей жизни здесь вместе ничего угодного Богу выйти не может» [120].

7 марта 1879 г. в письме к Н.Я. Соловьеву мы можем увидеть уже некоторое изменение леонтьевского отношения к жене: «Жена моя <...> прекрасная, благородная и простодушная женщина, она наделала ошибок и очень крупных под влиянием негодных родных. Теперь она искренне кается. Она просится назад в Россию, Бог видит, до чего я желал бы не то чтобы жить с ней вместе — нет, это вовсе не нужно (ни с какой точки зрения, ни с духовной, ни с хозяйственной, ни с сердечной), но я желал бы успокоить ее материально и нравственно. Она увлеклась и предпочла мне темных своих родных и уехала от меня именно в то время, когда я желал христианским образом жизни с ней искупить прежнее» [121].

3 сентября 1880 г. в письме к К.А. Губастову К.Н. Леонтьев рассказал о возвращении жены: «Лизавета Павловна вернулась около месяца тому назад <...> Теперь я нанимаю ей хорошенькую скромненькую квартиру в Козельске и даю ей на пропитание мою пенсию... В каком виде она приехала в Кудиново, позвольте не писать. Не могу! <...> Она впала в слабоумие и в какое-то полудетское бесстрашие. Ее кормят, поят, прогуливают, следят за ней, она молится, меня очень боится <...>, тиха и безвредна. Стыдится при мне есть и больше все сидит по углам молча и с работой. В лице ужасно и не по годам постарела <...> Она покойна, ничего, кроме одежды, сна, пищи и молитвы изредка, не желает» [122].

20 декабря 1880 г. К.Н. Леонтьев с радостью сообщил К.А. Губастову: «С женой мы опять сошлись так, как никогда... Я никогда ее так еще не любил и не жалел. Я без нее здесь скучаю» [123].

16 июня 1881 г. К.Н. Леонтьев сообщил Н.Я. Соловьеву: «Жена – сорокалетний ребенок, ходит по бульвару в сарафане с куклой или котенком» [124].

21 августа 1882 г. К.Н. Леонтьев писал О.А. Новиковой: «Жена моя в последнее время веселее, но привычка из окна вылезать на улицу и назад влезать! Все соседи уже привыкли <...>, и я не останавливал, пусть развлекается, бедная <...> К несчастью, это увидел вчера околоточный и хотел составить акт и должны были заплатить тогда 25 руб. штрафа за «бесчинство» ее. Отделался взяткой в три рубля и упросил его сделать ей приворно строгое замечание. Она перепугалась и, надеюсь, прекратит эти шутки» [125].

1 января 1883 г. К.Н. Леонтьев писал К.А. Губастову: «Жена моя все та же, впрочем, стала повеселее. Перезнакомилась со всеми дворниками, дьячками и городовыми и целый день болтается по Москве. Часто сердится» [126].

11 июля 1883 г. в письме к О.А. Новиковой К.Н. Леонтьев писал: «Жена моя блажит, и здесь еще более, чем в Москве, внимает не разуму, а голосу природы, редко чешет свою густую гриву и ужасно рада, когда дачники и мужики принимают ее за цыганку» [127]; и, наконец, 19 июля 1885 г. К.Н. Леонтьев писал К.А. Губастову, что «Лиза предпочитает шляться по улице це-

лыми днями и редко является ко мне», он опасается, что придется все же «запереть ее в лечебнице». К.Н. Леонтьев рассказывал: «Она ничуть не буйнит и вообще очень смирна и безвредна, но неопрятность ее стала все возрастать <...> У нее опять стали заводиться вши (не моется, не чешется, волосы густые)..., на голове раны, сыпь <...> Уже третий раз за это лето сбегает. Убегает на рассвете из дома, чтобы Александр не мог вымыть и вычесать ее. Другие же и не подступаются. Бывало, скажешь ей: «Лиза, образумься!». Она в ответ: «Если нехороша – разведись! Я очень рада! Напишу Никодиму в Иерусалим, он нас разведет. Я себе кусок хлеба найду! Я еще молодого мужа найду!» Ну засмеешься, и все тут» [128].

Когда в 1891 г. К.Н. Леонтьев планировал переезд в Троице-Сергиеву лавру, он задумался, каким образом устроить жену «у добрых и верных людей» (из последнего письма к В.В. Розанову от 18 октября 1891 г.) [129]. Вероятно, в то же время, когда К.Н. Леонтьев уехал в Сергиев Посад (30 августа 1891 г.), Елизавета Павловна переехала к племяннице мужа М.В. Леонтьевой в Орел, где они обе впоследствии долго жили при женском монастыре. Она умерла в Орле в глубокой старости уже после 1917 г.

Значительную, если не главную роль в жизни К.Н. Леонтьева играла его племянница – Мария Владимировна Леонтьева (1848–1927 гг.) – дочь родного брата Константина Николаевича В.Н. Леонтьева (умер в 1873 г.). По словам С.Н. Дурьлина, с ней были связаны «все важнейшие события внутренней и внешней жизни Леонтьева» [130]. Она подолгу жила в его доме в консульский период, и позже – в Кудинове. М.В. Леонтьева написала воспоминания «К. Леонтьев в Турции. 1863–1873 гг. (По воспоминаниям его племянницы)», рукопись которых она передала И.И. Фуделю, а тот, в свою очередь, передал ее В. Доброву [131].

Н.А. Бердяев, полагая, что она была для К.Н. Леонтьева «истинно близким, самым близким ему человеком», также признавал, что «для суждения об этих отношениях мы не имеем почти никаких материалов» [132].

С.Н. Дурылин вспоминал, что в последние дни ее жизни Мария Владимировна призналась ему в любовных отношениях с Константином Николаевичем [133].

Психологическая характеристика взаимоотношений К.Н. Леонтьева с племянницей чрезвычайно сложна: период тесного сближения как-то быстро в определенный момент сменился острым конфликтом и почти полным разрывом. Первоначально все леонтьевские материалы изобилуют сверхположительными оценками племянницы; он советуется с ней по важнейшим (духовным, творческим, интимным, хозяйственным) вопросам; даже во многом зависит от ее мнения. Но постепенно К.Н. Леонтьев начал тяготиться их связью, он все чаще обращал внимание на ее скверный характер, «дурные манеры», недостатки внешности и мн. др. В результате М.В. Леонтьева стала все реже бывать в леонтьевском доме, не оставляя при этом забот как о самом К.Н. Леонтьеве, так и о его жене.

Видимо, дело и в личности К.Н. Леонтьева, и в обстоятельствах его жизни после возвращения с Востока. Там у него было «общество умное, живое, блестящее». «В Кудинове же – иной мир, здесь иное общество, оно исполнено любви, самоотвержения, дружбы, но оно не светит, не возбуждает». Казалось бы, что еще нужно? Племянница Маша «занимается припасами, порубками, спорит с мужиками, поит их водкой, ведет весь расход, переписывает мне, читает утром и вечером громко общие моменты, обязана читать «Московские ведомости» и указывать мне, что есть особенного», «а я все-таки задыхаюсь и все рвусь мечтой и мне иногда очень тяжело в этой тишине и в этом мире» [134].

К.Н. Леонтьева тяготила нервозность поведения Марии Владимировны: резкие вспышки ее недовольства и гнева быстро сменялись фазами раскаяния; тогда она отправлялась пешком на богомолье, требовала от К.Н. Леонтьева наказаний и успокаивалась ненадолго лишь в том случае, когда он ей убедительно доказывал ее вину [135].

5 декабря 1876 г. К.Н. Леонтьев в письме к К.А. Губастову жаловался, что его мир буквально рушится, а Мария Владимировна «дошла до геркулесовых столбов безумия, несправедливости и нравственного расстройтва». Понимая невозмож-

ность дальнейшего продолжения такой жизни, М.В. Леонтьева уехала из Кудинова с клятвой на образе не возвращаться, пока ее не пригласят назад. Вначале она пожила при монастыре, а затем отправилась в Нижний Новгород искать места. К.Н. Леонтьев признавался другу: «Когда М.В. уехала, то я, кроме радости, не чувствовал ничего! Радовался, что уже не видел перед собой ее худого лица, ее узких плеч, не слышал более ее резкого голоса и т.д.» [136].

Позже К.Н. Леонтьев всегда подчеркивал, что отъезд М.В. Леонтьевой был правильным решением; но это, по его словам, был только внешний разрыв, внутреннего же между ними быть не могло. К.Н. Леонтьев продолжал следить за судьбой племянницы. 22 февраля 1877 г. он написал К.А. Губастову, что «она получила место в Нижнем, какое – еще не знаю; но я недавно получил от нее письмо, из которого видно, что она стала бодрее в удалении <...> чрезвычайно пополнела и помолодела за эту зиму». Характеризуя причины разрыва, он продолжал: «Разгадка в том, что она сама очень страстно привязывается к людям и тогда уже хочет насильно быть милой настолько, насколько милы ей самой предметы ее выбора. А когда она равнодушна к людям, тогда она очень приятна и ровна» [137].

В дальнейшем отношения так и не сложились. 2 августа 1877 г. К.Н. Леонтьев писал К.А. Губастову, что внешне помирился с Марией Владимировной, которая после «ожизни в чужих домах и частых сношений с монахами оптинскими» стала неузнаваема. «Мы сухи и согласны», – заключил он [138]. Но постепенно все возвратилось на круги своя: конфликты становились все более частыми, и, по мнению К.Н. Леонтьева, в 1884 г. произошел «окончательный разрыв». «Мы вместе невозможны, и жить и видеться даже нам грех, – писал он 1 января 1887 г. О.А. Новиковой. – Она до того меня утомила наконец, что я ее отъезду рад, как празднику». А в письме к В.В. Леонтьеву от 11 февраля 1884 г. К.Н. Леонтьев с горечью констатировал: «Тяжкая цепь нашей старой дружбы порвалась, должно быть, совсем. Она уехала. Переписки нет; помину нет, все письма <...> сожжены» [139].

Личный человеческий разрыв был окончательным. К.Н. Леонтьев проживал в Оптиной Пустыни, и даже когда Мария

Владимировна приезжала к отцу Амвросию, они не виделись «по несовместимости нрава». К.Н. Леонтьев в это время утверждал, что «этот неизбежный для нашего духовного мира внешний разрыв не лишает ее прав на мою глубокую признательность за ее прежнюю самоотверженную мне преданность и помощь» [140].

Мария Владимировна всегда хорошо понимала Константина Николаевича, их сердечная дружба и в какое-то время слияние душ сыграли огромную положительную роль в судьбе обоих. «Всем друзьям К.Н. Леонтьева, – писал Ю.П. Иваск, – нельзя не преклоняться перед этой замечательной русской женщиной, его ангелом-хранителем» [141].

У К.Н. Леонтьева была непростая жизнь, насыщенная преимущественно негативными событиями, переживаниями. Еще при жизни его часто называли «старым честолюбцем-неудачником», «парадоксальным психопатом», который «бредит чем-то ужасным» [142]. Г.В. Иванов не без оснований утверждал, что «Константин Леонтьев всю жизнь был неудачником, неудачником он и умер. Ему все не удавалось: карьера врача, дипломатическая служба, литература, любовь, дружба – все» [143].

Действительно, К.Н. Леонтьев постоянно стремился к успеху, популярности; во всем видно его стремление влиять на умонастроения читающей публики, на политику. Но этого не произошло. Он был «одинок в своих самых заветных мыслях, не понят и не нужен», – считал Н.А. Бердяев [144]. Это был крайне своеобразный человек «редкого таланта, пользовавшийся огромным уважением» в определенном общественном слое, но «оставшийся почти неизвестным для большой публики» благодаря «фатальному общественному молчанию» [145].

Да и сам К.Н. Леонтьев не раз жаловался на невнимание общества к своим мыслям. 28 декабря 1877 г. он писал графу Н.П. Игнатьеву: «Мне счастья не было почти ни в чем. Звезды у меня нет <...> Пусть я проживу только еще лет пятнадцать, не больше, пусть судьба хоть поздно, но освободит меня от той тюрьмы неизвестности, несправедливости и слишком уж нестерпимых иногда вещественных стеснений, в которых она меня до 42 лет держала <...> В звезду мою я не верю. Но сознаюсь, я

фантастически верю в себя, верю в то, что у меня есть что сказать и что сделать для отчизны» [146].

А.Л. Янов одним из первых поставил проблему формирования провидческих устремлений в личности К.Н. Леонтьева. Отсутствие успехов, популярности, политической влиятельности создавали у этой высокоамбициозной личности психологическую ситуацию вытеснения несбывшихся мечтаний в сферу будущего, в реализацию «пророческой миссии»; «пророческое ощущение развивается в Леонтьеве постепенно, по мере того, как исчезает надежда на непосредственную реализацию в жизни его творческих потенций. Недаром достигает оно апогея к концу его дней» [147].

Может быть, К.Н. Леонтьев и не был совершенным неудачником? Ведь определенное влияние он все же имел: даже высшие лица государства знакомились с его творчеством (К.П. Победоносцев, император Александр III и пр.). Царю, например, книгу К.Н.Леонтьева «Восток, Россия и славянство» (переплетенную в дорогой переплет «за казенный счет» и с заложеными бумажками наиболее интересными местами) представили министр народного просвещения И.Д. Демянов и государственный контролер Т.И. Филиппов. На этот счет К.Н. Леонтьев горько и остроумно заметил: «Увы! В России ничего не только сильного, но и, кажется, справедливого без участия начальства нельзя сделать. Быть может, впрочем, это с культурной точки зрения и лучше <...> с точки оригинального нашего развития» [148].

Действительно, очень немногие разделяли его взгляды, но очень многие подвергали их критике, а порой и бешеной травле (вплоть до совершенно необоснованных упреков и оскорблений). Более того, уже не раз высказывалась мысль, что успех леонтьевской социально-политической реализации резко понижал качество его личного творческого поиска.

Думается, в оценках леонтьевской удачности (неудачности) есть скрытый подвох, заключающийся в невозможности окончательного качественного определения, результирования. К.Н. Леонтьев больше, чем человек-неудачник, он – человек-катастрофа, и не только в констатации (бедность, личная неустроенность, неудачные порывы и пр.), но, прежде всего, в сущности своего личного развития.

К.Н. Леонтьев – интереснейший человеческий феномен личной свободы и независимости. Одно из его главных отличий от большинства – «исключительная внутренняя свобода и даже прямое своеволие в мысли, в нравственном убеждении, в поступке» [149]. В этом отношении его самооценки, поиски места, смысла жизни и т.п., колеблющиеся между общепринятыми нормами и крайностями, пожалуй, самое интересное. Как и тема ответственности личности за попытки выхода за рамки обыкновенности. Ю.П. Иваск даже называл К.Н. Леонтьева Алквидом – осквернителем божеств, хулиганом и авантюристом [150].

Такую жизненную линию во многом предопределила исключительная, принципиальная противоречивость самоидентификации К.Н. Леонтьева, которая часто проявлялась внешне (и виделась многими) как всего лишь парадоксальность, вычурность или даже чудаковатость.

Он был жесток (и даже чудовищно жесток) в некоторых своих писаниях; публику эпатировали нарочитые свирепости, но, как тонко заметил С.И. Фудель: «Лично он был не только не свирепый, но добрый и хороший человек» [151]. «К людям он относился лучше, чем люди к нему, – писал Н.А. Бердяев. – Константин Николаевич был, в сущности, добрый человек, совсем не холодный и жестокий, очень внимательный к людям. У него был открытый и прямой характер, совсем не самолюбивый и не гордый по отношению к людям. В личной полемике он был мягким и деликатным»; «его доброе и участливое отношение к окружающим людям и близким опровергает аморалистическое истолкование его личности. Он видел душу индивидуального человека, любил ее, заботился о ней <...> К.Н. был жесток в своей политической философии, но не в жизни. Он очень нуждался и бедствовал, но был щедр и всегда готов прийти на помощь людям. Он любил брать на свое попечение <...> Он веселился, мучился, радовался и горевал за близких» [152].

К.Н. Леонтьев порой говорил и действовал действительно аморально и даже утверждал, что человек с тонким вкусом обязательно должен обладать некоторой мерой порочности [153]. И при этом это был необыкновенно бескорыстный и заботливый человек, весьма расположенный к конкретным людям, особенно к близким. Тема же его полового поведения совершенно

не актуальна для анализа личности мыслителя и общественного деятеля.

К.Н. Леонтьев идейно резко расходился с представителями большинства направлений общественной мысли: в период массового либеральничанья он был демонстративно консервативен, далеко ушел от славянофилов, по-настоящему не приблизился к западникам и т.д. Никто не считал его своим. Однажды он написал матери из Крыма: «Я честолюбив, но не на наши русские чины. Самолюбие мое немного повыше целей»; а в 1869 г. – Н.Н. Страхову: «Вы слишком думаете о читателях. Я нахожу, что для них не стоит делать ничего. Пусть учатся» [154].

Реакционность К.Н. Леонтьева, скорее, переоценена и современниками, потомками; тем более, что мы согласны с точкой зрения Е.И. Ивановой о том, что для реакционерства на Руси всегда требовалась известная мера мужества, и что «эти самые «реакционеры», которых так боялась интеллигенция, <...> за всю историю не нанесли России никакого урона – ни нравственного, ни политического, ни экономического» [155].

В начале жизненного пути К.Н. Леонтьев искренне был убежден, что его призвание – литература («Я считал себя (до 73 года) романистом гораздо больше, чем публицистом и теоретическим политиком», – писал он В.В. Розанову 13 июня 1891 г. [156]). Затем, отчасти под влиянием критики, но более – по старческому совету, он сконцентрировался именно на той деятельности, которую вначале особенно не принимал.

Заметим, что он был достаточно объективен в самооценках значения своего публицистического труда, написав в конце жизни следующее: «В мои годы писать прямо и преднамеренно для печати, какая, скажите, может быть особая охота, если не видеть сильного сочувствия, если не ощущать ежедневного своего влияния <...> Не говорите мне о «долге» или «о пользе» общей! Для этого опытному человеку нужна та иллюзия, которую может дать только большой, невольно возбуждающий нас, успех <...> Подобной иллюзии у меня нет <...> Зачем же мне принуждать себя к писанию?» [157]. И даже пытался шутить на эту большую для него тему (письмо к В.В. Розанову от 19 июня 1891 г.): «так как я мало-помалу становлюсь бесполезным, то есть

шанс еще пожить: я замечал, что люди бесполезные и невлиятельные долго живут» [158].

К.Н. Леонтьев считал себя не по возрасту «слишком веселым и легкомысленным человеком», имеющим «пессимистическое мировоззрение» (письмо к В.В. Розанову от 24 мая и 30 июля 1891 г.) [159]. Думается, что в первой части оценок многие с ним бы не согласились.

В силу своего понимания историософии, исторического прогресса К.Н. Леонтьев не принимал (не понимал) его индустриальной фазы, оставаясь строго в русле традиции. Не имея возможности повлиять на весь мир, он стремился рамки хотя бы своего персонального, человеческого существования сохранить вне времени, без перемен, строить под старину; речь идет и о приятственности барственных манер представителя старинного дворянского рода, и об отказе от современного европейского быта (одежда, транспорт и пр.), и о стремлении по-барски широко тратить деньги, жить помещичьей жизнью, пользоваться прислугой и т.д. Барство было в нем неискоренимым, сущностным свойством. К.А. Губастов вспоминал: «По своей натуре Леонтьев был причудливый, деспотичный в домашней жизни русский барин с «нестерпимо сложными потребностями», рабом которых, на свое несчастье, он всегда был. После самого короткого с ним знакомства бросались в глаза черты русского помещика, родившегося и воспитывавшегося еще при крепостном праве. Неумение обходиться без многих слуг, любовь быть ими окруженным, патриархально-деспотическое обращение с ними, расположение к сельской жизни, к деревенским забавам» [160].

Вопреки обычаям многих русских бар, К.Н. Леонтьев никогда не злоупотреблял спиртным. Однажды он даже поколотил палкой близкого приятеля, взявшего за обычай являться к нему в гости навеселе. Он глубоко презирал некоторых близких родственников, опустившихся на этой почве, не желал принимать их в своем доме. В письме к Н.Я. Соловьеву от 6–8 августа 1877 г. он заметил: «Хамская водка <...> Я, впрочем, физически сам ее люблю иногда, но морально боюсь до смерти и стыда ради не стал бы пить ее часто» [161].

Пожалуй, самым серьезным свидетельством высоких степеней личной свободы, умения произвольно и принципиаль-

но менять вектор личной судьбы, является его религиозная метаморфоза. Конечно, ученые богословы найдут в его православии немало изъянов и перекосов, «но и то, что сделал с собой этот природный язычник, этот турок, этот человек Возрождения Квинквиченто, этот русский барин-самодур, представляет настоящее чудо перерождения» [162].

Поэтому удивительно современно звучит оценка К.Н. Леонтьева, данная ему более ста лет назад Л.А. Тихомировым: «Подведение итогов Леонтьеву находится лишь в самом начале, и едва ли наша печать скоро разберется в этом отчаянном «реакционере», который в то же время, несомненно, человек, забежавший очень далеко вперед, в такое будущее, что средний глаз плохо его даже охватывает» [163]. Лучше не скажешь.

Примечания

1. См.: Рабкина, Н.А. Исторические взгляды К.Н. Леонтьева [Текст] // Вопросы истории. – 1982. – № 6. – С. 50; Соловьев, Д.В. Предисловие [Текст] // Леонтьев К.Н. Избранные письма (1854–1891). – СПб.: Пушкинский фонд, 1993. – С. 13.

2. Поселянин, Е.Н. (Погожев). Леонтьев. Воспоминания [Текст] // К.Н. Леонтьев: про эт контра. Кн. 1. – СПб: РХГИ, 1995. – С. 184.

3. Леонтьев, К.Н. Воспоминания (1831–1860) [Текст] // Сочинения. Т.9. – М.: Изд-во Русского книжного товарищества «Деятель», 1993. – С. 23.

4. См.: Добров, В. Константин Леонтьев в Оптиной Пустыни и у стен Троице-Сергиевой Лавры [Текст] // Литературная учеба. – 1996. Книга третья. Май-июнь. – С. 129.

5. См.: Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской литературной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 10; Корольков, А.А. Пророчества К.Н. Леонтьева [Текст]. – СПб: Изд-во С.-Петербургского университета, 1991. – С. 7.

6. Розанов, В.В. Из «Опавших листьев» и «Мимолетного» 18 июня 1915 г. [Текст] // Русская мысль. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. – С. 346–347.

7. См.: Иваск, Ю.П. Константин Леонтьев (1831–1891): Жизнь и творчество [Текст] // К.Н. Леонтьев: про эт контра. Кн. 2. – СПб: РХГИ, 1995. – С. 240.
8. См.: Русский вестник [Текст]. – 1883. Кн. 10–12; 1884. Кн.2.
9. Иваск, Ю.П. Константин Леонтьев (1831–1891): Жизнь и творчество [Текст]. – С. 245.
10. Иваск, Ю.П. Константин Леонтьев (1831–1891): Жизнь и творчество [Текст]. – С. 234.
11. Леонтьев, К.Н. Моя литературная судьба [Текст] // Литературное наследство. – М., 1935. Т.22–24. – С. 131.
12. Соловьев, Д.В. Предисловие [Текст] // Леонтьев К.Н. Избранные письма (1854–1891). – СПб.: Пушкинский фонд, 1993. – С. 14.
13. Коноплянец, Н. Жизнь К.Н. Леонтьева [Текст] // Памяти Константина Николаевича Леонтьева. 1891. Литературный сборник. – СПб., 1911. – С. 16.
14. См.: Леонтьев, К.Н. Избранные письма (1854–1891) [Текст]. – СПб, 1993. – С. 29.
15. См.: К.Н. Леонтьев: про эт контра [Текст]. Кн.1. – СПб: РХГИ, 1995. – С. 464.
16. Анненков, П.В. Литературные воспоминания [Текст]. – М.: Правда, 1989. – С. 368–369.
17. Поселянин, Е.Н. Леонтьев. Воспоминания [Текст] // К.Н. Леонтьев: про эт контра. Кн. 1. – СПб: РХГИ, 1995. – С. 185.
18. Тургенев, И.С. Письма [Текст]. Т.2. – М.; Л.; 1961. – С. 104.
19. Тургенев, И.С. Письма [Текст]. Т.2. – М.; Л.; 1961. – С. 258.
20. Бибихин, В. Константин Николаевич Леонтьев [Текст] // Литературная газета. – 1989. – № 14. – 5 апреля. – С. 5.
21. Леонтьев, К.Н. Избранные письма (1854–1891) [Текст]. – СПб, 1993. – С. 48.
22. Леонтьев, К.Н. Избранные письма (1854–1891) [Текст]. – СПб, 1993. – С. 50.

23. Котельников, В.А. Парадокс о писателе [Текст] // Леонтьев К.Н. Египетский голубь: Роман, повести, воспоминания. – М.: Современник, 1991. – С. 8.

24. Долгов, К.М. Восхождение на Афон. Жизнь и мирозерцание Константина Леонтьева [Текст]. – М.: Раритет, 1997. – С. 28.

25. Леонтьев, К.Н. Воспоминания (1831–1860) [Текст] // Сочинения. Т.9. – М.: Изд-во Русского книжного товарищества «Деятель», 1993. – С. 218.

26. Леонтьев, К.Н. Избранные письма (1854–1891) [Текст]. – СПб., 1993. – С. 22.

27. Леонтьев, К.Н. Избранные письма (1854–1891) [Текст]. – СПб., 1993. – С. 29.

28. Леонтьев, К.Н. Избранные письма (1854–1891) [Текст]. – СПб., 1993. – С. 28.

29. Леонтьев, К.Н. Избранные письма (1854–1891) [Текст]. – СПб., 1993. – С. 32.

30. Леонтьев, К.Н. Моя литературная судьба [Текст] // Литературное наследство. – М., 1935. Т. 22–24. – С. 459–460.

31. Котельников, В.А. Парадокс о писателе [Текст] // Леонтьев К.Н. Египетский голубь: Роман, повести, воспоминания. – М.: Современник, 1991. – С. 9.

32. См.: Формулярный список о службе цензора Московского цензурного комитета статского советника Леонтьева [Текст] // Русский архив. – М., 1992. – № II–III. – С.389.

33. Платонова, З.И. К.Н. Леонтьев [Текст] // Дипломатический вестник. – 2002. – № 10. – С. 166.

34. Иваск, Ю.П. Константин Леонтьев (1831–1891): Жизнь и творчество [Текст] // К.Н. Леонтьев: про эт контра. Кн. 2. – СПб: РХГИ, 1995. – С. 335.

35. Косик, В.И. Константин Леонтьев. Размышления на славянскую тему [Текст]. – М., 1997. – С. 34.

36. Цит. по: Платонова, З.И. К.Н. Леонтьев [Текст] // Дипломатический вестник. – 2002. – № 10. – С. 166–167.

37. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской литературной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 42.

38. Цит. по: Косик, В.И. Константин Леонтьев. Размышления на славянскую тему [Текст]. – М., 1997. – С. 63.
39. Леонтьев, К.Н. Избранные письма (1854–1891) [Текст]. – СПб., 1993. – С. 53.
40. См.: Платонова, З.И. К.Н. Леонтьев [Текст] // Дипломатический вестник. – 2002. – № 10. – С. 169.
41. Грифцов, Б.А. Судьба К.Н. Леонтьева [Текст] // К.Н. Леонтьев: про эт контра. Кн.1. – СПб., 1995. – С. 314.
42. Багдасаров, Р., Вовченко, А. Возвращение Леонтьева [Текст] // Литературная Россия. – 1991. – № 47. – 22 ноября. – С. 20.
43. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской литературной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 59–60.
44. См.: Корольков, А.А. Пророчества Константина Леонтьева [Текст]. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1991. – С. 14.
45. Чернавский, М.Ю. Леонтьев К.Н. [Текст] // Отечественная история: история России с древнейших времен до 1917 года: энциклопедия. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. – Т. 3: К. – М., 2000. – С. 319.
46. Розанов, В.В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев [Текст]. – М.: Республика, 2001. – С. 378.
47. См.: Грифцов, Б.А. Судьба К.Н. Леонтьева [Текст] // К.Н. Леонтьев: про эт контра. Кн.1. – СПб., 1995. – С. 315.
48. Храповицкий, А.П. Как относится служение обществу к заботе о состоянии собственной души [Текст] // Вопросы философии и психологии. – 1892. – № 12. – С. 125.
49. Соловьев, Д.В. Указ соч. [Текст]. – С. 15.
50. Соловьев, В.С. Леонтьев [Текст]. // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза, И.А. Ефрона. – СПб.: Типо-Литография И.А. Ефрона, 1896. – Т. XVII. – С. 356.
51. Леонтьев, К.Н. Избранные письма (1854–1891) [Текст]. – СПб., 1993. – С. 83.
52. Корольков, А.А. Пророчества К.Н. Леонтьева [Текст]. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1991. – С. 15.

53. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской литературной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 106.

54. Леонтьев, К.Н. Избранные письма (1854–1891) [Текст]. – СПб., 1993. – С. 107.

55. Леонтьев, К.Н. Избранные письма (1854–1891) [Текст]. – СПб., 1993. – С.115–116.

56. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской литературной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 107.

57. Леонтьев, К.Н. Избранные письма (1854–1891) [Текст]. – СПб, 1993. – С. 118.

58. Леонтьев, К.Н. Избранные письма (1854–1891) [Текст]. – СПб, 1993. – С. 116.

59. См.: «Звезды у меня нет» Константин Леонтьев и его покровители [Текст] // Независимая газета. – 2000. – 1 декабря. Приложение «Хранить вечно» – С. 2; К.Н. Леонтьев: про эт контра. Кн.1. [Текст]. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 447.

60. Корольков, А.А. Пророчества К.Н. Леонтьева [Текст]. – СПб: Изд-во С.-Петербургского университета, 1991. – С.18–19.

61. Цит. по: Чернавский, М.Ю. Леонтьев К.Н. [Текст] // Отечественная история: история России с древнейших времен до 1917 года: энциклопедия. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. – Т. 3: К. – М., 2000. – С. 319.

62. Губастов, К.А. Из личных воспоминаний о К.Н. Леонтьеве [Текст] // Памяти Константина Николаевича Леонтьева. – СПб., 1911. – С. 222.

63. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской литературной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 111.

64. Цит. по: Репников, А.В. Леонтьев Константин Николаевич [Текст] // Общественная мысль России XVIII – начала XX века: энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 2005. – С. 256.

65. См.: Тихомиров, Л.А. «Тени прошлого». К.Н. Леонтьев [Текст] // Литературная учеба, 1992. Книга 1-2-3. Январь-июнь. – С. 145–146.

66. Добров, В. Константин Леонтьев в Оптиной Пустыни и у стен Троице-Сергиевой Лавры [Текст] // Литературная учеба. – 1996. Книга третья. Май-июнь. – С. 152.
67. К.Н. Леонтьев. Письма из Оптиной Пустыни [Текст] // Литературная учеба, 1996. Книга третья. Май-июнь. – С. 158.
68. К.Н. Леонтьев. Письма из Оптиной Пустыни [Текст] // Литературная учеба, 1996. Книга третья. Май-июнь. – С. 170.
69. Поселянин, Е.Н. (Погожев). Леонтьев. Воспоминания [Текст] // К.Н. Леонтьев: про эт контра. Кн. 1. – СПб: РХГИ, 1995. – С. 182, 183.
70. К.Н. Леонтьев. Письма из Оптиной Пустыни [Текст] // Литературная учеба, 1996. Книга третья. Май-июнь. – С. 141–143.
71. Розанов, В.В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев [Текст]. – М.: Республика, 2001. – С. 383.
72. Тихомиров, Л.А. «Тени прошлого». К.Н. Леонтьев [Текст] // Литературная учеба, 1992. Книга 1-2-3. Январь-июнь. – С. 141.
73. Добров, В. Константин Леонтьев в Оптиной Пустыни и у стен Троице-Сергиевой Лавры [Текст] // Литературная учеба. – 1996. Книга третья. Май-июнь. – С. 139.
74. Розанов, В.В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев [Текст]. – М.: Республика, 2001. – С. 389.
75. См.: Александров, А.А. I. Памяти К.Н. Леонтьева. II. Письма К.Н. Леонтьева к Анатолию Александровичу [Текст]. – Сергиев Посад: Типография Троице-Сергиевой Лавры, 1915. – С. XXI.
76. Толстой, Н. Памяти инока Климента [Текст] // Вестник Русского христианского движения (РХД). – 1991. – № 2–3. – С. 121.
77. Толстой, Н. Памяти инока Климента [Текст] // Вестник Русского христианского движения (РХД). – 1991. – № 2–3. – С. 122.
78. См.: Розановская энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 2008. – С. 1367, 2294–2295.

79. Пришвин о Розанове [Текст] // Контент-90. – М.: Наука, 1990. – С. 184.

80. Куликов, Ю. У Черниговской [Текст] // Встреча. (Культурно-просветительская работа). – 1992. – № 2. – С.34.

81. См.: Багдасаров, Р., Вовченко, А. Возвращение Леонтьева [Текст] // Литературная Россия. – 1991. – № 47. – 22 ноября. – С. 34-35.

82. Добров, В. Константин Леонтьев в Оптиной Пустыни и у стен Троице-Сергиевой Лавры [Текст] // Литературная учеба. – 1996. Книга третья. Май-июнь. – С. 132.

83. Тихомиров, Л.А. «Тени прошлого». К.Н. Леонтьев [Текст] // Литературная учеба, 1992. Книга 1-2-3. Январь-июнь. – С.145.

84. Цит.по: Добров, В. Константин Леонтьев в Оптиной Пустыни и у стен Троице-Сергиевой Лавры [Текст] // Литературная учеба. – 1996. Книга третья. Май-июнь. – С. 133.

85. Цит.по: Добров, В. Константин Леонтьев в Оптиной Пустыни и у стен Троице-Сергиевой Лавры [Текст] // Литературная учеба. – 1996. Книга третья. Май-июнь. – С. 133.

86. Котельников, В.А Парадокс о писателе [Текст] // Леонтьев К.Н. Египетский голубь: Роман, повести, воспоминания. – М.: Современник, 1991. – С. 12.

87. Добров, В. Константин Леонтьев в Оптиной Пустыни и у стен Троице-Сергиевой Лавры [Текст] // Литературная учеба. – 1996. Книга третья. Май-июнь. – СПб., 1911. – С. 135.

88. Поселянин, Е. К.Н. Леонтьев в Оптиной Пустыни [Текст] // Памяти Константина Николаевича Леонтьева. – С. 387.

89. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской литературной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 42–43.

90. Леонтьев, К.Н. Избранные письма (1854–1891) [Текст]. – СПб, 1993. – С. 59, 61.

91. Леонтьев, К.Н. Избранные письма (1854–1891) [Текст]. – СПб, 1993. – С. 44.

92. Леонтьев, К.Н. Избранные письма (1854–1891) [Текст]. – СПб, 1993. – С. 109.

93. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской литературной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 26.

94. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской литературной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 126, 127.

95. Долгов, К.М. Восхождение на Афон. Жизнь и мирозерцание Константина Леонтьева [Текст]. – М.: Раритет, 1997. – С. 20.

96. Леонтьев, К.Н. Избранные письма (1854–1891) [Текст]. – СПб., 1993. – С. 86–87.

97. Леонтьев, К.Н. Избранные письма (1854–1891) [Текст]. – СПб., 1993. – С. 402–403.

98. Розанов, В.В. Из «Опавших листьев» и «Мимолетного» 18 июня 1915 г. [Текст] // Русская мысль. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. – С. 339.

99. Леонтьев, К.Н. Избранные письма (1854–1891) [Текст]. – СПб, 1993. – С. 310.

100. Розанов, В.В. Из «Опавших листьев» и «Мимолетного» 18 июня 1915 г. [Текст] // Русская мысль. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. – С. 358.

101. Розанов, В.В. Из «Опавших листьев» и «Мимолетного» 18 июня 1915 г. [Текст] // Русская мысль. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. – С. 344.

102. Соловьев, Д.В. Предисловие [Текст] // Леонтьев К.Н. Избранные письма (1854–1891). – СПб.: Пушкинский фонд, 1993. – С. 14–15.

103. Леонтьев, К.Н. Избранные письма (1854–1891) [Текст]. – СПб, 1993. – С. 38.

104. Леонтьев, К.Н. Избранные письма (1854–1891) [Текст]. – СПб, 1993. – С. 293.

105. См.: Иваск, Ю.П. Константин Леонтьев (1831–1891): Жизнь и творчество [Текст] // К.Н. Леонтьев: про эт контра. Кн. 2. – СПб: РХГИ, 1995. – С. 302.

106. См.: Корольков, А.А. Корольков, А.А. Пророчества К.Н. Леонтьева [Текст]. – СПб: Изд-во С.-Петербургского университета, 1991. – С. 10.

107. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской литературной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 36.

108. Леонтьев, К.Н. Избранные письма (1854–1891) [Текст]. – СПб, 1993. – С. 402–403.

109. Леонтьев, К.Н. Избранные письма (1854–1891) [Текст]. – СПб, 1993. – С. 233.

110. Леонтьев, К.Н. Избранные письма (1854–1891) [Текст]. – СПб, 1993. – С. 285.

111. Леонтьев, К.Н. Избранные письма (1854–1891) [Текст]. – СПб, 1993. – С. 126.

112. Леонтьев, К.Н. Избранные письма (1854–1891) [Текст]. – СПб, 1993. – С. 44.

113. Леонтьев, К.Н. Избранные письма (1854–1891) [Текст]. – СПб, 1993. – С. 59, 60.

114. Леонтьев, К.Н. Избранные письма (1854–1891) [Текст]. – СПб, 1993. – С. 126.

115. Леонтьев, К.Н. Избранные письма (1854–1891) [Текст]. – СПб, 1993. – С. 101, 102.

116. Поселянин, Е.Н. (Погожев). Леонтьев. Воспоминания [Текст] // К.Н. Леонтьев: про эт контра. Кн. 1. – СПб: РХГИ, 1995. – С. 187.

117. Розанов, В.В. Из «Опавших листьев» и «Мимолетного» 18 июня 1915 г. [Текст] // Русская мысль. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. – С. 339.

118. Розанов, В.В. Из «Опавших листьев» и «Мимолетного» 18 июня 1915 г. [Текст] // Русская мысль. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. – С. 233.

119. Розанов, В.В. Из «Опавших листьев» и «Мимолетного» 18 июня 1915 г. [Текст] // Русская мысль. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. – С. 136, 137.

120. Розанов, В.В. Из «Опавших листьев» и «Мимолетного» 18 июня 1915 г. [Текст] // Русская мысль. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. – С. 153.

121. Розанов, В.В. Из «Опавших листьев» и «Мимолетного» 18 июня 1915 г. [Текст] // Русская мысль. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. – С. 233–234.

122. Розанов, В.В. Из «Опавших листьев» и «Мимолетного» 18 июня 1915 г. [Текст] // Русская мысль. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. – С. 250.
123. Розанов, В.В. Из «Опавших листьев» и «Мимолетного» 18 июня 1915 г. [Текст] // Русская мысль. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. – С. 252.
124. Розанов, В.В. Из «Опавших листьев» и «Мимолетного» 18 июня 1915 г. [Текст] // Русская мысль. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. – С. 256.
125. Розанов, В.В. Из «Опавших листьев» и «Мимолетного» 18 июня 1915 г. [Текст] // Русская мысль. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. – С. 260.
126. Розанов, В.В. Из «Опавших листьев» и «Мимолетного» 18 июня 1915 г. [Текст] // Русская мысль. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. – С. 264.
127. Розанов, В.В. Из «Опавших листьев» и «Мимолетного» 18 июня 1915 г. [Текст] // Русская мысль. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. – С. 275.
128. Розанов, В.В. Из «Опавших листьев» и «Мимолетного» 18 июня 1915 г. [Текст] // Русская мысль. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. – С. 284.
129. Розанов, В.В. Из «Опавших листьев» и «Мимолетного» 18 июня 1915 г. [Текст] // Русская мысль. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. – С. 384.
130. Леонтьев, К.Н. Избранные письма (1854–1891) [Текст]. – СПб, 1993. – С. 169.
131. См.: Добров, В. Константин Леонтьев в Оптиной Пустыни и у стен Троице-Сергиевой Лавры [Текст] // Литературная учеба. – 1996. Книга третья. Май-июнь. – С. 140.
132. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской литературной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 126.
133. См.: Дурылин, С.Н. В своем углу: Из старых тетрадей [Текст]. – М.: Московский рабочий, 1991. – С. 278.
134. Леонтьев, К.Н. Избранные письма (1854–1891) [Текст]. – СПб, 1993. – С. 126–127.
135. Леонтьев, К.Н. Избранные письма (1854–1891) [Текст]. – СПб, 1993. – С. 127.

136. Леонтьев, К.Н. Избранные письма (1854–1891) [Текст]. – СПб, 1993. – С. 136.
137. Леонтьев, К.Н. Избранные письма (1854–1891) [Текст]. – СПб, 1993. – С. 146.
138. Леонтьев, К.Н. Избранные письма (1854–1891) [Текст]. – СПб, 1993. – С. 153.
139. Леонтьев, К.Н. Избранные письма (1854–1891) [Текст]. – СПб, 1993. – С. 278–279.
140. К.Н. Леонтьев. Письма из Оптиной Пустыни [Текст] // Литературная учеба, 1996. Книга третья. Май-июнь. – С. 169.
141. Иваск, Ю.П. Константин Леонтьев (1831–1891): Жизнь и творчество [Текст] // К.Н. Леонтьев: про эт контра. Кн. 2. – СПб: РХГИ, 1995. – С. 141.
142. См.: Аристов, П. Леонтьев и его гадания [Текст] // Русское дело. – 1888. – № 2.
143. Иванов, Н.В. Страх перед жизнью. Константин Леонтьев и современность [Текст] // К.Н. Леонтьев: про эт контра. Кн. 2. – СПб., 1995. – С. 188.
144. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской литературной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 117.
145. См.: Тихомиров, Л.А. Русские идеалы и К.Н. Леонтьев [Текст] // Литературная учеба. – 1992. – Кн.1–2–3. Январь–июнь. – С. 152.
146. «Звезды у меня нет» [Текст]. – С. 2.
147. Янов, А.Л. Трагедия великого мыслителя (По материалам дискуссии 1890-х годов) [Текст] // Вопросы философии. – 1992. – № 1. – С. 66.
148. К.Н. Леонтьев. Письма из Оптиной Пустыни [Текст] // Литературная учеба, 1996. Книга третья. Май-июнь. – С. 145–146.
149. Котельников, В.А. Парадокс о писателе [Текст] // Леонтьев К.Н. Египетский голубь: Роман, повести, воспоминания. – М.: Современник, 1991. – С. 7.
150. См.: Иваск, Ю.П. «Еще поборемся» [Текст] // Человечек. – 1994. – № 2. – С. 178.

151. Фудель, С.И. К. Леонтьев в его письмах к о. Иосифу Фуделю [Текст] // Литературная учеба. – 1996. Кн. третья. Май-июнь. – С. 178.
152. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской литературной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 117, 122.
153. Леонтьев, К.Н. Избранные письма (1854–1891) [Текст]. – СПб, 1993. – С. 58.
154. Леонтьев, К.Н. Избранные письма (1854–1891) [Текст]. – СПб, 1993. – С. 34, 36.
155. Иванова, Е.К. К.Н. Леонтьев: судьба и идеи [Текст] // Литературная учеба. – 1992. Кн.1–2–3. Январь-июнь. – С. 135–136.
156. Леонтьев, К.Н. Избранные письма (1854–1891) [Текст]. – СПб, 1993. – С. 363.
157. Избранные письма (1854–1891) [Текст]. – СПб, 1993. – С. 348–349.
158. Избранные письма (1854–1891) [Текст]. – СПб, 1993. – С. 367.
159. См.: Розанов, В.В. Из «Опавших листьев» и «Мимолетного» 18 июня 1915 г. [Текст] // Русская мысль. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. – С. 338–339, 368.
160. Губастов, К.А. Из личных воспоминаний о К.Н. Леонтьеве [Текст] // Памяти Константина Николаевича Леонтьева. – СПб., 1911. – С. 226.
161. Леонтьев, К.Н. Избранные письма (1854–1891) [Текст]. – СПб, 1993. – С. 163.
162. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской литературной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 115.
163. Тихомиров, Л.А. К.Н. Леонтьев [Текст] // Литературная учеба, 1992. Книга 1-2-3. Январь-июнь. – С. 152.

П. К.Н. ЛЕОНТЬЕВ И Н.А. БЕРДЯЕВ

Интерес Н.А. Бердяева к судьбе и творческим исканиям К.Н. Леонтьева не случаен: оба замечательных мыслителя, не совпадая в принципе, позиционно соприкасались друг с другом и часто двигались в одном направлении. Так, Л.Р. Авдеева отмечала «характерную близость их философского умонастроения и психологической установки на преодоление фатальности», что проявлялось в «идее необходимости действия без надежды на успех, в противостоянии року, несмотря на предчувствие возможного поражения» [1].

Для Н.А. Бердяева, считавшего любую объективацию духа его же метафизической неудачей, «прорыв к новой эпохе духа, любви и свободы, освобождающий от тяжести материального мира, должен совершиться через творческий акт, мир должен быть побежден аскетически и творчески» [2]. К.Н. Леонтьев, признававший единственно значимыми надмирные социокультурные ценности, в том же духе страстно стремился остановить историю, яростно пропагандировал византизм как средство спасения человечества, требовал «подморозить» Россию и т.п. — чаще всего, вопреки отчетливо ощущаемой безнадежности прилагаемых усилий.

Думается, что непоследнюю роль в формировании «леонтьевского» интереса Н.А. Бердяева сыграло его стремление к системному осмыслению истории отечественной общественной мысли. Первая послевоенная книга Н.А. Бердяева — «Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX в. и начала XX в.» (издана в 1946 г. в Париже) — соответственно имела целью «раскрыть западному миру такие уникальные свойства русской философии, как глубочайшая экзистенциальность, эсхатологизм, религиозный анархизм, одержимость идеями «Богочеловечества» [3]. Решая подобную задачу, автору было бы затруднительно игнорировать взгляды К.Н. Леонтьева. В данном случае Н.А. Бердяев особо обратил внимание на роль и место леонтьевских взглядов в соотношении с идейно-теоретическими позициями П.Я. Чаадаева, Н.Я. Данилевского, А.И. Герцена, славянофилов, консерваторов; бердяевские оценки реакционности, консерватизма, особенностей творческого метода, этики, эстетизма и мн.

др. К.Н. Леонтьева отличаются четкостью, системностью и последовательностью.

В марте 1926 г. также в Париже (издательство «ИМКА-Пресс») увидела свет монография Н.А. Бердяева «Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли», в которой автор системно и структурно создал цельный, законченный портрет К.Н. Леонтьева – его судьбы и взглядов. Н.А. Бердяев однозначно относил К.Н. Леонтьева к числу «самых больших людей XIX века»; выделял его консерватизм как глубинное духовное средство соединения с отечественной историей и культурой. А.П. Козырев заключает, что указанная работа вызвала «большой резонанс в среде русской эмиграции, заставила некоторых ее деятелей, писавших о Леонтьеве до революции, переосмыслить и заново высказать свое отношение к этому мыслителю» [4].

А.П. Козырев также полагает, что и события трех русских революций, и вынужденный (в 1922 г.) отъезд за границу заставили Н.А. Бердяева «пересмотреть свое отношение к фигуре К.Н. Леонтьева и вообще к консервативно-реакционной традиции в русской политике и культуре». Особенно наглядно этот поворот проявился в содержании книги «Философия неравенства», вышедшей в 1923 г. в Берлине и явившейся «своеобразной апологией духовной контрреволюции», на страницах которой Н.А. Бердяев «утверждает правду консерватизма как и правду историзма, правду чувства исторической реальности, которая совершенно атрофирована в революционаризме и радикализме» [5].

Можно согласиться с вышеуказанной оценкой бердяевского поворота в отношении к К.Н. Леонтьеву, вспомнив, что во время написания первой «леонтьевской» статьи Н.А. Бердяева («Константин Леонтьев – философ реакционной романтики») тот представлялся замечательному автору преимущественно в отрицательном аспекте. Связано это было с тогдашней позицией Н.А. Бердяева; в то дореволюционное время он – «активный участник религиозно-философских собраний, один из идеологов «нового религиозного сознания», сутью которого был ярко выраженный христианский персонализм, осознание христианства как религии свободы, чаяние Третьего Завета и Царства Святого

Духа, принятие революции и критика Православной Церкви и самодержавия. Поэтому для Бердяева...Леонтьев...был своего рода антигероем «нового религиозного сознания» [6].

В данном случае мы будем исходить из обобщенных оценок Н.А. Бердяева; тем более, что, по нашему мнению, его квалификации леонтьевских позиций наиболее интересны, как и критика сходных по тематике работ прочих авторов (например, оценка Н.А. Бердяевым соответствующих статей С.Н. Трубецкого и Н.П. Милюкова – «типически либеральный и малоинтересный подход к Леонтьеву») [7].

Принципиальные характеристики мирозерцания.

Представляется, что Н.А. Бердяев более прочих известных авторов смог увидеть и оценить глубину, сложность, трагическую противоречивость К.Н. Леонтьева: «Бывают писатели с невыразимо печальной судьбой, неузнанные, непонятые, никому не пригодившиеся, умирающие в духовном одиночестве, хотя по даровитости, по уму, по оригинальности они стоят многими головами выше признанных величин. Таков был Константин Леонтьев, самый крупный, единственный мыслитель из консервативного лагеря, да и вообще один из самых блестящих и своеобразных умов в русской литературе» [8]. Для Н.А. Бердяева К.Н. Леонтьев был «первым и единственным философом консерватизма и, вернее, даже не консерватизма, а реакционерства» [9]. «Это был, – писал Н.А. Бердяев, – крупный человек и выдающийся писатель, оригинальный, доведивший все до последнего предела. Его страстные мысли полны для нас глубокого значения, темы его могут и для нас оказаться роковыми» [10].

То есть Н.А. Бердяев отводил К.Н. Леонтьеву одно из первых мест в истории общественной мысли России. Впрочем, статусную оценку такого рода разделяли (и разделяют) многие авторы. Но помимо социализированных идентификаций, Н.А. Бердяеву, как никому другому, удавались и тонкие, глубокие психологические проникновения: «За писаниями Леонтьева чувствуется глубокая мука и безмерная тоска. Не нашел он для себя радости, и страдания его вылились в злобной проповеди насилия и изуверства. Страшное, таинственное у него лицо. Эстет, имморалист, революционер по темпераменту, гордый аристократ духа, плененный красотой могучей жизни, предвосхитивший во

многом Ницше, романтически влюбленный в силу былых исторических эпох, тяготеющий к еще неведомой, таинственной мистике, и – проповедник монашеского, строго традиционного православного христианства, защитник деспотизма полицейского государства» [11].

Для определения значения леонтьевских идей Н.А. Бердяев шел по пути сравнения, соотнесения его позиций с позициями славянофилов, консерваторов и пр. и приходил к однозначному выводу: «К. Леонтьев – одинокий мечтатель, он стоит в стороне» [12]. В первом случае «для прогрессивного лагеря со всеми его фракциями он был абсолютно неприемлем и мог вызвать только отвращение и негодование» [13], поскольку «по душевным своим основам он не имеет почти ничего общего со славянофилами, и соприкосновение его теоретического мирозерцания со славянофильством очень поверхностно» [14]; «консерваторы же видели только поверхностность его идей <...>, не понимали его мистической глубины, его безумной романтичности», «им видна была только казенная сторона его мирозерцания», «они пользовались им для своих грязных дел. Но Леонтьев мало полезен для реальных, позитивных целей реакционной политики» [15].

Продолжая тему идейно-теоретических соотнесений, трудно не согласиться с бердяевской оценкой: правильное всего сопоставлять К.Н. Леонтьева с западником П.Я. Чаадаевым [16]; к сожалению, К.Н. Леонтьев оказался в стане консерваторов («место нетерпимо смрадное, в котором нет ничего творческого и оригинального, а красота оскверняется на каждом шагу»); причина тому – исходные идейно-политические принципы мировоззрения К.Н. Леонтьева (в первую очередь – византистские установки). «Роковая связь его с реакционной политикой, – писал Н.А. Бердяев, – была в высшем смысле для него случайной, глубоко трагичной. Жажда его была великой и вместе с тем новой, в сознании его загоралось что-то прекрасное и в последнем счете справедливое, а на большом историческом пути своей родины практически он подмораживал гниль, барахтался в смрадной помойной яме» [17].

Данная Н.А. Бердяевым общая оценка леонтьевских взглядов, возможности их практического применения включает

также следующие положения: К.Н. Леонтьев «не оставил приметного следа в истории русской мысли», его «трудно отыскать на основной магистрали русской общественной мысли. Он не принадлежит ни к какой школе, он не характерен ни для какой эпохи и ни для какого течения. Он ни за кем не следовал, и никто за ним не следовал»; он – «неповторимо-индивидуальное явление», эгоцентричное и персоналистское; «его мирозерцание слишком тесно связано с его же экзистенциальным опытом»; К.Н. Леонтьев искренне, активно стремился оказывать эффективное политическое влияние на окружающее, мечтал стать «руководящим реакционным публицистом», но неудачно, что к лучшему, так как он «не может и не должен быть учителем», «следовать за Леонтьевым нельзя, так как его последователи делаются отвратительными» [18] и пр.

Начиная с 1991 г. (столетие смерти К.Н. Леонтьева) мы увидели достаточное количество исследований, публикаций, посвященных этому мыслителю; в некоторых из них «прагматичные» авторы попытались использовать леонтьевские идеи за или против каких-либо современных политических устремлений. Подобным интерпретаторам уже около ста лет назад Н.А. Бердяев дал непреходящий по ценности совет: «Делать программу из «реакционности» К. Леонтьева в наши дни вредно и неумно. К. Леонтьев не годен для общего употребления. Он не может быть «демократизирован» во имя «правых» интересов» [19].

Завершая анализ общей оценки Н.А. Бердяевым творчества К.Н. Леонтьева, обратим внимание и на такую отличительную черту последнего, существенно затрудняющую его идентификацию, как *дуализм, бинарность, противоречивость*. Знакомство с работами К.Н. Леонтьева постоянно порождает своеобразный парадокс текстового восприятия: перед внимательным исследователем, условно говоря, все время разный, не совпадающий сам с собой К.Н. Леонтьев. Психологически и методологически это был человек резких крайностей, острых противоречий, понимавший сущность бытия через неравенство, несовершенство, разнообразие. Н.А. Бердяев достаточно часто отмечал эту особенность: «К. Леонтьев – сложная, яркая, единственная в своем своеобразии натура» [20]. «Леонтьев очень сложный писатель, глубоко противоречивый, и не следует каждое слово его

понимать слишком просто и буквально» [21]; «у Леонтьева была очень сложная и раздробленная душа, и между частями ее было также мало связи, как и между частями его мировоззрения <...> Это был трагический человек, раздвоенный до предельных крайностей, и в этом он нам близок и интересен» [22].

Видимо, мы вправе говорить о дуализме (бинарности) К.Н. Леонтьева как о важнейшей составляющей его личности. Можно выделить несколько *векторов* этой бинарности:

во-первых, *геополитический* (экзотика Востока, его прошлое, этнографическая привлекательность туранцев в противоположность «разлагающемуся» в усредняющем прогрессе буржуазному Западу);

во-вторых, *религиозный* (противопоставление византийского православия остальной христианской бытийности). Н.А. Бердяев писал: «Древний язычник проповедовал красоту и любовь к жизни, а византиец – государственно-полицейское насилие, во власть которого он целиком отдавал универсальные судьбы человечества» [23];

в-третьих, *эстетический* (противопоставление абсолютного, по мнению К.Н. Леонтьева, эстетического мерила всем прочим: стремление к максимализированной, сверхэстетизированной оценке окружающего). «Эстетическая ненависть к демократии и мещанскому благополучию, – писал Н.А. Бердяев, – и гедонистической культуре, мистическое влечение к мрачному монашеству довели К. Леонтьева до романтической влюбленности в прошлые исторические эпохи, до мистического реакционерства. Он не выносил умеренности и середины и дошел до самого крайнего изуверства, сделался проповедником насилия, гнета, кнута и виселицы. Но в страшных и отвратительных словах Леонтьева чувствуется не реальный реакционный политик-катковец, а безумный мечтатель, несчастный романтик, затерянный и погибающий в чуждой для него эпохе» [24];

в-четвертых, *литературный* (блестящая и жесткая, внешне сдержанная силовая стилевая манера в противовес яркому, цветущему, сложному и романтическому содержанию). По мнению Н.А. Бердяева, «за своеобразным, дерзновенным и жестоким, притворно-холодным стилем его писаний чувствуется страстная, огненная натура, трагически раздвоенная, пережившая

тяжкий опыт гипнотической власти аскетического христианства. Человек сильных плотских страстей и жажды мощной жизни влечется <...> непостижимо, таинственно к полюсу противоположному, к красоте монашества» [25];

в-пятых, *национальный* (в личности К.Н. Леонтьева, решительного сторонника «русского направления», одновременно присутствовало значительное количество «нерусских черт, чуждых русскому чувству жизни, русскому характеру, русскому мирозерцанию»). Рассмотрим эту «нерусскость» К.Н. Леонтьева по ряду оснований:

Гуманизм

«К. Леонтьев не был гуманистом или был им исключительно в духе итальянского Возрождения XVI в.»;

«Он думает не о страдающем человечестве, а о поэтическом человечестве. Это <...> не может не показаться чужим и даже отталкивающим широким слоям русской интеллигенции»;

Эстетизм

«Он должен был казаться русскому обществу чужестранцем уже из-за своего острого и воинствующего эстетизма»;

«Эстеты появились у нас лишь в начале XX века, но и то по подражанию, а не по природе»;

Романтизм

«К. Леонтьев был также романтиком»;

«Романтизм – западное явление, рожденное на католической и протестантской духовной почве, чуждое православному Востоку»;

Отношение к женщине

«У К. Леонтьева был культ любви к женщине, которого почти не знают русские»;

Рационализм мышления

«У него была латинская ясность и четкость мысли, не было никакой расплывчатости и бескрайности. В мышлении своем он был физиолог и патолог. И это – черта, чуждая русским и не любимая ими»;

Аристократизм

«К. Леонтьев был аристократ по природе, по складу характера, по чувству жизни и по убеждению»;

«И это нерусская в нем черта. Русские демократичны, они не любят аристократизма <...> Аристократизм есть явление западное»;

Народничество

«К. Леонтьев был совершенно чужд народнически-демократических увлечений, в его душе не было тех струн, которые пробуждают народолюбивые чувства и склоняют к демократическим идеям»;

«Почти все русские писатели, русские мыслители прошли через увлечение народнически-демократическими идеями, этими идеями пленялись у нас и слева, и справа» [26].

в-шестых, *гендерный* (противостояние достаточно сильных мужского и женского начал в личности К.Н. Леонтьева). По мнению Н.А. Бердяева, у К.Н. Леонтьева было «не однополое, а двухполое, муже-женственное строение души»; в пользу этого утверждения свидетельствовало многое: «слишком сложный характер, романтическая окраска жизни, чувств, сильное преобладание эстетизма, невозможность найти себе устойчивое место в жизни, бурные стремления и вечная неудовлетворенность», «жажда любви, вечное искание любовных восторгов и невозможность найти единую, утоляющую, истинно брачную любовь» [27].

Помимо вышеназванных, возможно выделять и иные векторы личной противоречивости К.Н. Леонтьева. Н.А. Бердяев, тщательно анализируя эту проблему, указывал на две стороны: эстетизм и мистицизм, – столкновение которых чаще всего определяло линию мысли и поведения К.Н. Леонтьева. Н.А. Бердяев признавал: «Он, конечно, никогда не был славянофилом <...> Но он не был и западником <...> Он не принадлежал никакому направлению и никакой линии <...> Он не типичен и не характерен, <...> он сам по себе [28].

Методология и метод научного поиска. *Определение особенностей гностического типа.* Н.А. Бердяев заметил, что К.Н. Леонтьев «вообще не принадлежал к гностическому типу», поскольку у него «не было сложных познавательных интересов и широкого познавательного кругозора» [29]. Речь идет об отсутствии у К.Н. Леонтьева какой-то системной методологической базы, взаимосвязанной и взаимообусловленной системы принципов, законов, категорий, соответствующей рефлексии. «Он не философ, – писал Н.А. Бердяев, – по характеру своего образования, по складу духа и по культуре ума. В слишком отвлеченных философских вопросах он всегда чувствует себя бес-

помощным. Мышление его было натуралистическое и художественное, ясное и образное, мысль его не могла двигаться в абстракциях» [30].

Для Н.А. Бердяева гностический тип К.Н. Леонтьева не философско-методологический, а практический, эмпирический, и даже – эклектический: «Это был человек необыкновенно сильного и острого ума, один из умнейших русских людей. Но ум его был по преимуществу эмпирический, а не метафизический. Он совсем не силен в диалектике и не может мыслить отвлеченно <...> Никакой философской школы у него не чувствуется, а всегда чувствуется школа натуралиста и дарование художника» [31].

Н.А. Бердяев неоднократно отмечал, что ясный ум К.Н. Леонтьева был чужд «всякой метафизической туманности и неясности», что этот замечательный мыслитель-практик «не умел развивать систематически свои идеи», а посему его идеи – острые и радикальные – «не отличаются большим разнообразием и богатством», что «он не платоник, не созерцатель общих идей» [32]. Проще говоря, все исследователи, знакомившиеся с теоретическими изысканиями К.Н. Леонтьева, объективно были вынуждены признавать отсутствие у него завершенной методологической системы, ясной и взвешенной философской позиции.

Характерные черты творческого метода. Среди показателей философско-методологической недостаточности идейно-теоретических позиций К.Н. Леонтьева Н.А. Бердяев, в первую очередь, выделяет *дилетантизм и особенности гностического складывания*: «Он не был ученым, не был специалистом, не обладал большой начитанностью» [33], да и «занятия медициной не прошли для него бесследно»: естественнонаучная школа выработала у него натурализм, пантеизм, реализм; «он остался анатомом, физиологом и патологом человеческого общества» [34].

Отталкиваясь от особенностей его творческого формирования, Н.А. Бердяев определяет границы сознания К.Н. Леонтьева:

а) постоянно выдвигает несколько базовых констант, обязательно присутствовавших в леонтьевской мыслительной деятельности; среди них – натурализм, эстетизм и религиозность; «натурализм у К. Леонтьева был одним из определяющих

элементов его духовной жизни, и он связался с его эстетизмом, а позднее и с его религиозностью»; кроме того, «К.Н. исповедывал своеобразный эстетический пантеизм, который должен был столкнуться с его религиозным теизмом. У него была своеобразная натурфилософия, но недостаточно раскрытая и обоснованная, не имеющая никакого гносеологического фундамента. В основе этой натурфилософии лежит отождествление эстетики и биологии, красоты и жизни» [35];

б) характеризует особенности мыслительной координации этих базовых констант. К.Н. Леонтьев, не будучи связанным требованиями логики какой-либо философско-методологической системы, сочетал эстетизм, натурализм и религиозность «свободно и самостоятельно, не насилюя друг друга». Методологический (казалось бы) недостаток оборачивается интеллектуальным достоинством – свободой мыслительного выбора, способностью выходить за рамки традиции, конвенции: «К. Леонтьев был необычайно свободный ум, один из самых свободных русских умов, ничем не связанный, совершенно независимый. В нем было истинное свободомыслие, которое так трудно встретить в русской интеллигентской мысли» [36];

в) оценивает возможности интеллектуальных прорывов. Н.А. Бердяев остроумно заметил, что в данном случае дилетантизм все же сыграл на руку леонтьевской прозорливости, поскольку уже не раз бывало и так, что «самые глубокие интуиции в общественной философии принадлежат не ученым академического склада, а свободным мыслителям. Один Ж. де Местр или один Чаадаев стоит многих профессоров-специалистов» [37]. То, что писал К.Н. Леонтьев о социализме, культуре личности, глобализации, массовой культуре и обществе потребления (современная терминология), подтверждает, условно говоря, потенции дилетантизма.

С другой стороны, Н.А. Бердяев достаточно объективно и строго оценивал публицистические ограничения, которые немедленно проявлялись, как только К.Н. Леонтьев начинал излагать свои проекты на страницах политически ангажированных газет или журналов: «Но вот необычайно оригинальный и свободный мыслитель иногда уступает место консервативному публицисту, прибегающему к формулам слишком затасканным»

[38]. Здесь речь идет о подчинении свободы творческой личности некой (часто неофициальной) линии или политической партии, или общественного направления.

Персонализм. Субъективность. Для Н.А. Бердяева К.Н. Леонтьев особо интересен, прежде всего, отождествлением объективного и субъективного. Но, скорее всего, это касается формальной стороны дела; по сути, он объективизирует окружающее лишь в произвольно трактуемых рамках собственной субъективности: «Он занят самим собой перед лицом вечности <...> Он решает объективные вопросы в связи с субъективным вопросом своей судьбы» [39]. Таким образом, в фокусе внимания К.Н. Леонтьева не интересы дела, не необходимость или случайность, но «потребность разрешить проблему личной судьбы» [40]. К.Н. Леонтьев постоянно ссыался на свою эстетическую сориентированность относительно мира всякой индивидуальности, но, по тонкому замечанию Н.А. Бердяева, «сверхмировое значение всякой живой индивидуальности было ему чуждо и непонятно» [41]. Отказ от анализа глубинных проблем детерминизма, детерминации его базовых составляющих, поверхностное признание предопределенности априори сыграло с К.Н. Леонтьевым злую шутку: с одной стороны, облегченное восприятие онтологической сущности толкало его в сторону эсхатологии, пессимизма («для мира и людей у Леонтьева были только зло и мрак, насилие и страх» [42]); с другой стороны, на уровне индивидуального сознания его детерминизм как бы вдруг мог превратиться в свою противоположность — индетерминизм, когда предпосылки, причины, факторы каких-то событий, процессов или не существуют, или не могут быть осмыслены.

Н.А. Бердяев утверждал, что *чуткость* (осмысление современности) и *прозорливость* (реализация прогностической функции) у К.Н. Леонтьева «были изумительными». Особенно в последние годы жизни К.Н. Леонтьев «острее и глубже всех понимал и характер русского народа, и процессы, совершающиеся в России. Он, по существу, оказался более прав, чем все, чем славянофилы и западники <...> У него было катастрофическое чувство наступления новой эпохи» [43].

Способность оценивать нарождающееся через призму катастрофы отмирающего, конечно, не соответствует историче-

скому или гносеологическому оптимизму, но порождает *реализм*, ясность в понимании происходящего. Н.А. Бердяев писал: «Бесстрашие мысли характерно для К.Н. Леонтьева. Он не делает себе никаких розовых или оптимистических иллюзий. Он прямо смотрит в глаза будущему и предсказывает о нем много верного» [44]. «Французская ясность ума», способность «мыслить резко и чеканно», «смелость, искренность и радикализм мысли» [45] – вот что отличает мыслительную манеру К.Н. Леонтьева. Он, по мнению Н.А. Бердяева, «эмансипировал» мысль – в этом одна из величайших заслуг. В нем было живое развитие личности, индивидуальное <...>, а не отвлеченная свобода лица» [46].

Такова общая оценка Н.А. Бердяевым идейно-теоретического наследия К.Н. Леонтьева, которая должна быть продолжена на уровне относительно частных проблем и фрагментов.

Историософия К.Н. Леонтьева. Неоднократно отмечено, что К.Н. Леонтьев не являлся ученым в строгом академическом смысле этого понятия; аналогично он не был историком, например, автором какой-то завершенной теории исторического процесса. Его историософия – самобытный сплав нескольких достаточно разнородных фрагментов – не претендовала на системное объяснение прошлого и настоящего. К.Н. Леонтьев произвольно выбирал во всемирной истории «два призрачных смысла»: «то он понимал мировой процесс натуралистически, то мистически» [47]. Таким образом, по мнению Н.А. Бердяева, история для К.Н. Леонтьева – сложный процесс, который осмысливается либо в рамках «органической» теории, либо в религиозном аспекте. Рассмотрим оба аспекта подробнее.

Учение о трех стадиях развития всего существующего (в том числе и в мире исторических процессов и явлений): первичной простоты, цветущей сложности и вторичного упрощения – представлялось тщеславному К.Н. Леонтьеву высоким достижением историософической мысли. «Он ждал, что историки подтвердят его учение об упрощительном смещении. Но историки не заинтересовались им» [48].

Н.А. Бердяев усматривал причину этого непризнания в том, что «философская культура К.Н. Леонтьева не стоит на высоте его смелых интуиций и прозрений». Он писал: «Замеча-

тельное учение К.Н., в котором ему удалось установить несомненные истины, не было достаточно углубленным. Учение это может быть названо общественной морфологией. Оно устанавливает соотношение форм в общественной жизни. И многие положения этой морфологии имеют объективное значение. Но К. Леонтьев не доходит до общественной онтологии, он остается в области общественной феноменологии. Его общественная философия не углублена до онтологических основ общественного. В качестве морфолога общественного он рассматривает общество как организм и изучает смену и соотношение форм. Наиболее ценно установленное К.Н. соотношение между цветущей сложностью общества и его дифференцированностью и морфологическим разнообразием, а с другой стороны – между отцветанием и умиранием общества и упрости́тельным смешением в нем» [49].

Н.А. Бердяев увидел главное: для К.Н. Леонтьева история есть смена форм существования человеческого общества (отсюда и «общественная морфология»); также заметно чрезвычайное натурализация этой морфологической динамики. Для Н.А. Бердяева «в крайнем методологизме современной критической философии» видится «упадок и вырождение философской мысли, отступничество от великих онтологических задач философии» [50]. Поэтому Н.А. Бердяев не обнаружил склонности и к традиционной жесткой критике «методологического несовершенства» историософии К.Н. Леонтьева, проявлявшегося, как уже отмечалось выше, прежде всего в «избыточности натурализации». По его мнению, крайний леонтьевский натурализм сам по себе исключительно противоречив: объективизм и бесстрастность в данном случае – кажущиеся, постоянно вступающие в противоречие с интуитивными веяниями, столь характерными для мыслителей начала XX века. При этом «К.Н. хочет найти не только формулу органического развития общества, но и формулу наибольшего органического совершенства общества, формулу его высшего цветения»; «идеи его остры и радикальны, но не отличаются большим разнообразием и богатством. Он искал сложной и разнообразной жизни, а не сложного и разнообразного познания» [51].

Историософия К.Н. Леонтьева «есть разновидность органической теории общества», которую Н.А. Бердяев не берет серьезно опровергать, поскольку «уже признана несостоятельность всех этих попыток в современной социологической методологии. Прежде всего следует считать твердо установленным, что натуралистический метод неприменим к общественным наукам, он приводит лишь к совершенно фиктивным аналогиям. Жизнь общества не есть жизнь органическая в биологическом смысле этого слова, и понятие смерти от старости может быть применено к ним лишь в переносном и условном смысле» [52].

Н.А. Бердяев предполагал, что К.Н. Леонтьев пришел к своим историософическим теориям через общую эстетику мировосприятия, которая порождала у него крайне отрицательное отношение к европейскому развитию во второй половине XIX века: «К.Н. не может простить Европе, что она отрешилась от своего благородного прошлого <...> Он не был врагом тех принципов, которые были положены в основу европейской культуры, — католичества, феодализма, рыцарства. Он был врагом измены этим принципам, самими же принципами эстетически восторгался. Мещанство победило католичество, аристократию, поэзию старой Европы».

Для К.Н. Леонтьева образ мещанства (буржуазности) — закономерный результат «либерально-эгалитарного процесса», которым «захвачена Европа»; «он ужаснулся, содрогнулся от отвращения», «почувствовал сначала эстетическую, а потом и религиозную ненависть к «прогрессу», который ведет к царству мещанства, он возненавидел свободу и равенство как главные, по его мнению, орудия мещанского царства» [53].

Н.А. Бердяев всесторонне проанализировал комплекс глубоких внутренних побуждений К.Н. Леонтьева, показал, каким образом его мысль движется от эстетического анализа мира и человека к общим историографическим проблемам.

Буржуазный прогресс губит цивилизацию путем усреднения как личности, так и общественных процессов. Для него «средний тип буржуа не только антиэстетичен, но и есть приближение к небытию, есть угасание жизни, то есть в конце концов аморален, антионтологичен, безбожен» [54]. К.Н. Леонтьев противопоставляет «мещанской эгалитарности» идеалы «слож-

ного цветения» (вторая фаза в его историософской схеме), предполагающие «сложное, дифференцированное, разнородное и разнообразное строение общества, неравенство сословий и классов, существование аристократии, сильной государственности, великих людей, возвышающихся над массой, гениев и святых». Напротив, «страсть к равенству и к смещению влечет общество и культуры к смерти. Демократические движения означают распадение общественного организма, наступление старости, умирание. К.Н. открывает что-то вроде закона энтропии в социальной жизни», — заключал Н.А. Бердяев [55].

Он неоднократно и с разных сторон оценивал так называемый натурализм леонтьевских историософических построений. Тот «любил» «органические периоды человеческой истории» (пики цветущей сложности) и «эстетически» не любил ее «критические периоды» (упадок, вторичное упрости́тельное смещение). Доминирование эстетического подхода в оценках мира истории привело К.Л. Леонтьева к следующему: «В его сознании произошло сближение и совпадение эстетических и натуралистических восприятий и критериев. Это отождествление эстетической и биологической оценки может быть охарактеризовано как элемент натуралистического оптимизма в его мирозерцании». «Общество было для него организмом, — продолжал Н.А. Бердяев, — и выход общества из органического состояния означал разложение и смерть» [56].

Н.А. Бердяев прямо указывал, что у К.Н. Леонтьева «не было надлежащей подготовки для научно-социологических исследований». Стремясь исключить из практики идею всеобщего благоденствия, «торжества правды и счастья на земле путем освободительного и уравнивающего прогресса», он «и схватился за совершенно несостоятельную органическую теорию развития и умирания наций и государств. Кроме натуралистической социологии, у Леонтьева была еще мистическая философия истории; служили они одной и той же цели, но совершенно не были между собой связаны» [57].

Помимо несовпадения онтологического и социологического подходов в разорванной теории истории К.Н. Леонтьева, Н.А. Бердяев отмечал и такие ее пороки, как необъективность (тема реализма) и избыток детерминистского подхода. Н.А. Бер-

дьяв иронизировал над постоянным стремлением К.Н. Леонтьева продемонстрировать («гордиться») своим «бессердечным жестоким реализмом», стилистически использовать «ультрареалистические и ультрапозитивистские аргументы» («что несколько странно для мистика» и «страстной природы, менее всего способной на объективность»). «У Леонтьева нет и тени научного реализма», — заключал Н.А. Бердяев [58]. Иными словами, леонтьевский натурализм вовсе не означал хотя бы естественнонаучной объективности. «Как это умудрился он соединить исторический фатализм, уверенность в натуралистически неизбежной гибели национальных культур на известном году жизни с христианской мистикой?» [59]. Здесь мы вплотную подходим к проблематике *движущих сил исторического процесса*.

Прежде всего обратимся к ориентирам. К.Н. Леонтьев демонстративно придерживался так называемого русского направления, но в качестве преобладающего направления развития истории он все же брал в расчет именно Европу: «К. Леонтьев был более «европейцем», чем сам сознавал и чем это принято о нем думать. Он был влюблен в старую Европу, рыцарскую, католическую, романтическую. Он ненавидел лишь современную буржуазно-демократическую Европу, и ненавидел ее за то, что она изменила своим святыням, своей былой красотой» [60].

К.Н. Леонтьев представлял мировую историю через призму европейского «вторичного упрощительного смещения»; для него Европа гибнет, погрязнув в «мещанстве», порожденном «либерально-эгалитарным процессом». «Он восстает против мещанства и против буржуазности Запада. Это основной его мотив, и это в нем мотив русский. Он ненавидит буржуазный мир и хочет его гибели. Если он ненавидит прогресс, либерализм, демократию, социализм, то исключительно потому, что все это ведет к царству мещанства, к серому земному раю» [61].

Эстетически брезгуя процессами и результатами «усреднения» (глобализации), К.Н. Леонтьев талантливо бичевал «одряхлость» и грядущую смерть европейской цивилизации, развитие которой завершилось, и началось разложение (кризис). «В эстетической и мистической ненависти Леонтьева к демократии и плебейской культуре есть какая-то правда, но есть и грубая ложь, грубое недоразумение, в котором мы должны разобрать-

ся», – писал Н.А. Бердяев [62]. Действительно, разобраться стоит и в несовпадении леонтьевских оценок «гибнущей» Европы, и византийских (российских) путей ее спасения, и в разнообразных толкованиях *фатализма, предопределенности и свободы воли в исторической деятельности*.

По оценке Н.А. Бердяева, К.Н. Леонтьев не углублялся до онтологических основ процесса всемирной истории, ведь его философская культура всегда уступала его же интуиции. В качестве объективного фактора исторического процесса К.Н. Леонтьев видел действие Божьего промысла, который в его писаниях слишком натурализировался, а то и просто отождествлялся с законами природы; видимый факт «главенства объективной идеи над народной стихией» [63] никогда не подвергался сомнению в его работах; более того, «он с религиозным пафосом и с эстетическим любованием утверждает действие железной природной необходимости в человеческом обществе <...>, не допуская субъективного человеческого произвола. В законах природы, действующих в истории, он видит Бога и красоту. Он открывает божественное начало не в человеческой свободе, а в природной необходимости» [64].

Применяя качества обыденного мышления к историческому закону, К.Н. Леонтьев больше верил Богу, чем человеку; он недооценивал роль духовного фактора в истории, в жизни общества, не чувствовал потенциалов свободного человеческого духа, поскольку не понимал свободы (допуская влияние на историю отдельных избранных личностей «во имя таинственных мистических целей», «так как религиозность его была индивидуально-аскетической» [65]). «К.Н. не народник, он не верит в народ, – писал Н.А. Бердяев, – в народную стихию и народные начала <...> Он верит в Церковь, верит в государство, верит в идею, верит в красоту, верит в избранные, яркие, творческие личности, но не верит в народ, не верит в человеческую стихию, в человеческую массу. И это делает Леонтьева совершенно оригинальным, единственным в своем роде» [66].

Н.А. Бердяев критиковал точку зрения К.Н. Леонтьева относительно факторов исторического процесса, поскольку сам стоял на противоположной точке зрения. Он писал: «Что обнаруживает полнейшую наивность и некритичность Леонтьева, так

это его вера в органические законы исторического развития. Нелепость и противоречивость самого понятия «исторического закона», «закона развития» достаточно теперь обнаружена Риккертом и целым рядом гносеологов и методологов общественной и исторической науки. Индивидуальное своеобразие всякого развития, всякой «истории» не допускает установления закономерности для конкретного хода жизни. Настаивать на неумолимом ходе якобы органического развития обществ более приличествовало бы дарвинисту или экономическому материалисту, чем Леонтьеву» [67].

Для Н.А. Бердяева позиция К.Н. Леонтьева не верна именно по причине недооценки роли свободы и переоценки (абсолютизации) фаталистического подхода: в этом отношении «страстная воля ослепила его разум. У Леонтьева совершенно отсутствует идея свободы, к которой приводит нас и религия, и философия, и наука <...> Реальная общественная наука наших дней смиряется перед философским и религиозным учением о свободе, видит природу общества в психологическом взаимодействии индивидуальностей, а сущность исторического процесса в свободном творчестве человечества. Поэтому наука отказывается от исторических предсказаний и тайну будущего отдает в ведение религиозной свободы» [68].

Завершая анализ историософии К.Н. Леонтьева, заметим, что Н.А. Бердяев не раз указывал и на такую ее существенную черту, как *эсхатологичность, апокалиптичность* («у него была эсхатологическая направленность», «его пугал ужас конца, предела» [69]). Для К.Н. Леонтьева следствием либерально-эгалитарного процесса являлось ускоренное, неотвратимое приближение краха мировой цивилизации («начало конца, смерть мира»). Н.А. Бердяев отмечал следующие черты леонтьевской эсхатологии:

натурализация темы конца света («Близкий конец человечества был для него неотвратимой естественной смертью. Приближение конца, смерти, он прежде всего познал как натуралист и ощутил как эстет. Это свое познание и ощущение он потом санкционировал религиозно, согласовал с религиозным пророчеством. Но натуралистическая печать осталась на его апокалиптическом сознании»);

отсутствие каких бы то ни было хилиастических тенденций («Апокалиптические настроения и предчувствие конца ... мрачны, <...> в них нет никаких хилиастических надежд» [70]);

привлекательность леонтьевских писаний для «романтиков и мистиков «всех времен, особенно для тех, кто «болен» апокалиптическими настроениями («К. Леонтьев – страшный писатель, страшный и соблазнительный для всего исторического христианства» [71]);

провидческие, прогностические озарения: К.Н. Леонтьев предвидел и фашизм, и большевизм (сталинизм), и мировые войны; для него эти процессы и явления суть проявления антихристового духа, который погубит «все святости и ценности благородного старого мира». В основе этих предчувствий – осознание, острое ощущение К.Н. Леонтьевым «катастрофического темпа истории» [72]. Н.А. Бердяев дал блестящую, завершенную характеристику историческому сознанию К.Н. Леонтьева: «У него вообще было сильное чувство истории – в отличие от огромного большинства русских людей <...> Он предпочитал драматизм истории, с противоречиями, с контрастами, с добром и злом, со светом и тьмой, с борьбой. И в этом он не был характерно русским человеком. Ему чуждо было русское искание всеобщего спасения всех людей всего мира. По чувству истории, по оценке культуры и общественного он, скорее, западный человек» [73].

Н.А. Бердяев корректно и основательно высказывался о проблеме **византизма**. Он не очень-то разделял леонтьевские надежды на «спасение» России посредством возрождения, статуирования византизма (особенно в контексте содержания работы К.Н. Леонтьева «Византизм и славянство»); но, безусловно, признавал историческую роль византистского влияния в складывании нашей нации и нашего государства: «Все-таки верно, что византизм внутренне и внешне способствовал организации России <...> Церковное единство у нас держалось византизмом. Прав и проницателен был К.Н. Леонтьев, когда утверждал организующее значение для России сдерживающих и скрепляющих византистских начал» [74].

Н.А. Бердяев отметил несколько черт византийского подхода:

во-первых, в психологическом плане устаревшие византийские идеалы служили К.Н. Леонтьеву средством спасения от реалий буржуазного мира, некой внутренней умополагаемой (и маловероятной) альтернативой ему: «К. Леонтьев ищет спасения в византизме <...> Он хватается за византистскую гниль в порыве отчаяния, из надлома, из духа противоречия кому-то и чему-то» [75];

во-вторых, Н.А. Бердяев высказывал самые серьезные сомнения в «народности» византистских начал; для него они «не были достаточно органическими, были слишком внешними, навязанными»; «соединение византийских начал с русской народной стихией было браком старика с молодой девушкой. Такие браки редко бывают счастливыми»;

в-третьих, Н.А. Бердяев показал сопротивление внешне навязанному византийскому воздействию: «Византизм чужд духу русского народа, и поэтому у нас так глубок был раскол между народом и властью. Русский народ, по-видимому, не выработал себе органической формы государственности» [76].

Спротивляясь государственному направлению, «русская языческая народная стихия сама по себе склонна разрывать христианские формы и опрокидывать христианские основы. Это видно по нашему народному мистическому сектантству». В странах Западной Европы (например, во Франции) К.Н. Леонтьев выделил «благородные консервативные начала», которых совсем не наблюдал в России, и в этом – «основное противоречие всех мыслей К.Н. о России, которое под конец жизни сделалось трагическим»; тем более, что созданный буржуазной цивилизацией «интернационализм» (суть – глобализационное проникновение) в России оказался «даже сильнее интернационализма Европы», что предопределило у К.Н. Леонтьева резкое (к концу жизни) усиление «роковых предчувствий о России» [77].

К.Н. Леонтьев и Восточный вопрос. Славяне. Панславизм. Россия. Русские. Леонтьевское отношение к этим сложнейшим проблемам привлекло внимание Н.А. Бердяева. «Восточный вопрос, – писал он, – был в центре размышлений К. Леонтьева. На нем кристаллизовалась и вся его философия общества, и философия истории. В сложной и запутанной восточной политике он занял совершенно оригинальное положение»

[78]. Надо сказать, что эта «оригинальность» стоила ему дальнейших успехов в дипломатической карьере: его взгляды серьезно расходились и с официальной линией государства, и с настроениями российского общества. Например, К.Н. Леонтьев не поддерживал участие России в войне с турками 1877 г., так как она велась за освобождение славян, а не за православную веру; иными словами, в его понимании наши победы способствовали дальнейшему обуржуазиванию славян.

Прежде всего, К.Н. Леонтьев отрицал саму идею панславизма, считая его «опасным для России, для русской идеи в мире»; он «отрицал самостоятельность славян и единство их культуры. Он не верил вообще в самостоятельность племенного, национального принципа и не соглашался признать его верховенство. Должна быть высшая идея, образующая национальность, целиком ее себе подчиняющая. Такой высшей идеей он считал византизм» [79].

Для К.Н. Леонтьева идея панславизма представлялась опасной еще и потому, что несла в себе «торжество обыкновенного демократического принципа» [80]. «Пафос освобождения славян у него напрочь отсутствовал»; наоборот, К.Н. Леонтьев был убежден, что «национальное самоопределение и освобождение балканских славян приведет к совершенному национальному обезличиванию, к либерально-эгалитарной европеизации, к обыкновенному демократическому мещанству. Дело православия на Востоке от этого только потеряет» [81].

Его работы полны критических, а порой и презрительных замечаний в адрес славянства вообще, болгар и сербов в частности. К.Н. Леонтьев не принимал растущий демократизм балканского славянства, в принципе отрицал ненавистные ему европейские либерально-эгалитарные начала, сокрушался об отсутствии у южных славян крепких и самобытных духовных основ, способных противостоять «роковому разрушительному процессу». В качестве этих основ Н.А. Бердяев называл «верность традициям и преданиям византизма».

Свои идейные позиции К.Н. Леонтьев доводил до политического предела: на Балканах он «любил греков и турок и не любил славян, особенно болгар. Во всех столкновениях сочувст-

вие его всегда было на стороне греков, и даже турок, против славян» [82].

Его высокие оценки греков были связаны с их ролью хранителей начал византийского православия и традиционным монашеством. В греко-болгарской церковной распри (Н.А. Бердяев писал: «Сущность этой распри заключается в том, что болгары, зависевшие в церковном отношении от греческого патриархата в Константинополе, захотели самостоятельности и отделились от патриархата») К.Н. Леонтьев однозначно был на стороне греков, несмотря на то, что российские государство и общество были на стороне болгар. «Отношение русского общественного мнения к болгарам, – писал Н.А. Бердяев, – он называл болгаробесием. И с политической точки зрения он лучше других видел, что болгары не будут друзьями России».

«Передовое» российское общество приветствовало борьбу болгар за независимость, за освобождение от турецкого владычества. К.Н. Леонтьев, напротив, «видел в этом ущерб для Православной Церкви на Востоке <...> К.Н. всегда ставил интересы религиозно-церковные выше интересов национальных и государственных. Православная Церковь на Востоке была ему дороже славянства» [83].

Не случайно Н.А. Бердяев заметил, что «аристократическая нелюбовь К. Леонтьева к демократизму славян была в нем какой-то нерусской чертой» [84]. Но если «у славян он не находил верности византийским началам», то «турок он любил эстетически, за их старый, неевропейский красочный быт» [85].

К.Н. Леонтьев видел в турецком господстве на Балканах преграду демократизации славянства; он приветствовал турецкие гонения в адрес христиан, так как считал, что они способствуют сохранению и укреплению древнего православия. В «имманентные духовные силы славянства К.Н. не верил», «он хотел не освобождения славян, а их порабощения и угнетения, так как верил, что под гнетом славяне будут духом выше и оригинальнее» [86].

Поскольку К.Н. Леонтьев дорожил на Балканах не славизмом, а византизмом, а интересы Церкви ставил выше политической независимости славянских народов, то, вопреки общественному мнению, шокируя его своим радикализмом и непо-

хожестью, он ратовал даже за сохранение турецкого господства подольше («Мысль об изгнании турок, — писал Н.А. Бердяев, — он считает не русской и не славянской, а обыкновенной европейской, либерально-демократической и нивелирующей» [87]). В понимании К.Н. Леонтьева тот же Царьград должен как можно дольше оставаться под турецким гнетом, иначе, став славянским, он, вероятно, превратится в центр революционного движения.

Конечно, в наше время его идеи о превращении Царьграда в центр российской (русской) культуры, цивилизации выглядят совершенно утопичными. Н.А. Бердяев следующим образом представил много раз раскритикованную точку зрения К.Н. Леонтьева: «Если турки будут изгнаны из Царьграда и Россия не заменит турецкого, охранительного давления собственной дисциплиной, то Царьград превратится в центр международной революции, который затмит Париж. Поэтому, по мнению К.Н., Царьград должен быть турецким до тех пор, пока он не делается русским» [88].

Представления К.Н. Леонтьева о *судьбе и роли России* в связи с вышесказанным постепенно эволюционировали от иллюзорно-оптимистической уверенности к пессимистической неопределенности. Вообще, «вопрос о России, о ее судьбе, о ее призвании в мире всегда был центральной темой размышлений К. Леонтьева. Он мучился о России. И у него было своеобразное учение о России» [89]. По оценке Н.А. Бердяева, «К. Леонтьев долгое время жил верой и надеждой, что Россия должна спасти разлагающуюся и погибающую Европу, должна явить еще миру новый и высший тип цветущей культуры, склонной к разнообразию» [90].

Суть взглядов К.Н. Леонтьева можно изложить следующим образом:

Европа отдала мировой истории все, что могла; «все нации Европы, все культуры Запада подошли к страшному пределу, вступили на путь органического разложения и смерти <...> В Европе все загубил уравнивающий и дезорганизирующий прогресс демократии» [91];

будущее «есть только у России, да еще у греко-славянского мира и Турции. Спасение в Азии. Если мы, русские,

не возьмем на себя создание оригинальной культуры, то это сделают миллионы других азиатов» [92];

смысл российской «мироспасительной» новации – в создании и развитии «небывалой по своеобразию восточной (славяно-азиатской) цивилизации», противоположной «мещанству Запада»; поворотный момент в практической реализации идеи этой цивилизации – овладение Россией Царьградом, превращение последнего (не в столицу) в духовно-политический центр будущего миропорядка;

новый тип российской культуры, спасительный для мировой цивилизации, должен (и может) быть создан на базе византийского самодержавия и византийского православия, но никак не на основе «великих свойств русского национального духа». Н.А. Бердяев по этому поводу остроумно заметил: «Вот уж поистине гора родила мышь» [93].

Оценивая стиль и манеру леонтьевских произведений, глубоко проникая в психологически противоречивое состояние этого замечательного автора, Н.А. Бердяев писал: «Как за соломинку схватился он за Россию, за славянство, видел тут последнее свое упование, почти умирающую надежду спасти дорогой для него смысл мировой жизни»; «через Россию можно еще спасти мир», но для этого «нужно заморозить ее, остановить либерально-эгалитарный «прогресс» хотя бы ценой величайших жертв, хотя бы самым мрачным насилием» [94].

В подобного рода рассуждениях присутствует несколько заметных принципиальных противоречий, дискредитирующих футурологические конструкции К.Н. Леонтьева: так, оригинальное историческое творчество нации предполагает наличие в ее духовной жизни и социальной практике определенной степени свободы, а К.Н. Леонтьев и отрицает, и презирует свободу. Н.А. Бердяев писал: «Этот несчастный человек дошел до того, что возложил надежду свою, надежду отчаяния, на хорошо организованную полицию, на физическое насилие, к которому питал какою-то извращенную страсть» [95].

Кроме того, как же можно утверждать мессианскую роль «новой» русской цивилизации и одновременно отрицать (в значительной части) и Россию, и русских как силу созидания? Дело в том, что К.Н. Леонтьев «не только не был националистом

<...>, но он был идейным врагом национализма. Племенное, кровное начало не имело для него самодовлеющего значения, и он относился к нему подозрительно». Он искал (и как ему казалось, находил) нечто более общее, нежели национальность – византизм (явление общемировое, а не национальное, основанное на церковно-государственном подходе). «Он верил не в Россию и не в русский народ, а в византистские начала <...> Если он верил в какую-нибудь миссию, то в миссию византизма, а не России. И миссия эта была мировая». То есть «националистического партикуляризма у Леонтьева нет» [96].

Н.А. Бердяев совершенно ясно показал, что отрицание национального начала у К.Н. Леонтьева основывалось на отрицательном отношении к русскому (как и к любому другому) народу: «К. Леонтьев презирает не только болгар и сербов, но и русский народ. Он не верит в русский народ. Он верит лишь в византийскую идею. Ему дорога не Россия и не русский народ, не русская идея, а византийское православие и византийское самодержавие, дорог аристократизм, где бы он ни был»; «современную Россию К.Н. перестал любить, он любил прежнюю Россию»; «он любил в России лишь то, что прельщало его как красота, и что создано было принудительным действием некоторых идей» [97].

Для К.Н. Леонтьева русский народ – «без организующего и оформляющего действия мировых византийских начал <...> ничтожный и дрянной народ»; «европейские народы он считал более одаренными, чем русский народ»; жители национальных окраин империи «лучше русских», поскольку меньше затронуты европеизацией, а проводимая правительством направленная русификация национальных территорий – «демократическая европеизация», имеющая вредное значение; «у русских слабо родовое чувство и чувство семейственности и сильно государственное», оно получило «у русских исключительное развитие <...>, ему подчинено начало аристократическое и семейно-родовое»; «призванием славян, русских должно быть уничтожение свободного индивидуализма, <...> в России не должно развиваться личное начало <...>, от этого сохранится более высокий тип культуры»; «еще не было в истории народа менее творческого, разве что турки; мы – оригинальны внутренним, психическим

темпераментом, но вне себя ничего поразительно-примерного создать не могли»; «наша история – сомнительна, прожито много, а сотворено духом мало» [98] и т.д.

К.Н. Леонтьев и в данном случае оставался исключительно парадоксальным: с одной стороны, он искренне, глубоко любил Россию, русское; с другой стороны, он совершенно не верил в русские начала, полагал, что Россия сильна исключительно внешними воздействиями, а также мог говорить о стране и о народе «самые горькие и беспощадные истины, от которых можно прийти в отчаяние и потерять всякую надежду на выполнение Россией ее великой миссии» [99]. Интересно и то, что, будучи близким по исходным идейно-теоретическим посылкам к славянофилам, К.Н. Леонтьев проявлял себя больше и чаще подобно западнику (например, уже упоминавшееся его сходство с П.Я. Чаадаевым).

Н.А. Бердяев неоднократно повторял: «К. Леонтьев не верил в русский народ» [100]; но он «не верил ни в какой народ. К.Н. Леонтьев был убежден, что великие исторические народы занимали свое место, добивались процветания не потому, что они имели национальное самоопределение, а из-за организующего воздействия какой-то внешней идеи. По его мнению, «племенная идея» такой роли выполнить не может, поскольку она – «частное преломление космополитической идеи всеравенства и бесплотного всеблага». То есть заметное выравнивание национальных прав, проявившееся в ходе буржуазного прогресса, национальное самоопределение и национальное освобождение для К.Н. Леонтьева – процесс обезцвечивания и понижающей качество нивелировки [101]. Н.А. Бердяев писал: «Народная стихия есть лишь материал, который должен обрабатываться не народом, а универсальными началами, великой идеей. Важен не народ, а великая идея, которая владеет народом. Церковное и государственное начала для К.Н. выше национальных» [102].

Кроме того, Н.А. Бердяев совершенно справедливо отметил первенство К.Н. Леонтьева в радикальной постановке проблемы снижения качества культуры в условиях наступающей глобализации (мещанско-буржуазное усреднение культурных отношений в условиях либерально-эгалитарного прогресса). Развитие этого прогресса стирает национальное своеобразие, то

есть стремление нации «вверх» по ступеням прогресса есть нечто самопротиворечивое, ведущее к самоистреблению.

Избыточный радикализм и крайняя односторонность леонтьевских оценок весьма наглядно демонстрирует их недостатки, неправоту, но творческое своеобразие и авторская оригинальность мышления заслуживают всякого внимания [103].

Завершая тему судьбы России в творчестве К.Н. Леонтьева, обратим внимание на то, что, по мнению Н.А. Бердяева, к концу жизни «К.Н. все более одолевали сомнения <...> в незыблемости его построений»: К.Н. Леонтьев начал все больше сомневаться в долговечности будущего России; в правильности понимания ее особого предназначения («А вдруг Вл. Соловьев прав в своем убеждении, что русская цивилизация – цивилизация европейская?»). «Вл. Соловьев, – писал Н.А. Бердяев, – заставил его невольно думать, что, пожалуй, призвание России чисто религиозное <...> и только» [104]. Эпистолярное наследие К.Н. Леонтьева содержит немало свидетельств их с В.С. Соловьевым непростых отношений; но там же мы можем увидеть, что именно мощное воздействие соловьевского учения заставляло К.Н. Леонтьева с горечью признавать сомнительность ряда собственных выводов.

Социальная философия К.Н. Леонтьева. Н.А. Бердяев утверждал, что для К.Н. Леонтьева в жизни и природы, и общества главным является столкновение двух противоположных тенденций – Хаоса и Космоса; победа первой означает упрости-тельное смешение, упрощение, спад и низвержение социальной иерархии; победа космических начал, напротив, порождает в обществе иерархию и упорядоченность. Оценивая современную ему социальную реальность конца XIX века, К.Н. Леонтьев видел в растущих буржуазных отношениях уравнительную демократизацию, ведущую к одряхлению и смерти общественных систем («распад космического строения и частичный возврат к хаосу»); понятно, что леонтьевское отношение к этим процессам было крайне негативным («Общественная нивелировка ведет к умиранию не только общественной, но и личной яркости и оригинальности» [105]).

Подобную, вообще-то давно известную, даже общепринятую схему социальной противоречивости К.Н. Леонтьев

интерпретировал довольно своеобразно. Н.А. Бердяев обращал внимание на такие *отличительные черты леонтьевской социальной философии*, как натурализм, язычество, примат эстетики над этикой и мистикой (религией) в социальных отношениях, культ деспотического государства (оно – выразитель необходимости) и культ власти, недооценка роли духовной жизни общества, сущности прав человека, значения свободы и т.п.

Неровность социальной философии К.Н. Леонтьева проявлялась в том, что «он простирали слишком далеко натуралистическую аналогию общества и организма», всячески демонстрировал «пафос жестокого и беспощадного натуралиста, объективного физиолога, патолога человеческого общества» [106]. Н.А. Бердяев отметил, что леонтьевский социальный натурализм имеет в качестве своей основы искреннее стремление к реализму в оценках социальных отношений, что опять же парадоксально для К.Н. Леонтьева – «романтика и мистика» [107].

Натурализм К.Н. Леонтьева в оценке социальных явлений и процессов, конечно, не означал, что природа и общество, биологическое и социальнопсихологическое, совпадали в его миропонимании: «В обществе он видел организм иного порядка, чем организм человеческий, и к нему относился иначе, чем к живой человеческой душе. И в этом он возвышался над обычным русским отношением к проблеме общества, отношением сентиментальным, отрицающим органическую реальность общества и применяющим к нему исключительно субъективно-моральные категории. Благодаря такому подходу К. Леонтьеву удалось сделать некоторые социологические открытия, которые ждут еще своей оценки и которые подтверждаются жизненными общественными процессами» [108].

Так, в отношении европейского периода вторичного упрощительного смешения (снижение качества цивилизации и культуры) К.Н. Леонтьев был «необыкновенно чуток и прозорлив», а также умел это выразить в терминах естественнонаучной социологии. «В своих социологических исследованиях К. Леонтьев хотел быть холодным, безучастным к человеческим страданиям, объективным <...> Как социолог, он решительно не хочет быть моралистом и проповедывать любовь к человечеству.

Он относится к социологии как к зоологии, к которой, кстати сказать, имел вкус и склонность», – писал Н.А. Бердяев [109].

Сложное сочетание биосоциальных подходов привело К.Н. Леонтьева к некоей абсолютизации фазы обязательного умирания и живого, и социального образований (выравнивание в результате упростиельного смешения), которая представлялась ему слишком фатальной, роковой, неотвратимой. Н.А. Бердяев логично заключал: «Он не чувствовал действия свободного человеческого духа в истории и само действие Промысла Божьего слишком натурализовал и склонен был отождествлять с законами Природы» [110]; именно поэтому «он остается язычником в своем отношении к истории и обществу» [111].

Н.А. Бердяев неоднократно отмечал, что К.Н. Леонтьев недооценивал роль и значение духовных факторов в жизни общества; он не понимал тайны свободы человеческого духа и не дорожил ею («он склонен был отождествлять свободу с эгалитарным процессом»), а посему – отрицал тему прав человека, принципиально признавая тему роли великой личности в истории. Для Н.А. Бердяева права человека «коренятся в бесконечной природе человеческого духа», а К.Н. Леонтьев, по его оценке, «не умел связать свободы человеческого духа с христианством, с христианским откровением о человеке. К. Леонтьев не понимал, что обратной стороной смерти и развоплощения старых обществ является освобождение христианства от языческого быта. Сам он оставался язычником в отношении к истории и обществу. В его бурном восстании против гуманизма была большая правда и заслуга его. Но ему не открывалось положительное религиозное отношение к человеку» [112].

Здесь нам приходится вновь вернуться к леонтьевским оценкам современной ему социально-политической жизни; для него она – эгалитарно-либеральный процесс, борющийся против всякого неравенства и деспотизма (как раз любимых универсалий К.Н. Леонтьева, гарантирующих, по его мнению, цветущую сложность в развитии) и ведущий к разложению, вторичному упрощению. «Космополитическая идея всеравенства и бесплотного всеблага» ведет к «бурному низвержению или мирному, осторожному подкапыванию всех авторитетов – религии, власти, сословий» [113].

Н.А. Бердяев отметил ряд принципиальных «натяжек» в леонтьевской теории:

во-первых, ему не следовало элементарно отождествлять идеи свободы и равенства (оба понятия для него отвратительны; он их отрицает) [114];

во-вторых, натурализм К.Н. Леонтьева в данном случае победил его замечательный эстетизм, ограничив понимание сущности и творческого, созидательного значения деятельности личности [115]. Напротив, К.Н. Леонтьев активно поднимал на щит идеи деспотического государства.

Неверие в духовные силы нации, убежденность в организующей способности внешних идей и сил толкали его в эту сторону: «Он верил в деспотическую идею, которая может удерживать и направлять народную стихию» [116]. Субъектом этой организующей деспотии выступает государство, и «Леонтьев был самым крайним государственным, у него был настоящий культ деспотической власти, поклонение государственному насилию» [117].

К.Н. Леонтьев «считал государственное начало в России более самобытным, чем общественно-народное»; «у него был языческий, натуралистический культ царской власти <...> Царизм К.Н. обосновывает не только мистически, сколько натуралистически» [118].

Слепое поклонение государственной силе, представление ей права широко применять насилие – отличительная черта леонтьевского подхода. Н.А. Бердяев писал, что К.Н. Леонтьев «создает себе кумира из государственного организма», слепо «поклоняется Левиафану» [119]; «в отличие от большей части русских людей, он любил мощь государства. Для него нет гуманных государств, что может быть и верно, но не меняет наших оценочных суждений. Гуманистическое государство есть государство разлагающееся. Все болит у древа жизни. Принятие жизни есть принятие боли» [120].

Для Н.А. Бердяева этот пошлый этатизм есть «грубое реалистическое суеверие», свойственное всем «позитивным государственным»; в его основе – воля к власти и ее же культ, которыми «буквально насыщено все творчество К.Н.», которому свойственно «реакционное изуверство <...>, он слишком ко-

щунственно и богохульно присвоил себе и своему любимому деспотическому государству миссию суда и кары Божьей» [121].

Н.А. Бердяев даже иронизирует над «самым безвластным в жизни человеком» – К.Н. Леонтьевым, который знал лишь эстетику власти, но не ее саму; который однозначно признавал неизменную важность для нашего государства идейно-теоретического подкрепления со стороны Церкви [122]. «Самое непонятное, – заключал Н.А. Бердяев, – как этот тонкий эстетик Леонтьев не чувствовал дурного запаха не только насильственной государственности, но и всякой государственности, всегда ведь уродливой, всегда замаранной грязью». Видимо, все дело в том, что «Леонтьев исповедовал мистицизм власти, обоготворял государство, мистический же смысл свободы был от него сокрыт, в этом было его уродство и калечество» [123].

Естественно, что К.Н. Леонтьев был убежден в том, что деспотия есть основной путь достижения и красоты, и правды; иными словами, его этико-эстетическое кредо было исключительно этатизировано (не на практике, в теории, в потенции, в возможности; впрочем, многие исследователи отмечали, что, как только К.Н. Леонтьеву представлялась возможность реакционно-консервативного практического действия, он немедленно начинал утрачивать привлекательность интеллекта, тонкого эстетического переживания и превращался в обыкновенного сатрапа). «Он верит, что через деспотизм достигается могущество и цветение жизни» – писал Н.А. Бердяев [124]. Зная это, можно понять, например, почему К.Н. Леонтьев исключительно высоко ставил время Николая I: в его понимании этот император своим царствованием завершил начатую Екатериной II фазу цветущей сложности российской цивилизации и ввел в активную политическую практику прямое охранительное государственное действие; «Екатерина могла еще создавать, Николай Павлович должен был охранять» [125].

Социально-политическую доктрину К.Н. Леонтьева Н.А. Бердяев характеризовал точно и беспощадно: «Леонтьев был необыкновенно умный и даровитый человек, но в политике – малое дитя, ничего в ней не понимал, и за его проповедью реальных зверств и насилий чувствуется лишь романтик, растерявшийся от ужасов и уродств буржуазной культуры <...> И у

нас есть эта тоска, это отвращение к надвигающемуся царству мешанства, и ощущаем мы, что была какая-то правда в безумном романтизме Леонтьева» [126].

Пророчества о социализме. Н.А. Бердяев удивительно тонко в сочетании факторов идейно-теоретического и индивидуально-психологического порядка проанализировал отношение К.Н. Леонтьева к грядущим социальным катаклизмам в России. Прежде всего, отметим, что Н.А. Бердяев всегда признавал наличие у К.Н. Леонтьева острого, интуитивного «чувства истории»: последний, не являясь профессиональным историком, тем не менее, смог поставить (а значит, оценить) немало проблем будущего социально-экономического и политического развития и России, и мира. Н.А. Бердяев писал: «К. Леонтьев пророчески чувствовал, что надвигается мировая социальная революция <...> Он с большой остротой сознавал, что старый мир, в котором было много красоты, величия, святости и гениальности, разрушается. И этот процесс разрушения представляется ему неотвратимым» [127].

К.Н. Леонтьев предвидел «мировую социальную революцию» не в значении социал-демократических доктрин; в этом аспекте он, скорее, стоит на базе цивилизационного подхода, тем более, что «социальный идеал самого Леонтьева есть еще большая утопия, чем социализм» [128].

К.Н. Леонтьев ощущал приближение мировых катаклизмов в религиозно-мистическом духе, как приближение «Царства Антихриста». По мнению Н.А. Бердяева, «он острее и яснее других почувствовал антихристову природу революционного гуманизма с его истребляющей жаждой равенства, представлял себе в качестве антипода Христа «могущественного человека, который возьмет в свои руки все противохристианское, правоцерковное движение» [129].

Тему (социалистического) будущего России К.Н. Леонтьев никогда специально не исследовал; обращался к ней мельком, всего несколько раз. Но тема Антихриста в оценке грядущих изменений звучала в них весьма отчетливо. К.Н. Леонтьевым «прочувствовано что-то роковое для духовного будущего России, что-то глубоко верное, как предостережение, как раскрытие таящейся в России опасности. Вот каким предчувствием

окончилась история русских мессианских ожиданий и надежд. Поистине, в России, в народе русском есть благоприятная почва для появления Антихриста» [130].

Кроме того, пророчества К.Н. Леонтьева были окрашены в яркие антилиберальные тона. Либерализм для него – идеология буржуазной уравнительности, ведущая к гибели всего и вся; либерализм угрожает настоящему и будущему и через возможное создание «одной (общей) либеральной нигилистической республики», и через «воцарение нежелательных вождей»; для него «либерализм неизбежно должен привести к социализму» [131].

Для К.Н. Леонтьева социализм «духовно буржуазен», так как «идеал всеобщего счастья, эвдемонизм – нелепость. Нелепая и мелкая мечта о земном благоденствии противоречит всему: и эстетическим идеалам, и религиозным верованиям, и нравственным понятиям, и науке. Человеку нужен опыт, и он на опыте убедится, что «прогресс равномерного счастья» невозможен, и что он лишь готовит почву «для нового неравенства и новых страданий». Н.А. Бердяев заключает: «Никто еще не изблещал так гениально-остро низости и уродства идеи земного равного благополучия человечества. Он – самый крайний враг эвдемонизма» [132].

К.Н. Леонтьев раньше многих понял, что с течением времени гуманизм в социализме переродится в антигуманизм; это помогло ему как-то примириться с будущим социализмом, в котором, возможно, на основе антилиберального негуманизма начнется возрождение России. Н.А. Бердяев заключал, что «к либерализму К.Н. был особенно несправедлив». Он относился к нему «с предубеждением <...> как к направлению половинчато-му, несамостоятельному, лишь расчищающему почву для торжества разрушительных начал. Он считал неправдоподобным торжество умеренного либерализма у русских, склонных к крайностям <...> В этом отношении К.Н. оказался очень пронизательным. Сам он более всего не хотел средних, умеренных путей для России, питал к ним эстетическое отвращение. Он любил крайности» [133].

Не раз К.Н. Леонтьев утверждал, что «пугачевщина» для России – страны крайностей – менее вредна, чем «законная де-

мократическая конституция». Н.А. Бердяев с горечью замечал, что «желание К.Н. исполнилось» и опыт революционных крайностей стоил России чрезвычайно дорого; леонтьевские предвидения в данном случае попали в цель: «Русский народ не остановился на умеренных конституционных формах и устремился к самому крайнему и предельному» [134].

Одно время К.Н. Леонтьев, даже наблюдая «в русском народе непреодолимую склонность к анархии и крайним течением», полагал, что революция в стране «поддерживается исключительно интеллигенцией и чужда народу, а раз так, то «в России почва разнообразнее и сложнее, чем в современной Европе, и что поэтому Россия может остановить мировую социалистическую анархическую революцию» [135]. В этот период К.Н. Леонтьев предлагал меры для исправления ситуации: например, разрешение рабочего вопроса (конфликт труда и капитала) «средствами сильного монархического государства», или принятие Россией «на себя почина экономических реформ» в целях предотвращения надвигающейся социальной революции (Н.А. Бердяев назвал эти леонтьевские прожекты «наивными и утопичными», «практически бездейственными» [136]).

Многие из своих заблуждений в отношении социализма К.Н. Леонтьев смог понять и переоценить; в отношении каких-то из них остался в неведении: так, Н.А. Бердяев заметил, что К.Н. Леонтьев «стремился побороть Антихристов дух революции реакцией», «возлагал надежды исключительно на «подмораживание» России» (По Н.А. Бердяеву этот дух можно победить только «религиозным творчеством»); оказалось, что «Россия стала во главе социалистической и анархической революции, и эгалитарная страсть оказалась в русском народе боле сильной, чем у народов Запада» [137]. Таким образом, К.Н. Леонтьеву не было дано изобрести «необходимые и действенные средства против грядущего краха той России, которую он любил»; «он предвидел уже возможность такой России, которую он не будет любить и лишь по принуждению будет выносить. Либерально-демократической и атеистической России он любить не хочет. Идея для него дороже России» [138].

К.Н. Леонтьев не был «замкнутым и закупоренным консерватором», интерес к его оценкам исторического процесса,

развития общества в переломные моменты полезен тем, что здесь «можно найти разгадку переживаемой нами исторической трагедии»; в любом случае К.Н. Леонтьев считал «социализм и социальные утопии <...> невозможными и противоречащими греховной природе человека и общества» [139].

Отношение к религии. Бердяевские оценки религиозности К.Н. Леонтьева – замечательный и завершённый очерк мистического самоопределения обоих авторов. Отметим несколько черт, на которых обращено внимание.

1. *Религиозная культура К.Н. Леонтьева имела отрывочный и незавершённый характер.* В точном смысле у К.Н. Леонтьева не было религиозного учения, он сам не имел склонности к религиозной философии, к религиозному познанию. Н.А. Бердяев утверждал, что К.Н. Леонтьев вовсе не гностик, а скорее – агностик, который «не интересуется созерцанием и познанием Бога и божественных тайн. Он не богослов, он малосведущ в богословии и мало занимается богословскими вопросами <...> Он не знает никаких познавательных путей к Богу» [140].

Н.А. Бердяев отмечал отсутствие у К.Н. Леонтьева «теософических и теократических исканий», говорил о его «религиозной робости и покорности», об отсутствии «пророческого призвания», о нежелании (неспособности) проявлять творчество в религиозных вопросах. В то же время, не будучи религиозным фундаменталистом, К.Н. Леонтьев «оставлял за собой свободу мысли и мнения в богословских вопросах» (при обязательном подчинении канону, старцам). Другое дело, что «К.Н. не смог воспользоваться желанной свободой религиозной и богословской мысли» [141].

2. *Религиозный тип К.Н. Леонтьева являлся не вполне христианским и не вполне православным.* Н.А. Бердяев заметил, что в процессе персональной религиозной эволюции «К.Н. окончательно становится православным, но окончательно христианином он не делается никогда» [142].

Здесь следует обратить внимание на восточный период жизни К.Н. Леонтьева (рубеж 60–70-х годов XIX века), на влияние восточной, в том числе исламской, культуры на формирование его мировоззрения. Н.А. Бердяев несколько раз специально обратил внимание на то, что К.Н. Леонтьев «был влюблен в ту-

рок и ислам. И он навсегда получил какую-то прививку от ислама, которая сказалась на его христианстве и искажала его»; «все его христианство пропитано элементами ислама» [143].

Далее К.Н. Леонтьев в целом отрицательно относился к католицизму, он был против папства, идеи соединения церквей; но одновременно он «имел положительные католические симпатии, которые под конец у него возросли» [144]. К числу этих симпатий Н.А. Бердяев относил «религиозный фанатизм католиков», «крепость и активность в отношении к своей вере», «огромную силу противодействия нигилизму и революционному разрушению (больше, чем в православии)» [145].

Следует обратить внимание и на византийское влияние на формирование леонтьевской религиозности: «В жизни религиозной он был афонским, греческим выучеником, он не в России стал православным». «Его православие, — писал Н.А. Бердяев, — не русское, а византийское, греческое, исключительно монашески-аскетическое и авторитарное, строго иерархическое. Характерно русские религиозные переживания и искания, более свободолобивые, обращенные к пророческой стороне христианства, были ему чужды и казались религиозно недостаточно серьезными и суровыми, не церковными. Религиозность К.Н. была трагическая и тяжелая. В самой религиозности его была аскетическая бедность» [146.]

Очень точное определение — «аскетическая бедность». Она проявлялась у К.Н. Леонтьева в утверждении иерархического начала в Церкви и в отношении к монашеству. К.Н. Леонтьев утверждал, что «Церковь есть общество неравное» («в этом он более католик, чем православный»), для него строгость церковной иерархии — залог жизнеспособности не только самой Церкви, но и всего общества; а строгое и аскетическое монашество — «цвет православия». Н.А. Бердяев утверждал, что у К.Н. Леонтьева было «византийское православие» (религия иерархической дисциплины, разочарования и безнадежности), в отличие от славянофилов, исповедовавших «русское, народное, семейно-бытовое» православие, не лишавшее верующих «земных надежд» и «очень благодушное» (в сравнении с леонтьевским) [147]. Посему К.Н. Леонтьев отказывал «русской религиозности <...> в оригинальности»; своеобразия русского православия он

не видел. Он не знал белого христианства святого Серафима, христианства Воскресения»; не раз утверждал, что, мол, «вся наша святость – подражание византийским образцам» [148].

Н.А. Бердяев отмечал и такой тонкий психологический нюанс в отношении К.Н. Леонтьева к аскетическому монашескому христианству, как его «снисходительность к слабостям и немощам человеческим»; предполагается, что К.Н. Леонтьев «научился этому из своего общения со старцами. Старцы снисходительны к личности, но беспощадны к соблазнам и иллюзиям земного прогресса и благодушия человечества». Не случайно Н.А. Бердяев утверждал, что «религиозность самого К.Н. была оптинская, монашеская, аскетическая» [149].

Именно аскетичность толкает нас в понимании религиозного типа К.Н. Леонтьева к бердяевским оценкам его язычества. Склонность к язычеству в мистических истолкованиях К.Н. Леонтьева Н.А. Бердяев усматривал в натурализме его идейно-теоретических позиций [150], в эстетизации (еще с детства) обрядовой стороны православия [151]. Поэтому «у К.Н. есть очень тонкое сочетание христианского аскетизма с языческим эстетизмом, религиозного пессимизма с радостными волнениями» [152].

К.Н. Леонтьев не раз утверждал, что гордость его ума толкает его к смирению перед Церковью, и, будучи «очень православным в одной какой-то традиции», он «никогда не смог бы стать вполне христианином», поскольку «не преодолел в себе ветхозаветнозаконнической религиозности» [153].

3. *Безблагодатность и дуализм.* Описание и анализ этих черт религиозного типа К.Н. Леонтьева занимают у Н.А. Бердяева достаточно много места [154]. Выделим наиболее существенное в этом плане:

традиционный дуализм мыслительной манеры К.Н. Леонтьева, проявляющийся в необходимости контраста противоположных начал, отрицании общепринятых точек зрения, в религиозной сфере оперировал логическими антиподами «любовь – страх», «спасение – невозможность» и т.д.; указанный дуализм резко «повышал градус» религиозных переживаний К.Н. Леонтьева, придавал им остроту, силу и пафос;

безблагодатность, неверие в окончательность, абсолютность Божьей благодати (хотя именно Божья благодать повлекла за собой его религиозное перерождение в начале 1870-х годов). Ужас личной гибели лег в основу его веры и остался с ним навсегда; вся дальнейшая жизнь К.Н. Леонтьева проходила под знаком личного спасения, эта «страстная жажда» толкала его к монашеству и к старчеству. Н.А. Бердяев постоянно указывал, что К.Н. Леонтьев не понимал и не принимал учения Христа о любви, его религия – мрачная религия страха и насилия, а посему сам К.Н. Леонтьев – «сатанист, надевший на себя христианское обличие». Отношение К.Н. Леонтьева к Богу – это отношение страха и покорности, а не искупления, любви и милосердия. «Слабость чувства Христа» проявлялась в тяготении к Богу-отцу (страшному, далекому, карающему); К.Н. Леонтьев, цитируя священные писания, всегда выбирал пессимистические, апокалиптические нотки, «ему ненавистны попытки придать христианству гуманистический характер».

К.Н. Леонтьев признавал трансцендентность своего религиозного типа, называя его «трансцендентным эгоизмом» (последнее, видимо, связано с исключительностью темы личного спасения). Страх для него – источник религиозного подъема и улучшения и сама суть христианства; у К.Н. Леонтьева нет стремления к темам всеобщего спасения, ему чужды идеи просветления и преображения мира, теозиса. То есть свой личный страх он возвел в принцип христианства, а поэтому в его православии исключительно много неверного; не познав религиозной светлой радости, К.Н. Леонтьев не просто испытывал страх личного спасения – он его проповедовал, и «его сознание было подавлено страшными кошмарами».

К.Н. Леонтьев буквально радовался, обращаясь к пессимистическим христианским пророчествам, испытывал упоение оттого, что на земле не будет торжества правды, блаженства, совершенства и справедливости; он искренне полагал, что человеческое сознание неспособно понять смысл выпадаемых на его долю испытаний, что предполагает известное примирение с ужасами и несчастьями; радуясь мрачному будущему (оскудение любви, смерть мира, Страшный суд и пр.), он просто избегал касаться разного рода положительных предсказаний (Воскресе-

ние, победа Христа, «новая земля» и т.п.). Безусловно, обожествление зла у К.Н. Леонтьева чрезмерно, избыточно. По мнению Н.А. Бердяева, леонтьевская религиозность – «сознание неверности и неважности всего земного» – может многих излечить от «зловредных и уродливых утешений земного рая».

С другой стороны, пессимистическая примитивизация богочеловеческих взаимоотношений буквально вытолкнула К.Н. Леонтьева в сторону совершенно отвратительного и изуверского политического самопроявления. Н.А. Бердяев писал: «Исвращенная природа его вела к тому, что в религии и политике он сделался настоящим садистом, исповедовал культ сладострастия мучительства и истязания. Корень изуверской и вместе с тем романтической реакционности Леонтьева я вижу в том, что он забыл и не хотел знать самой несомненной истины религиозного откровения, данной и в религии Христа, – безмерной ценности человеческого лица, образа и подобия Божьего, потенциального абсолютного, которое нельзя превращать в средство» [155].

И, наконец, чему же учит религиозный опыт К.Н. Леонтьева?

Во-первых, этот путь трансцендентального эгоизма неприемлем для разрешения возникающих проблем жизни человека и общества;

во-вторых, религиозные заблуждения К.Н. Леонтьева («замечательный религиозный факт, религиозный феномен» [156]) объясняют, почему у него так и не появились ученики, последователи;

в-третьих, религиозный путь К.Н. Леонтьева много полезней частично неверного его же религиозного учения, так как он есть «религиозный факт исключительной значимости»; здесь проблема в том, как этот жизнелюбивый не очень церковный человек стал «крепко и традиционно» православным, «принудил свою непокорную языческую природу к послушанию» [157];

в-четвертых, его вера находила «сердечный исход в любви к живым людям, а не к отвлеченному человечеству» (поэтому последнее почти не помнит К.Н. Леонтьева, а первые – до последних дней сохраняли признательность, настоящую благодарность к этому расположенному, заботливому человеку);

в-пятых, К.Н. Леонтьев «не верил в долговечность государства без мистических основ», для него «религиозная идея выше государства, Отчизны» [158].

Завершая изложение проблем оценок религиозного типа К.Н. Леонтьева, мы можем привести следующее бердяевское положение: «Религиозный путь К.Н. не освобождал его от страха. Благодатной примиренности не наступило. Религиозная судьба К.Н. – трагическая и страдальческая. Религиозная проблема его жизни не разрешима теми средствами, которыми он хотел ее разрешить. Он был мучеником переходной религиозной эпохи. Всей судьбой своей он дает материал для решения религиозно-философских проблем, но сам он не решает этих проблем. Он многое почувствовал раньше других. Этот «реакционер» был очень чуток к подземным гулам надвигающегося грядущего» [159].

Этика К.Н. Леонтьева. Прежде всего следует обратить внимание в сфере морального на то, что К.Н. отрицал, не принимал. Начнем с эвдемонизма. К.Н. Леонтьев страстно отрицал саму возможность достижения человеческого счастья и блаженства. «Более всего, – писал Н.А. Бердяев, – К. Леонтьев ненавидит эвдемонизм. Он восстает против идеи блага людей. Он проповедует эстетический пессимизм» [160].

Эстетизированная и аристократизированная ненависть К.Н. Леонтьева к уравнивающему прогрессу проявлялась в отрицании «мещанской середины и идеалов всеобщего благополучия. Это была сильнейшая страсть его жизни, и она не сдерживалась никакими моральными преградами. То есть главная цель его критики – «пошлая вера в окончательное торжество безграничного счастья и блага на земле» [161].

Одновременно Н.А. Бердяев видел и то, что К.Н. Леонтьев все же признавал этическое значение братства и гуманизма, но «лишь для личного спасения души» (все тот же уже упоминавшийся кодекс «трансцендентного эгоизма»); «ему чужда русская идея братства людей и русское искание всеобщего спасения, ему чужда русская человечность <...>, он выражает обратный полюс тому, на котором формировалась русская идея» [162].

Н.А. Бердяев предельно точно охарактеризовал этическую позицию К.Н. Леонтьева в религиозном аспекте. Для него он – «один из страшных циников <...> в истории христианства», но в такого рода цинизме присутствовала даже некая привлекательность, «соблазн, с которым должны считаться христиане наших дней» [163]. В данном случае Н.А. Бердяев говорит как о стремлении нормального мыслящего большинства хотя бы внешне примириться с «эгалитарным прогрессом», так и о проповедуемом в христианстве уходе от мира.

Трудно не согласиться с Н.А. Бердяевым в том, что «евангельской морали К. Леонтьев никогда не смог до конца принять»; у него было «отвращение к морализму в религии, он с особой враждой относился ко всяким подменам религиозных начал морально-гуманистическими»; кроме того, христианское вероучение не признает «автономную мораль личности человеческой» [164].

Почему же К.Н. Леонтьев, также признававший лишь сверхличные моральные ценности, являвшийся решительным противником моральной автономности человека, выступал против ряда моральных заповедей Церкви? Дело в том, что «мораль К.Н. стоит не за всякую личность, а за личность высокого качества <...> Это – мораль качеств в противовес морали количеств». Отрицая моральное толстовство, выступая против перенесения центра тяжести религиозной жизни в область ангельских заповедей, К.Н. Леонтьев выступал «сознательным глашатаям аристократической качественной морали», защищал «эстетически и нравственно высокий душевный тип». По мнению К.Н. Леонтьева, сверхличные ценности «выше личного блага», которое «должно склониться перед сверхличными ценностями»; то есть «достижение высоких целей, целей сверхличных и сверхчеловеческих, оправдывает жертвы и страдания в истории» [165].

Вначале Н.А. Бердяев придерживался той точки зрения, что К.Н. Леонтьеву было свойственно «полное отрицание морали», мол, «он брезгливо отрицал всякую мораль, и считал все дозволенным во имя высших мистических целей» [166]. Н.А. Бердяев утверждал, что «Леонтьев до страсти любил носить маску жестокости и надморальности», что в его «раздвоенной и

извращенной природе <...> заложен был мрачный пафос зла, и насилием он дорожил более всего на свете»; что «леонтьевская философия насилия и реакции в конце концов сводится к следующему чудовищному софизму: христианская религия предсказывает торжество зла на земле, следовательно, нужно служить злу, чтобы предсказания оправдались» [167].

Позже, после революционной встряски и вынужденной эмиграции, Н.А. Бердяев существенно смягчил свои оценки (в том числе моральной позиции К.Н. Леонтьева): «Он проповедует не аморализм, а более для него высокую мораль неравенства, мораль жизни в красоте» [168]; «в своем восстании против христианской красоты <...> он был христианино-нищезанцем (до Ницше) <...> он был прав в своем восстании против смешения гуманизма и христианства, но проблема эта сложнее, чем ему казалось. Сам он смешивает подлинно христианскую любовь у Достоевского с лжехристианской любовью у Толстого, подозревает всякий опыт благодатной любви в гуманизме. Много остро и пронизательно говорит он против сладкого христианства» [169].

Сравнивая К.Н. Леонтьева и Ф. Ницше в аспекте «эстетического аморализма», Н.А. Бердяев заключал: «Не хочет видеть К. Леонтьев и того, что гуманизм все же ближе к христианству, чем бестиализм» [170]. Думается, что этот упрек вполне справедлив.

Мы уже отмечали ту особую строгость, с которой Н.А. Бердяев изначально оценивал моральный критерий личности К.Н. Леонтьева (например: «Темную ненависть к миру и людям Леонтьев возвел в религиозный догмат, хотя втайне любил не людей, а нет, а сладость мира и часто наивно обнаруживал эту вторую половину своего существа») [171]. Однако несколько позже Н.А. Бердяев уже рассуждал о том, в какой мере К.Н. Леонтьева можно квалифицировать как аморалиста («Аморалистом К.Н. можно назвать лишь в поверхностном и условном смысле» [172]).

Н.А. Бердяев подробно анализировал леонтьевские позиции о связи морали с эстетикой (речь пойдет ниже) или с политикой.

В отношении последней Н.А. Бердяев писал о феномене «государственного имморализма», которым К.Н. Леонтьев «упивается» [173]. Действительно, он подчас весьма произвольно, и даже вразрез с ранее высказанными суждениями отрицал существование моральных критериев (то в отношении общества, то для экономики, а то и для политики) [174]. Н.А. Бердяев утверждал, что политическая мораль К.Н. Леонтьева была «другой», «малохристианской»: в ней большая моральность содержалась в «суровости» и «жестокости к человеческой природе» со стороны власти, нежели чем в идеях человеческого блага: «Он проповедовал мораль власти, мораль вождей и водителей против морали масс и автономии личности <...> Эта мораль оправдывает рабство, насилие и деспотизм, если их ценою покупается государственная и национальная крепость, культурное цветение, самобытность духа» [175].

Проблемы культуры и эстетики. Н.А. Бердяев ставил вопрос ребром: К.Н. Леонтьев – враг культуры или нет? Безусловно одно: К.Н. Леонтьев – враг культуры буржуазного прогресса; но не враг культуры вообще. Он мечтал о том, что общество (России?) сможет выработать некую новую культуру – разнообразную, самобытную, оригинальную и красивую. Мечтая о будущем, «он смотрел назад, на первобытную природу, на красоту былого, и тут он проваливается». Н.А. Бердяев возражал К.Н. Леонтьеву – возврата в прошлое в аспекте культурного строительства быть не может; может быть «лишь возрождение, которое всегда есть новое творчество, рождение будущего из семени прошлого». Можно сказать, что Н.А. Бердяев утверждал принцип «Ближе к культуре!» (но не «Назад к культуре!»). И действительно, эстетический канон прошлых эпох может быть великолепен; он может быть частью современного эстетического критерия, но «возвращение назад есть смерть, <...> свободное возвращение – смерть, иногда красивая, но насильственная – смерть всегда уродливая» [176].

Таким образом, К.Н. Леонтьев поставил вопрос отношения к культуре в историческом разрезе очень остро. Н.А. Бердяев сожалел, что эстетизм К.Н. Леонтьева не успел столкнуться с более утонченной эстетической культурой рубежа XIX и XX веков. Конечно, «он предвидел возможность декаданса культуры,

он многое сказал раньше Ницше, Гобино, Шпенглера» [177], но «крепость и красоту упадочного утончения культуры» он все же пропустил. Эстетическое переживание «культурного заката» серьезнейшим образом усложнило, изменило бы его эстетическое учение. Н.А. Бердяев утверждал: «В упадке и отцветании, в осени великих культур, есть наибольшая сложность, неведомая эпохам расцвета. Это ускользало из кругозора К.Н.» [178].

Именно Н.А. Бердяев системно представил те фрагменты леонтьевских писаний, в которых он расширительно истолковывал сущность эстетического критерия. К.Н. Леонтьев «утверждает тождество эстетики и морали, он провозглашает особую мораль <...> Для него самое существование морали требует разнообразия и контраста, то есть того же, чего требует эстетика» [179]. Далее в политике, признавая красивым разнообразное, К.Н. Леонтьев выступал за цветущую многообразную культуру и государственность пусть даже ценой жестокости, неравенства, несправедливости. «Принятие жизни есть принятие боли, — писал Н.А. Бердяев. — К. Леонтьев не только не верит в возможность царства правды и справедливости на земле, но он и не хочет осуществления правды и справедливости, предполагая, что в таком царстве не будет красоты, которая всюду для него связана с величайшими неравенствами, несправедливостями, насилиями и жестокостями» [180].

Для Н.А. Бердяева К.Н. Леонтьев — «ренессансный человек», который являлся «первым русским эстетом», а значит «думал иначе, чем большая часть русских»; «он любил цветущую культуру» и «красота ему была дороже человека», «во имя красоты он был согласен на какие угодно страдания и истязания людей» [181]. Продолжая тему, Н.А. Бердяев писал: «К. Леонтьев, принявший тайный постриг в монашество, не сомневается в оправданности цветущей культуры, хотя бы купленной ценой великих страданий, страшных неравенств и несправедливостей. Он говорит, что все страдания народа оправданы, если бы благодаря им сделалось возможным появление Пушкина <...> К. Леонтьеву чужда русская болезнь совести, примат морального критерия. Эстетический критерий был для него универсальным, и он совпадал с биологическим критерием. Он был предшест-

венником современных течений, утверждающих волю к могуществу как пафос жизни» [182].

Таким образом, эстетический критерий в понимании К.Н. Леонтьева шире и биологического, и политического, и морального; то есть он обладает высшей степенью универсализма. Для него красота жизни важнее самой жизни; его моральные установки (пусть и совершенно ложные) позволили понять, почувствовать сущность «рокового процесса понижения и упадка культуры». К.Н. Леонтьев – бесстрашно мыслящий человек – «не хочет правды и справедливости в социальной жизни, потому что это означает гибель красоты жизни». По Н.А. Бердяеву этот крайний дуализм царства цветущей культуры и Царства Божьего «не есть гуманистическая идея в европейском смысле слова. Но русский народ подстерегают опасности, с одной стороны, обскурантистского отрицания культуры вместо эсхатологической критики ее, а с другой стороны, механической, коллективистской цивилизации. Только культура конца может преодолеть обе опасности» [183].

Такова общая эстетико-культурологическая позиция К.Н. Леонтьева. Н.А. Бердяев обратил внимание на ряд противоречий ее установок: например, принципиальный дуализм абстрактного и конкретного в отношении прекрасного. Безусловно, К.Н. Леонтьев являлся «производителем» базовых констант, универсалий в своем стремлении постичь нечто общее, наиболее важное в эстетических процессах. Но одновременно он имел «положительную страсть к красоте жизни, к таинственной ее прелести»; это была «окажда полноты жизни» [184]. То есть «образ прекрасного был для него связан с разнообразием», и «эстетик К.Н. с отвращением относился к отвлеченному человечеству и к земному всеблаженству, что нисколько не противоречило любви к живым людям» [185].

Н.А. Бердяев пришел к важнейшему выводу об «эстетической приуроченности» К.Н. Леонтьева: «Он искал эстетики жизни, а не эстетики искусства. И он связал себя с лагерем консервативным, так как в великом прошлом была эстетика жизни. Консерватизм не требовал служения человеческой пользе и всеобщему благу, он оставлял свободное место для красоты и потому уже имел для К. Леонтьева большую привлекательность»

[186]. То есть самая сущность эстетизма К.Н. Леонтьева, его принципиальное понимание прекрасного, отрицательное отношение к утилитаристскому содержанию нарождающейся буржуазности уводили его прочь от прогрессивного лагеря, во многом обрекая на одиночество.

Итак, у «К. Леонтьева очень рано кристаллизовалась определенная эстетика жизни, и она стала господствующей в нем стихией. Все жизненные явления он оценивал этой своей неизменной эстетикой и построил целую теорию эстетического критерия как самого всеобъемлющего» [187].

Думается, что в основе вышеуказанной эстетической установки – «романтическое бегство от обыденности в эстетику» [188]. В качестве краеугольных камней такой эстетизации Н.А. Бердяев называл следующее:

во-первых, «обаяние поэзии и красоту русских помещичьих усадеб» и, конечно, влияние родового имения Кудинова. Этот «эстетический ввод» с раннего детства и навсегда определил принципиальные установки К.Н. Леонтьева в отношении прекрасного;

во-вторых, он достаточно много и увлеченно говорил о красоте русского народного быта, тем самым возводя на пьедестал «самобытное русское направление и русский самобытный идеал культуры». Н.А. Бердяев отметил в данном отношении весьма тонкий нюанс: в основе этой леонтьевской позиции лежит скорее не лобование бытом (обычно в сравнении с повседневностью «загнивающей» Западной Европы, стремительно теряющей красоту), а «перевернутое» отрицание бытовой «обыденности и уродства». «В России, – писал Н.А. Бердяев, – К.Н. почти всегда испытывал тоску и томление. Ни в чем не видно, чтобы он эстетически и с упоением переживал русский быт <...> К. Леонтьев не был бытовым человеком. Он был уже оторван от родовой почвы. Эстетик не может быть человеком быта» [189];

в-третьих, для эстетического мировоззрения К.Н. Леонтьева, самих его основ была свойственна особая романтизация войн, военных. Война была для него, «прежде всего, эстетическим феноменом», а «военные эстетически привлекали его более, чем литераторы или профессора». К.Н. Леонтьев, ушедший на войну из романтических побуждений, смог там «утолить

свою жажду сильной и разнообразной жизни» в противоположность буржуазной цивилизации и при этом игнорировать «обыденность и прозу войны». Он «лишь слегка прикоснулся к войне и вынес из нее повышенные эгоистические переживания» (по тем же основаниям К.Н. Леонтьев, как считал Н.А. Бердяев, «любил и восточных разбойников» [190]).

Выспренность эстетики К.Н. Леонтьева во многом подпитывали материальные затруднения его повседневной жизни. Та материальная нужда, что преследовала его всю жизнь, являлась «большим испытанием для его барски-аристократических инстинктов, для его эстетизма, требовавшего пластической красоты окружающей обстановки, для его неприспособленности к какой-либо хлебной профессии». К.Н. Леонтьев был «бескорыстным человеком и не умел устраиваться в жизни», одновременно он «питал отвращение к типу труженика», «любил богатство и блеск», но в силу ряда жизненных обстоятельств был вынужден постоянно, поденно зарабатывать на хлеб насущный себе и близким [191].

Для характеристики эстетической позиции К.Н. Леонтьева необходимо также обратиться и к проблеме эстетизации им (морального) противоречия добра и зла. В этом отношении его мысли «есть эстетическая реакция против русского народничества, русского освободительного движения, русского искания социальной правды, русского искания Царства Божьего» [192].

Н.А. Бердяев утверждал, что К.Н. Леонтьев являлся предшественником Ф. Ницше в некоторых проявлениях аморализма, и в то же время К.Н. Леонтьева трудно квалифицировать как «чистого» аморалиста, ведь «в конце концов К.Н. видел в красоте — добро, а в уродстве — зло. Вторичное упрости́тельное смещение было для него не только уродством, но и злом» [193]. Но не все так просто: для К.Н. Леонтьева «чистое» добро некрасиво; наличие красоты в жизни определяется противостоянием добра и зла, света и тени; эстетическое восприятие гармонии возможно лишь на основании сочетания светлых и темных тонов [194]. «Смелость и радикализм мысли К. Леонтьева в том, что он осмеливается признаться в том, в чем другие не осмеливаются признаться. Чистое добро некрасиво; чтобы была красота в жизни, необходимо и зло, необходим контраст тьмы и света», — пи-

сал Н.А. Бердяев [195]. К.Н. Леонтьев со свойственным ему радикализмом и искренностью обнаруживает, что «осуществление христианской правды в жизни общества привело бы к уродству» [196].

Таким образом, эстетическое кредо К.Н. Леонтьева можно сформулировать следующим образом: буржуазный прогресс – смерть красоты; эстетика жизни важнее эстетики искусства; истинная красота воплощена в богатстве и разнообразии жизни; эстетическое мерило первоценно, оно имеет онтологическое предпочтение; красота и гармония – единство в разнообразии.

Полемизируя с К.Н. Леонтьевым, Н.А. Бердяев заключает: «В действительности ненавистный ему «либерально-эгалитарный прогресс» более соответствует христианской морали, чем могущество государства, аристократия и монархия, не останавливающиеся перед жестокостями, которые защищал К. Леонтьев» [197].

Любовь. Тема любви не занимает большого места в идейно-теоретическом наследии К.Н. Леонтьева. Н.А. Бердяев обратил внимание на следующее [198]:

страх выше любви, поскольку он начало двуликое, а любовь – начало одноликое (единоликое);

следует различать моральную любовь (любовь-милосердие) и эстетическую любовь (любовь-восхищение); сам К.Н. Леонтьев в рамках персональной и мирской оценки был полностью на стороне именно второй разновидности любовных переживаний;

позитивные наука и религия сходятся в признании невозможности достижения правды и благоденствия на земле; в этом смысле любовь в принципе является лишь некой коррекцией жизненных зол и никогда не станет жизненно важным условием человеческого существования;

нельзя любить отвлеченное человечество и отвлеченного человека (особенно в русле социальных утопий всеобщего земного счастья и блаженства); стоит любить конкретных людей, встретившихся на жизненном пути;

между поэтической, романтической (истинной) любовью и браком, семьей лежит непреодолимая пропасть; Н.А. Бердяев писал: «К.Н. боится брака и семейной жизни. Он хочет остаться

свободным, хочет сохранить поэзию, которой грозит опасность от семейного счастья, детей и пр. Он готов пожертвовать счастьем и личной любовью во имя творческой жизни. Его отталкивает реализация мечты. Это романтическая черта в характере К. Леонтьева <...> К.Н. хочет остаться совершенно свободным и одиноким для искания сильной, разнообразной и красивой жизни. Он, как и все романтики, надеялся еще впереди испытать что-то самое могущественное, небывалое и прекрасное и хотел сбросить все препятствия со своего пути» [199].

Наконец, характеризую отношение К.Н. Леонтьева к проблемам любви, Н.А. Бердяев отмечал «эротичность» его природы, что проявлялось в общем стремлении к внешней красоте, изяществу, физической силе; «К.Н. имел большой успех у женщин, и это продолжалось всю его жизнь. Он был очень красив <...> Сам К.Н. признается, что успех у женщин больше его радовал, чем признание его таланта» [200].

Романтизм К.Н. Леонтьева также удостоился внимания Н.А. Бердяева. В его трактовке леонтьевский романтизм имел такие особые свойства, как: во-первых, реализм. Поскольку леонтьевский романтизм замешан на началах именно реализма (а не идеализма, что достаточно типично для романтиков), К.Н. Леонтьев «был и остается реалистом и в своей беллетристике, и в своей публицистике, и в самом подходе своем к религиозным вопросам. С этим реализмом соединял он романтику чувств; но он никогда не был идеалистом. Это – умственный темперамент, полярно противоположный Вл. Соловьеву» [201].

Во-вторых, К.Н. Леонтьев был реакционером-романтиком, так как не верил в возможность остановить процесс разложения и гибели красоты; «он – пессимист. Он многое остро чувствовал и предвидел» [202]; он был мечтателем, стремился жить не в своем времени, соединить прошлое и будущее, «проповедовал изуверство во имя мистических целей безумного реакционерства, граничащего с таинственным каким-то революционерством» [203]. По-другому быть не могло, ведь, как писал Н.А. Бердяев, К.Н. Леонтьев – «государственник и аристократ. Но прежде всего и более всего он романтик, и он совсем не подходил к реакционерам и консерваторам, как они выражались, в практической жизни. Ненависть К. Леонтьева к мещанству и

буржуазности была ненавистью романтика. Эмпирические реакционеры и консерваторы были мещане и буржуа» [204].

Наконец, по мнению Н.А. Бердяева, вся идейно-теоретическая, жизненная и пр. позиция К.Н. Леонтьева – барская, аристократическая. Он был аристократичен «по инстинкту и по убеждению», «по физическому и духовному облику» [205]. Имевшиеся у него кое-где ранние псевдонароднические мысли относительно народа, его судьбы и предназначения отличаются идеализацией, и он быстро от них отказался.

Различая народ и простонародье, защищая бескультурие, безграмотность народа (источник его силы и своеобразия), восхваляя сельскую общину (охранительное начало, противодействующее буржуазному прогрессу), он демонстрировал аристократические установки. В бердяевском понимании эти подходы были редкими для конца XIX века, в то время аристократизм «вышел из моды» и практически не встречался в общественной жизни и в мыслительной повседневности. «Мистицизм и романтический аристократизм Леонтьева глубоко индивидуальны, – писал Н.А. Бердяев, – и лежали вне большой дороги русской истории. Сам он не понял этого, но для нас имеет ценность этот страшный одинокий писатель, полный противоречий и пугающих крайностей, вне той исторической линии и исторического зла, в которые его окунула трагическая судьба» [206].

Примечания

1. Авдеева, Л.Р. К.Н. Леонтьев: пророк или «одинокий мыслитель» [Текст] // Социально-политический журнал. – 1992. – № 8. – С. 91.
2. Бердяев, Н.А. Смысл творчества [Текст]. – М., 1989. – С. 387.
3. Русская философия. Малый энциклопедический словарь [Текст]. – М.: Наука, 1995. – С. 58.
4. К.Н. Леонтьев: про ет контра. – Кн.2. [Текст]. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 652.
5. К.Н. Леонтьев: про ет контра. – Кн.2. [Текст]. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 651.
6. К.Н. Леонтьев: про ет контра. – Кн.2. [Текст]. – СПб.: РХГИ, 1995. – Кн.1. – С. 457.

7. Н.А. Бердяев о русской философии [Текст]. В 2-х т. Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1992. – Т.2. – С. 284.

8. Бердяев, Н.А. К. Леонтьев – философ реакционной романтики [Текст] // К.Н. Леонтьев: проэт контра. Кн. 1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 208.

9. Бердяев, Н.А. К. Леонтьев – философ реакционной романтики [Текст] // К.Н. Леонтьев: проэт контра. Кн. 1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 209.

10. Бердяев, Н.А. К. Леонтьев – философ реакционной романтики [Текст] // К.Н. Леонтьев: проэт контра. Кн. 1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 215.

11. Бердяев, Н.А. К. Леонтьев – философ реакционной романтики [Текст] // К.Н. Леонтьев: проэт контра. Кн. 1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 215..

12. Бердяев, Н.А. Русская идея [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 109.

13. Бердяев, Н.А. К. Леонтьев – философ реакционной романтики [Текст] // К.Н. Леонтьев: проэт контра. Кн. 1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 209.

14. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 46.

15. Бердяев, Н.А. К. Леонтьев – философ реакционной романтики [Текст] // К.Н. Леонтьев: проэт контра. Кн. 1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 209, 215.

16. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 47.

17. Бердяев, Н.А. К. Леонтьев – философ реакционной романтики [Текст] // К.Н. Леонтьев: проэт контра. Кн. 1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 215, 216.

18. См.: Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 5, 220; Цит. по: Сергеев, С. Единоробство с эпохой [Текст] // Литературная Россия. – 1991. – № 47, 22 ноября. – С. 22.

19. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007.. – С. 219.

20. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 129.

21. Бердяев, Н.А. К. Леонтьев – философ реакционной романтики [Текст] // К.Н. Леонтьев: проэт контра. Кн. 1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 209.

22. Бердяев, Н.А. К. Леонтьев – философ реакционной романтики [Текст] // К.Н. Леонтьев: проэт контра. Кн. 1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 219.

23. Бердяев, Н.А. К. Леонтьев – философ реакционной романтики [Текст] // К.Н. Леонтьев: проэт контра. Кн. 1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 221.

24. Бердяев, Н.А. К. Леонтьев – философ реакционной романтики [Текст] // К.Н. Леонтьев: проэт контра. Кн. 1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 210.

25. Бердяев, Н.А. К. Леонтьев – философ реакционной романтики [Текст] // К.Н. Леонтьев: проэт контра. Кн. 1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 210.

26. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст] // К.Н. Леонтьев: проэт контра. Кн. 1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 6-8.

27. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст] // К.Н. Леонтьев: проэт контра. Кн. 1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 19.

28. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст] // К.Н. Леонтьев: проэт контра. Кн. 1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 7-8.

29. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст] // К.Н. Леонтьев: проэт контра. Кн. 1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 66.

30. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст] // К.Н. Леонтьев: проэт контра. Кн. 1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 17.

31. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст] // К.Н. Леонтьев: проэт контра. Кн. 1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 66.

32. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст] // К.Н. Леонтьев: проэт контра. Кн. 1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С.17, 66, 68, 110.

33. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст] // К.Н. Леонтьев: проэт контра. Кн. 1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 79.

34. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст] // К.Н. Леонтьев: проэт контра. Кн. 1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 17.

35. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст] // К.Н. Леонтьев: проэт контра. Кн. 1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 17, 87.

36. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст] // К.Н. Леонтьев: проэт контра. Кн. 1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 68.

37. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст] // К.Н. Леонтьев: проэт контра. Кн. 1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 79.

38. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст] // К.Н. Леонтьев: проэт контра. Кн. 1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 110.

39. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст] // К.Н. Леонтьев: проэт контра. Кн. 1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 8.

40. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст] // К.Н. Леонтьев: проэт контра. Кн. 1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 8.

41. Бердяев, Н.А. К. Леонтьев – философ реакционной романтики [Текст] // К.Н. Леонтьев: проэт контра. Кн. 1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 225.

42. Бердяев, Н.А. К. Леонтьев – философ реакционной романтики [Текст] // К.Н. Леонтьев: проэт контра. Кн. 1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 225.

43. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст] // К.Н. Леонтьев: проэт контра. Кн. 1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 178.

44. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст] // К.Н. Леонтьев: проэт контра. Кн. 1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 85.

45. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст] // К.Н. Леонтьев: проэт контра. Кн. 1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 145.

46. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст] // К.Н. Леонтьев: проэт контра. Кн. 1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 69.

47. Бердяев, Н.А. К. Леонтьев – философ реакционной романтики [Текст] // К.Н. Леонтьев: проэт контра. Кн. 1. – СПб.: РХГИ, 1995.– С. 219.

48. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст] // К.Н. Леонтьев: проэт контра. Кн. 1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С.134.

49. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 103.

50. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 46.

51. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 79, 61.

52. Бердяев, Н.А. К. Леонтьев – философ реакционной романтики [Текст] // К.Н. Леонтьев: проэт контра. Кн. 1. – СПб.: РХГИ, 1995.. – С.217.

53. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст] // К.Н. Леонтьев: проэт контра. Кн. 1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 75.

54. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 91.

55. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 82.

56. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 78, 77.

57. Бердяев, Н.А. К. Леонтьев – философ реакционной романтики [Текст] // К.Н. Леонтьев: прозт контра. Кн. 1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 217.

58. Бердяев, Н.А. К. Леонтьев – философ реакционной романтики [Текст] // К.Н. Леонтьев: прозт контра. Кн. 1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 216, 217.

59. Бердяев, Н.А. К. Леонтьев – философ реакционной романтики [Текст] // К.Н. Леонтьев: прозт контра. Кн. 1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 218.

60. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст] – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 46.

61. Бердяев, Н.А. Русская идея [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 80.

62. Бердяев, Н.А. К. Леонтьев – философ реакционной романтики [Текст] // К.Н. Леонтьев: прозт контра. Кн. 1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 233.

63. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 173.

64. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 69–70.

65. Бердяев, Н.А. К. Леонтьев – философ реакционной романтики [Текст] // К.Н. Леонтьев: прозт контра. Кн. 1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 210, 233.

66. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 153.

67. Бердяев, Н.А. К. Леонтьев – философ реакционной романтики [Текст] // К.Н. Леонтьев: прозт контра. Кн. 1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 217–218.

68. Бердяев, Н.А. К. Леонтьев – философ реакционной романтики [Текст] // К.Н. Леонтьев: проэт контра. Кн. 1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 218.

69. Бердяев, Н.А. Русская идея [Текст]. – С.109; Бердяев Н.А. К. Леонтьев – философ реакционной романтики [Текст] // К.Н. Леонтьев: проэт контра. Кн. 1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С.219.

70. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 214, 215.

71. Бердяев, Н.А. К. Леонтьев – философ реакционной романтики [Текст] // К.Н. Леонтьев: проэт контра. Кн. 1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 209.

72. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 214.

73. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 101.

74. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 163–164.

75. Бердяев, Н.А. К. Леонтьев – философ реакционной романтики [Текст] // К.Н. Леонтьев: проэт контра. Кн. 1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С.211, 219.

76. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 163, 164.

77. См.: Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 164–165.

78. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 53.

79. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 55.

80. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 161.

81. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 54, 160.

82. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 53.

83. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 58.

84. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 53.

85. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 54.

86. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 56.

87. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 160.

88. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 57.

89. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 147.

90. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 165.

91. Бердяев, Н.А. К. Леонтьев – философ реакционной романтики [Текст] // К.Н. Леонтьев: проз контра. Кн. 1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 218.

92. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 167.

93. Бердяев, Н.А. К. Леонтьев – философ реакционной романтики [Текст] // К.Н. Леонтьев: проэт контра. Кн. 1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 219.

94. Бердяев, Н.А. К. Леонтьев – философ реакционной романтики [Текст] // К.Н. Леонтьев: проэт контра. Кн. 1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 210.

95. Бердяев, Н.А. К. Леонтьев – философ реакционной романтики [Текст] // К.Н. Леонтьев: проэт контра. Кн. 1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 210.

96. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С.148.

97. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 167–168.

98. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 148, 168, 171, 172, 174, 175.

99. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 168.

100. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 148, 157 и др.

101. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 158, 159.

102. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 148.

103. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С.155.

104. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 175.

105. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 97.

106. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 69, 104.

107. Бердяев, Н.А. К. Леонтьев – философ реакционной романтики [Текст] // К.Н. Леонтьев: проэт контра. Кн. 1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 216.

108. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 71.

109. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 69, 104.

110. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 104.

111. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 93.

112. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 105.

113. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 157.

114. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 100.

115. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 70, 98.

116. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 169.

117. Бердяев, Н.А. К. Леонтьев – философ реакционной романтики [Текст] // К.Н. Леонтьев: проэт контра. Кн. 1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 226.

118. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 151, 153.

119. Бердяев, Н.А. К. Леонтьев – философ реакционной романтики [Текст] // К.Н. Леонтьев: проэт контра. Кн. 1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 220.

120. Бердяев, Н.А. Русская идея [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 108;

121. Бердяев, Н.А. К. Леонтьев – философ реакционной романтики [Текст] // К.Н. Леонтьев: проэт контра. Кн. 1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 220, 225.

122. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 6, 118.

123. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 151, 153.

124. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 92.

125. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 152.

126. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 228.

127. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 98.

128. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 78.

129. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 215.

130. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 178.

131. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 98, 99.

132. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 75-77.

133. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 99, 178.

134. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 179.

135. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 183.

136. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 169–170, 178, 182.

137. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 184, 215.

138. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 148–149.

139. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 78, 178, 184.

140. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 184–185.

141. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 202, 203, 205.
142. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 66.
143. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 41, 190.
144. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 202.
145. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 204.
146. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 188.
147. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 200.
148. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 173.
149. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 196, 209–210.
150. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С.184.
151. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С.12.
152. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 191.

153. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 195, 198.

154. Бердяев Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С.61–64; 173–175; 185–189; 190–220 и мн. др.

155. Бердяев, Н.А. К. Леонтьев – философ реакционной романтики [Текст] // К.Н. Леонтьев: проэт контра. Кн. 1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С.224–225;

156. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 185.

157. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 188.

158. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 273.

159. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 217.

160. Бердяев, Н.А. Русская идея [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 109;

161. Бердяев, Н.А. К.Леонтьев – философ реакционной романтики [Текст] // К.Н. Леонтьев: проэт контра. Кн. 1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 209, 220;

162. См.: Бердяев, Н.А. Русская идея [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 109, 110.

163. См.: Бердяев, Н.А. К. Леонтьев – философ реакционной романтики [Текст] // К.Н. Леонтьев: проэт контра. Кн. 1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 225;

164. См.: Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 93, 196.

165. См.: Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 92, 95, 97, 197.

166. Бердяев, Н.А. К. Леонтьев – философ реакционной романтики [Текст] // К.Н. Леонтьев: проэт контра. Кн. 1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 209, 213-214.

167. Бердяев, Н.А. К. Леонтьев – философ реакционной романтики [Текст] // К.Н. Леонтьев: проэт контра. Кн. 1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 211, 221, 225.

168. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 88.

169. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 190.

170. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 32, 195.

171. Бердяев, Н.А. К. Леонтьев – философ реакционной романтики [Текст] // К.Н. Леонтьев: проэт контра. Кн. 1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 223.

172. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 88.

173. См.: Бердяев, Н.А. К. Леонтьев – философ реакционной романтики [Текст] // К.Н. Леонтьев: проэт контра. Кн. 1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 226.

174. См.: Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 79.

175. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 90, 91.

176. См.: Бердяев, Н.А. К. Леонтьев – философ реакционной романтики [Текст] // К.Н. Леонтьев: проэт контра. Кн. 1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 232.

177. См.: Бердяев, Н.А. Русская идея [Текст]. – С. 109.

178. См.: Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 105.

179. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 88.

180. Бердяев, Н.А. Русская идея [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 108.

181. См.: Бердяев, Н.А. Русская идея [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007.

182. Бердяев, Н.А. Русская идея [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 161.

183. Бердяев, Н.А. Русская идея [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 162.

184. См.: Бердяев, Н.А. К. Леонтьев – философ реакционной романтики [Текст] // К.Н. Леонтьев: проэт контра. Кн. 1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 209.

185. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 32, 71.

186. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 34.

187. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 14.

188. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 38.

189. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 14, 38.

190. См.: Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С.28–29.

191. См.: Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С.26, 27

192. Бердяев, Н.А. Русская идея [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 145.

193. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 87.
194. См.: Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 85, 192.
195. Бердяев, Н.А. Русская идея [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 108.
196. См.: Бердяев, Н.А. Русская идея [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 145.
197. Бердяев, Н.А. Русская идея [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 145.
198. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 15, 70, 71, 185, 193, 197–198.
199. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 21.
200. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 20.
201. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 17–18.
202. Бердяев, Н.А. Русская идея [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 145. – С. 80
203. Бердяев, Н.А. К.Леонтьев – философ реакционной романтики [Текст] // К.Н. Леонтьев: проэт контра. Кн. 1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 209.
204. Бердяев, Н.А. Русская идея [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 80.
205. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 9, 154.
206. Бердяев, Н.А. К. Леонтьев – философ реакционной романтики [Текст] // К.Н. Леонтьев: проэт контра. Кн. 1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 234.

III. К.Н. ЛЕОНТЬЕВ И В.В. РОЗАНОВ

Два замечательных мыслителя дореволюционной России – К.Н. Леонтьев и В.В. Розанов, – не совпадая во многом, тем не менее, смогли найти общий язык в процессе довольно оживленной переписки, продолжавшейся около года. К.Н. Леонтьев (с 13 апреля по 18 октября 1891 г.) отправил В.В. Розанову тринадцать писем; тот ответил ему девятью, даты отправки которых (в соответствии с обычной эпистолярной практикой В.В. Розанова) не указаны и могут быть определены примерно по соответствующим посланиям К.Н. Леонтьева [1].

Находившийся в то время на обочине общественной жизни К.Н. Леонтьев весьма положительно оценил заинтересованное внимание В.В. Розанова к своим произведениям. В письме от 8 мая 1891 г. К.Н. Леонтьев признается: «Вы до того ясно меня (т.е. мои книги) понимаете, что я даже дивлюсь; вы удовлетворяете меня, как никто, пожалуй, из писавших мне письма или статьи и заметки обо мне». В письме от 13 июня 1891 г. отношение к В.В. Розанову выражено еще более однозначно: «Наконец-то после двадцатилетнего почти ожидания я нашел человека, который понимает мои сочинения именно так, как я хотел, чтобы их понимали» [2].

В свою очередь В.В. Розанов оценивал знакомство с К.Н. Леонтьевым, их переписку как важнейший факт своей интеллектуальной биографии: «К.Н. Леонтьева я знал всего лишь неполный год, предсмертный его, последний. Но отношения между нами, поддерживающиеся только через переписку, сразу поднялись таким высоким знаменем, что, и не успевши свидеться, мы с ним сделались горячими, вполне доверчивыми друзьями» [3].

Мы вправе поставить вопрос: *Что сближало этих столь различных людей?* Многие исследователи (например, П.В. Палчевский) считали В.В. Розанова «прямым наследником Леонтьева» [4]. В любом случае взаимный интерес первоначально был основан на уважении и взаимоприятии творческих позиций. 27 ноября 1894 г. В.В. Розанов писал Н.Н. Страхову о том восхищении, которое он испытывал, читая К.Н. Леонтьева: «Вот ум, вот убежденность, вот язык и тон!» [5].

Первое сближение произошло на платформе отрицания либерализма – учения, господствовавшего тогда в умах «просвященного общества»; но если В.В. Розанов настаивало само господство либерализма, то есть «недемократичность» по отношению к статусу других политических идеологий, то К.Н. Леонтьев испытывал «эстетический страх» от того, что «либерализм своим уравнительным и освободительным движением подкашивает разнообразие и, следовательно, красоту вещей, социального строя и природы» [6].

Значительно позже В.В. Розанов, говоря о причинах их начального взаимного притяжения, утверждал: «Строй тогдашних мыслей Леонтьева до такой степени совпадал с моим, что нам не надо было сговариваться, договаривать до конца; все было понятно с полуслова и до конца, до глубины ... друг в друге» [7].

Начальная фаза тесного соединения позиций двух мыслителей была предопределена и факторами иного порядка: во-первых, некоторым совпадением социального статуса, характером взаимоотношений с окружающим; принципиальная непризнанность (один уже сходит с общественной сцены, не получив признания современников; другой только пытается обрести свое место); во-вторых, сыграла свою роль и психологическая привлекательность образа мышления К.Н. Леонтьева, его неукротимый темперамент, сила, увлекательность и обаяние личности. «Дикая и царственная» манера мышления, необузданность натуры пленили В.В. Розанова, позже писавшего: «Еще не разобрав, кто и что он, да и не интересуясь особенно этим, я по всему циклу его идей, да и по темпераменту, по границам безбрежного отрицания и безграничию утверждений (чаяний) увидел, что это человек пустыни, конь без узды, – и невольно потянулись с ним речи, как у братьев-разбойников за костром» [8].

Увлечение К.Н. Леонтьевым сподвигло В.В. Розанова на написание цикла статей («Эстетическое понимание истории» и др.), увы, ряд положений которых автор позже «счел неудачными», а потому и не любил вспоминать о них [9].

Можно утверждать, что фаза начального совпадения этих двух замечательных личностей была предопределена «очарованием», привлекательностью одного и «найденным

смыслом отрицания» (самоутверждения в начале пути) другого. В то же время В.В. Розанов достаточно часто демонстрировал и свое несогласие с какими-то позициями К.Н. Леонтьева. Например, еще до заочного знакомства с последним, 27 июля 1890 г. он писал Н.Н. Страхову о леонтьевском хаосе изложения, не соглашался с оценками исторической роли народных масс («<...> какая самоуверенность до наглости, какая как бы сухость сердца и этот «государственный бич» над «народом-богоносцем», которого он требует, посмеиваясь над Достоевским. Отвратительный человек, должно быть, но как запоминаются его слова» [10]).

Меняющиеся обстоятельства общественной жизни, творческий рост и критический запал В.В. Розанова постепенно «развели» их позиции. По мнению С.М. Сергеева, переломным в этом отношении стал 1895 г. [11]. Дальнейшие взаимоотношения двух философов уже никогда не будут отмечены особыми совпадениями; более того, в «Опавших листьях» (1913 г.) В.В. Розанов – уже раздраженный критик К.Н. Леонтьева – пишет: «Что же такое весь Леонтьев? В 35 лет он кажется старцем и гением, потрясавшим Европу. В 57 лет он кажется мальчиком, схватившим ручонками кита <...> Что же такое Леонтьев? Ничего. Он был редко прекрасный русский человек, с чистой, искренней душой, язык коего никогда не знал лукавства <...> Но мысли его? Они зачеркиваются одни другими. И все сочинения его <...> – прекрасное чтение. Но в них нечего вдумываться. В них нет ответа и мудрости» [12].

18 июня 1915 г. в «Мимолетном» В.В. Розанов горько раскается за свои избыточно эмоциональные оценки: «Грех, грех, грех в моих словах о Конст. Леонтьеве в «Опавших листьях». Как мог решиться такое сказать? <...> Мальчишеские мои слова о нем» [13].

В «сухом остатке» розановского отношения к К.Н. Леонтьеву – признание, что это «величайший мыслитель» за XIX век в России», которого отличало «изумительное сердце, чистое, отсутствие всякого притворства». В.В. Розанов неоднократно утверждал, что, несмотря на идейные расхождения, он всегда сохранял «глубокую привязанность к этому человеку, которого

позволяю себе назвать великим умом и великим темпераментом» [14].

Завершая общую характеристику взаимоотношений К.Н. Леонтьева и В.В. Розанова, обратимся к некоторым частным проблемам, среди которых: оценка В.В. Розановым жизненной и творческой участи К.Н. Леонтьева; общая характеристика творческого метода К.Н. Леонтьева; подробный анализ его историко-софической концепции; религиозно-эстетический идеал и натурализм К.Н. Леонтьева; К.Н. Леонтьев и славянофильство; социально-политическая проблематика в творчестве К.Н. Леонтьева. Даже это простое перечисление показывает, что именно В.В. Розанов является наиболее последовательным и вдумчивым исследователем леонтьевского творчества.

В начале попытаемся определить, каким образом В.В. Розанов оценивает **стиль и творческую манеру К.Н. Леонтьева**. Мы понимаем, что стиль – это, прежде всего, форма. В.В. Розанов выделял в этом аспекте два качественных и взаимосвязанных слоя, уровня: а) содержание личности К.Н. Леонтьева и б) форму ее проявления.

В сущности К.Н. Леонтьева В.В. Розанов выделял следующие черты:

чистоту и благородство души «без единого пятнышка притворства, лжи, лицемерия, фальши, гордости, тщеславия» [15];

«ангельскую» сущность его нравственности: «Первоначально-то его натура – конечно, ангельская; <...> Его письма по чарующему тону, по глубокой чистоте души, по любви к друзьям и преданности им – есть что-то несравнимое <...> Он был одним из самых нравственных людей на свете по личной доброте <...>, по общей грации души, по полному и редчайшему чистосердечию» [16];

горячность (неравнодушие) и страстность, стремление «звергнуть в борьбу и распрю, даже в страдание не только врагов, но и друзей» [17].

Для В.В. Розанова К.Н. Леонтьев «вообще был весь настоящий, без подделок, без фальши, без притворства, без заимствований» [18]. Столь замечательная личность должна была и внешне проявляться не менее замечательно. Великолепие стиле-

вой манеры К.Н. Леонтьева были вынуждены признавать все: так, Н.Н. Страхов, воспринимавший и личность, и творчество К.Н. Леонтьева без особого пиетета, 6 января 1891 г. писал В.В. Розанову: «У Леонтьева «можно найти много тонких и остроумных вещей, так что читатели были бы поражены и побеждены» (В.В. Розанов комментирует это следующим образом: «Удивительно глубоко <...> Читателя – умного – Леонтьев сразу «берет в друзья») [19].

Заинтересованным читателям мы с удовольствием предлагаем открыть для себя К.Н. Леонтьева; думается, что начинать нужно с его писем, поскольку «как автор писем – Леонтьев стоит еще выше, чем как автор статей: мы не припомним еще никаких писем в русской литературе, которые были бы также увлекательны и умны, философичны и остроумны» [20].

В.В. Розанов неоднократно обращался к характеристике творческой манеры К.Н. Леонтьева [21], выделяя следующие ее черты: особая выразительность, богатство физиологически-бытового восприятия себя и окружающего; нервный и острый, страстный и мучительный стиль изложения мыслей, отражавший аристократизм ума и образования; даже враги попадают под действие магических чар его слова (мольбы и упрека), в которых сквозит сумеречное мирозерцание, изящество стиля, спокойное барство слишком твердого (даже в удовольствиях) человека, строгость суждений неопытного и колеблющегося автора.

По мнению В.В. Розанова, К.Н. Леонтьев «писал как думал», обнажая в малом количестве слов большое количество смыслов [22]. Думается, что литературный высокохудожественный стиль К.Н. Леонтьева, отражая глубокую внутреннюю работу напряженной мысли, свидетельствует об удивительной гармонии этой личности, ее самосовпадении в главном смысловом значении.

Общая оценка теории и научного метода К.Н. Леонтьева. Называя К.Н. Леонтьева «первой умницей нашего века» [23], В.В. Розанов одновременно постоянно подчеркивает слабость его же идейно-теоретических позиций. Зная творчество К.Н. Леонтьева, мы понимаем, почему В.В. Розанов, вслед за В.С. Соловьевым, определяет суть леонтьевского кредо как

«идейный консерватизм» [24]. В данном случае речь в большей степени идет о векторе, о направленности, о мотивации мышления К.Н. Леонтьева; но это не характеристика его научной системы; она-то как раз и не имела той же степени качественной определенности. 24 мая 1891 г. В.В. Розанов писал Н.Н. Страхову в том числе и о «недостатке идей» у К.Н. Леонтьева; позже он так прокомментирует леонтьевскую научную систему: поражает «разнородность состава, при бедности и монотонности линии тезисов» [25] и пр.

Соглашаясь с В.В. Розановым о некоторой теоретической бедности ряда позиций К.Н. Леонтьева, отметим, что причиной тому служат условия формирования его личности, не позволившие получить полное и завершенное высшее образование (то есть подлинно научное в общепринятом смысле). Это, кстати, имеет и некоторое положительное значение: К.Н. Леонтьев не был связан круговой порукой какой-то научной конвенции; его этическое самоопределение не предполагало, таким образом, верности школе, учителю и пр. Ему оставалось быть верным самому себе, а именно это получалось у К.Н. Леонтьева гораздо лучше прочего.

Проблема свободы в творчестве К.Н. Леонтьева занимает особое место. И здесь мы вновь не можем уйти от оценок В.В. Розанова:

«небывалая свобода этого человека заносила волны его ума решительно в бесконечность»;

К.Н. Леонтьев «есть <...> самое свободомыслящее явление, может быть, за все время существования русской литературы; <...> безбрежность его скептицизма и сердечной идейной свободы (независимости, вытекающей из собственного «я») составляет позади себя свободу Вл. Соловьева, Герцена, Радищева, Новикова»;

«в нем не было и тени игры, в своих трудах он был свободен, капризен, деспотичен, как царственная женщина в беспорядке своей уборной, среди черных невольниц»;

«смелость и гордость Леонтьева больше всего меня поразили. Он имел силу сказать вещи, которых никто в лицо обществу и читателям не говаривал <...> Леонтьев вообще действовал как пощечина»; «дух Леонтьева не знал, так сказать, внут-

ренных задвижек; в душе его было окно, оттуда открывалась вечность»; это был «танец небесной свободы и прелести» [26].

Таким образом, К.Н. Леонтьев не был для современников проповедником своих теорий; он был чем-то большим, как нам кажется, – резонатором общественно значимых смыслов с задающими функциями в отношении социума; чувствуя сердцем темп и ритм наступавшей эпохи, сопротивляясь ей, он, как мог, стремился задавать свой темп и другим. Не случайно В.В. Розанов, отмечая «чрезмерное преобладание в нем отрицания над утверждением, отвращающего чувства над любовью, надеждой, порывом» [27], неоднократно утверждал, что «Леонтьев, в идейном своем строе, может быть понимаем и истолковываем лишь как человек XIX века, – лишь как борец против XIX века» [28].

Именно В.В. Розанову принадлежит первенство в формировании базовой проблемы мировоззрения своего старшего товарища, которую мы (условно) определим как «крест К.Н. Леонтьева» (см. рис. 1).

Рис. 1. Мировоззрение К.Н. Леонтьева: основные противоречия (по взглядам В.В. Розанова)

Заметим, что данную схему (противопоставление, противоречивость) позже использовали (иногда, впрочем, не ссылаясь на автора) многие, в том числе именитые, критики. В.В. Розанов очень точно замечает, что указанные элементы не соединяются между собой гармонично, хотя и «образуют существо его духа, обуславливают его суждения, формируют его мировоззрение» [29].

Если сущность историософской теории К.Н. Леонтьева выглядит достаточно «ясной и простой» (три фазы исторического процесса, учение о форме в приложении к отечественной ис-

тории и культуре, и мн. др.), то его религиозно-эстетические воззрения значительно более сложны и противоречивы. В.В. Розанов писал об этом: «Он сам, его скорбь и уныние – вот, что загадка, что смущает невольно того, кто захотел бы без остатка осветить его лицо для себя» [30].

Анализ текстов К.Н. Леонтьева показывает, что он, последовательно разбирая те или иные тезисы своих доктрин, возвращаясь к ним раз за разом, пересматривает их сущность, дорабатывает, меняет ориентиры мысли и т.п., – часто довольно решительно; поэтому каждое новое прочтение К.Н. Леонтьева позволяет увидеть непонятое; в любом случае все перечисленное серьезно затрудняет научную идентификацию этого автора. Его любимый прием из сферы когнитивного – обволакивание одного и того же тезиса дополнительными и меняющимися логическими конструкциями – иногда умозрительными, но всегда блестящими, парадоксальными.

Завершая рассмотрение особенностей творческого, научного метода К.Н. Леонтьева, заметим, что *В.В. Розанов давал ему оценки, в том числе, и в сравнении с воззрениями славянофилов, а также выдающихся философов того времени – Г. Гегеля и Ф. Ницше.* В одном месте В.В. Розанов пишет: «В нем было много <...> Гегеля <...> в Леонтьеве Гегеля сидело больше, чем в самом Гегеле» [31]; в другом он аналогично заключает: «Леонтьев был больше Ницше, чем сам Ницше» [32].

Для В.В. Розанова и Гегель, и Ницше были «мирными профессорами», а К.Н. Леонтьев: а) намного раньше Ницше «по-ницшеански» высказался против христианских начал красоты, занимал позиции антихристианства, антиморализма, специфически оценивал сущность человека, истории и т.п.; б) основывал свои рассуждения на парадоксальности, логике противоречия, отрицании отрицания, абсолютной идее (для К.Н. Леонтьева – Бог). При этом в отличие от «мирного берлинского профессора» (Гегель) К.Н. Леонтьев «нигде не хотел мира»: ни в стране, ни в душе. «Он был поджигатель по натуре, по существу, по личному вкусу. Его огонь был не 'философский', а пылал у него в крови, жег мозг, толкал его лично на безрассудства и выходки – между прочим, испортившие ему правительственную 'службу'» [33].

В.В. Розанов (подобно многим другим) соотносил творческую биографию К.Н. Леонтьева с движением славянофилов и даже называл его «последним выдающимся славянофилом» [34]. В данном случае требуются некоторые пояснения: В.В. Розанов действительно ставил К.Н. Леонтьева в ряд славянофильских писателей, но при этом он понимал узость этого соотнесения. Западники с отвращением отталкивали консервативные, «реакционные» теории К.Н. Леонтьева; славянофилы «страшились принять его в свои ряды», поскольку он «был славянофилом без добродетелей (хотя и с прелестными личными качествами)» [35]; «роль его в истории славянофильства <...> исключительно формальна» [36]; «он столкнулся с славянофильством, к которому первоначально принадлежал, и откололся от него <...> Славянофил – против объединения славян <...>, конечно, он был черным вороном среди них» [37].

В.В. Розанов высоко оценивал саму «почву», идейно-теоретический потенциал славянофильства: «уже одно появление в славянофильстве такой гениальной личности, как Леонтьев, в самом конце XIX века показывало могущество этой старой почвы, могущество идейных корней в ней заложенных. В корнях все и дело. Слияние в одно целое народности и христианства, – то есть Церкви, – вот ее корень» [38].

Заметим, что идея объединения народного сознания и православной религии (Церкви), конечно, не нова для того времени, но в аспекте темы нашей работы чрезвычайно плодотворна, позволяет дать взвешенную критику значимым материалам, посвященным К.Н. Леонтьеву (например, статьи С.Н. Трубецкого, П.Н. Милокова и др.); некоторые из них, по оценке В.В. Розанова, хоронят саму почву славянофильства.

Историософия К.Н. Леонтьева (мы употребляем термин «историософия», стремясь подчеркнуть философско-методологический характер его взглядов на исторический процесс, а также их явный религиозный оттенок). По мнению В.В. Розанова, «корень всего Леонтьева» – его «учение о трех фазах всякого развития» [39]. Действительно, К.Н. Леонтьев – автор известной триады, трех этапов, которые проходят все процессы природы и общества: а) первичная простота; б) цветущее усложнение; в) вторичное упрощение.

Любители схем исторического материализма и классовой борьбы сразу найдут в этом подходе много «ошибок» (то есть того, что не соответствует их взглядам); но, как и сегодня, прав В.В. Розанов, горько заметивший через много лет после смерти К.Н. Леонтьева, что «взгляды этого выдающегося мыслителя никто не поколебал, никто не оспорил, – да и никто не разобрал его в нашей ленивой литературе». Одна из причин того – исторический пессимизм консерватора К.Н. Леонтьева, полагавшего, что вторичное смесительное упрощение (в его терминах – «эгалитарный процесс», «прогресс») ведет Европу к закату и гибели. В.В. Розанов называет этот пессимизм «демоничным» и отмечает, что он возник, конечно, и «по чувству, и по складу сердца», но главное – «по целому систематическому воззрению» [40].

Сам К.Н. Леонтьев считал свою историсофскую теорию «главным пунктом своей теоретической системы», но, как было замечено им же в письме к В.В. Розанову от 13 июня 1891 г., «все исследователи старались обходить мою систему стороной, осторожным молчанием» [41]. «Поразительно! – не сдерживает эмоций В.В. Розанов в соответствующем комментарии. – В нейто – главная суть Леонтьева; без нее – его просто нет. Здесь называется поразительная тупость наших философских и историко-философских кафедр, а также наглость и поверхностность нашей публицистики. В печати у нас ругаются, собственно, а не думают» [42].

В момент знакомства с К.Н. Леонтьевым мировоззрение В.В. Розанова было оптимально готово к восприятию его историсофической теории; в письме к Н.Н. Страхову от 24 мая 1891 г. он признается: «Чтение его (К.Н. Леонтьева) книг так убедительно действует, такой новизной поражает <...> Про себя могу сказать, что мои антипатии ко многому в текущей жизни стали рациональными, научно обоснованными именно после чтения его книг» [43].

После знакомства с леонтьевскими работами В.В. Розанову «ужасно захотелось» написать соответствующую статью под названием «Эстетическое понимание истории» (письмо к Н.Н. Страхову, декабрь 1890 г.); эта большая работа вскоре увидела свет, в ней системно изложены многие фрагменты мировоззрения К.Н. Леонтьева; но в 1913 г. В.В. Розанов комментировал

ее содержание следующим образом: «Вся вообще статья о Леонтьеве <...> недурно начатая и недурно конченная <...>, но испорчена и дурна от всегдашнего моего неумения делать цитаты из критикуемого автора» [44]. Действительно, избыточное цитирование больших по объему текстов К.Н. Леонтьева в чем-то мешает читателю розановской статьи понять позицию автора.

Но главное не в этом: по мнению В.В. Розанова, вклад К.Н. Леонтьева в развитие исторической теории и методологии состоял в следующем:

1. Показан смысл исторического развития мира и России в XIX в.

2. «Преодолено» понятие прогресса.

3. В историю введено мерило добра и зла.

4. Определено истинное соотношение различных культурных миров.

5. Введена естественно-историческая объективность.

6. Разработано учение о форме.

7. Дана характеристика теории славянофильства и пр.

Рассмотрим некоторые из вышеперечисленных моментов.

К.Н. Леонтьев выделял в развитии всех процессов – естественных, социально-политических – три обязательные фазы (как отмечалось – первичной простоты, срединной цветущей сложности и вторичного упрощения). Позиция о том, что в данном случае мы видим **биологизаторство** истории, стала в критике К.Н. Леонтьева общим местом. Н.Н. Страхов 21 мая 1891 г. писал В.В. Розанову, что это «есть не что иное, как приложение органических категорий, которые сознательно употреблял Шеллинг, у Гегеля это дело взято всего глубже»; да и сам В.В. Розанов говорил о том, что «идеи Леонтьева и сложны, и просты. Это был патолог (Леонтьев был медик по образованию, ученик еще Иноземцева), приложивший специально патологические наблюдения и наблюдательность к явлениям мировой жизни, по преимуществу – социально-политической; он отличался вкусами, позывами гигантски напряженными и ультра-биологическими» [45].

В изложении Н.Н. Страхова – это только констатация (даже несколько негативного свойства); в позиции В.В. Розанова

мы наблюдаем много больше пролонгированного (отложенного в понимании) смысла: **естественно-историческая основа, на которую в анализе истории встал К.Н. Леонтьев, есть специфическая реализация принципа объективности**; «давая доступные наблюдению признаки развития, он устраняет из научного исследования вмешательство страстей» [46].

Далее, рассуждая о «натурализме» К.Н. Леонтьева, В.В. Розанов замечает, что анализ «истории холоден и свободен, как размышления медика у постели больного, где он хочет знать, и – ничего более» [47]. В.В. Розанов поясняет тезис об объективности следующим образом:

а) в одном из писем к И. Фуделю К.Н. Леонтьев заметил, что «наука будущая и желаемая должна быть проникнута великим презрением к своей выгоде (холодна, безучастна; ни льстить человеку, ни радовать, ни утешать его)»;

б) в работе «Византизм и славянство» (т.1) К.Н. Леонтьев дает весьма нелицеприятные оценки отечественной истории: «Мы прошли мимо, сотворили духом мало», «у нас все оригинальное и значительное принадлежит Византии и ничего – собственно нашей, славянской крови». В.В. Розанов вынужден признать: «Его приговоры беспощадны <...> Его указания, советы – бесстыдны, и это в такой мере, что на некоторое время даже отталкивают от него читателя, пока позднее он не покоряется невольно силе ума его и правде» [48].

Таким образом, важно видеть, что и в природе, и в обществе все сущее подчиняется законам рождения и умирания, восходящего и нисходящего развития; объективность такого рода, пусть даже и вытекающая из «практической части медицинских наблюдений» «человека очень небольшого образования» [49] исключительно полезна, в том числе и сегодня.

Сильный и самобытный ум К.Н. Леонтьева характеризует его как «мыслителя мирового масштаба», но этих кондиций он смог достичь «в силу эстетической одаренности» [50].

Натуралистические фрагменты историософской концепции К.Н. Леонтьева существенно дополнились его эстетизмом; образно говоря, именно эстетическое оплодотворение превращало многие его рассуждения в настоящие жемчужины мысли и чувства.

Эстетизм К.Н. Леонтьева имел в качестве основы идеал биологического. В.В. Розанов поясняет это следующим образом: «Историей движет эстетическое начало – более, нежели начала религиозные или политические <...> Наиболее прекрасная жизнь есть наиболее сложная жизнь, то есть далее всего отстоящая от смерти, от конца <...> Расцвет – это сила и красота. А старость и смерть всегда безобразны» [51].

Таким образом, ведущим началом становления центральной фазы леонтьевской периодизации истории (цветущая сложность) выступает именно сложность эстетическая: наиболее красивый человек – наиболее сложный человек (он в то же время и наиболее сильный); наивысшая культура, цивилизация – наиболее сложная; пройдя свою высшую точку, все они стремятся к гибели (фаза вторичного упрощения).

Через двадцать лет после смерти К.Н. Леонтьева В.В. Розанов записал: «Я не могу назвать более великолепной теории. Она истинна, как сама действительность. Скажу точнее – теория Леонтьева есть просто действительность» [52].

В.В. Розанов неоднократно обращался к анализу леонтьевского эстетизма: по его мнению «чувство эстетического» присутствовало в личности К.Н. Леонтьева «безотчетно, неудержимо», проявляясь в каждом обороте речи, в любой оценке, во всяком требовании, порицании; «это чувство – его жизнь, скудель его печалей, родник всех радостей; и начало грани, предела или, что то же, формы; и понято им так глубоко и универсально, потому что оно есть прежде всего начало красоты, эстетическая сторона целого мировоззрения» [53].

В аспекте эстетизма мы можем оценить отношение К.Н. Леонтьева к процессу современной ему цивилизации; говоря словами В.В. Розанова, осознать, каким образом «мир художественных законов и идей был распространен им на историю» [54]. В его понимании на рубеже XIX и XX веков Европа переживала этап «вторичного упрощения» («унитарно-эгалитарная действительность», «пиджачная цивилизация» и т.п.). В.В. Розанов следующим образом оценивает тогдашнее умонастроение своего старшего товарища: «Все теперь умирает, все падает; потому что все обезличивается...». И он с жестокостью восстал против величайших стимулов нашего времени: против любви, жалости; про-

тив уравнительного процесса истории, который он называл «эгалитарным процессом», против «братства» народов и людей <...> Как бы раскинув руки, он восстал против всего движения европейской цивилизации и христианской культуры. Конечно, это был титан» [55].

К.Н. Леонтьев остро переживал опрошение, «прогрессивное усреднение» всего и вся: государства, религии, науки, социальной структуры, видел в этом «признак падения европейских обществ»; и именно это общее усреднение и разложение всячески провоцировало известный леонтьевский аристократизм (реакция несогласия, протеста). Не принимая современной ему новой действительности, К.Н. Леонтьев, в отличие от современных антиглобалистов, предпринимал попытки «бегства от цивилизации» «в последнее убежище эстетики наших дней – в черный монастырь с его упорным отрицанием жизни» [56].

Тема эстетизма заставляет нас обратить внимание на определенным образом формирующие К.Н. Леонтьева фрагменты личности:

а) женственность натуры. В.В. Розанов неоднократно говорил о К.Н. Леонтьеве как о «человеке лунного света», о его «женском глазке на все»: «с безумными привязанностями, безумным фанатизмом»; «отсюда странное очарование, которое на нас льется из его неудержимых речей, как будто нас заговаривает женщина, чего-то у нас просящая, чего-то безумно требующая, и которой мы не в силах противостоять» [57];

б) склонность к декадентству и мистике (здесь он опережает и Ницше, и «доморощенных» эстетов, и символистов), убежденность в «неисповедимости житейской сути» [58];

в) аморализм. 24 мая 1891 г. в письме к Н.Н. Страхову В.В. Розанов так говорит об этом: «Эта развращенность пресыщенного человека, некоторый цинизм в мысли и в чувстве; но и опять – это выражено с такой твердостью языка, с такой бесстыдной нескрываемостью, что поражает, и – притягивает. Притягивает мужеством своим, равнодушием к суду читателя <...> Все это в целом делает его неуловимо прекрасным в чтении» [59].

В.В. Розанов откровенно высказывается об эротизме К.Н. Леонтьева, его стремлении к «страстям», к любви, разгулу и т.п.;

при этом логично переводит этот разговор в этическую плоскость. Не без остроумия В.В. Розанов замечает: «Если не ошибаюсь этим грешил и А.С. Пушкин, коего никто «безнравственным» не считает. Дело – бывалое, дело – мирское <...> Вообще следовало бы раз и навсегда и относительно всех на свете людей выкинуть эотику и страсти из категорий моральных оценок человека» [60]. С последним замечанием невозможно не согласиться.

Анализ этико-эстетической совокупности кредо К.Н. Леонтьева В.В. Розанов дополняет следующими рассуждениями: эстетизм созерцателен, а значит пассивен, то есть весьма ограничен в деле переустройства социумного бытия. Эстетизм («красота земная», «Афродита земная») «отвращает нас от всего, что ему противоречит: но бросить нас на подвиг, на жертву – вот чего он никогда не сможет».

Этическое начало («красота небесная», «Афродита небесная») – вот, что движет человеком, «одушевляет его, покоряет его»; то, за что он «проливал и никогда не устанет проливать кровь».

К.Н. Леонтьев был жертвой внутреннего несовпадения двух этих начал; он искренне любил, хорошо знал, любил земную красоту – «Афродиту земную»; что же касается подвижнических моральных начал, то он был «слеп к родникам этических движений, с атрофированным вкусом к ним». В результате К.Н. Леонтьев в социальном смысле оставался «странно пассивным» (а многие принимали его стремление к сохранению непрестанно разлагающейся красоты сегодняшнего дня за особый – «идейный» – консерватизм); «любить сохранившиеся остатки красоты в жизни, собрать ее осколки и как-нибудь их сцементировать – это было все, к чему он умел призывать людей, что выходило из алфавита ему известных понятий и слов. И ум сильный, и взгляд твердый говорили ему, что это – ненадолго <...>, он не мог равняться вперед <...>, не понимал того, силой чего в истории человек порывался и порывается» [61].

В данном случае мы можем оценить критику В.В. Розановым историческую позицию К.Н. Леонтьева:

во-первых, присутствует слабость этического начала, а следовательно, низкая действенность учения (в аспекте социального конструирования);

во-вторых, наблюдается предельно широкий охват событий мировой и отечественной истории, но не их глубокий анализ («видимо здесь играет роль недостаток у него образования»);

в-третьих, представив на суд общества теорию триединого процесса развития, оценив при ее помощи прогресс, революционные изменения, К.Н. Леонтьев делал исключительно пессимистический вывод о предсмертном состоянии современного ему общества (вывод недостаточно обоснован в социально-политическом смысле, приводится в эстетическом контексте);

в-четвертых, неумение определить доминирующие движущие силы современного ему исторического процесса; по этому поводу В.В. Розанов даже писал К.Н. Леонтьеву: «Силу же, которая движет этот процесс, Вы лишь отвергаете, но не опровергаете» [62].

Таким образом, в понимании В.В. Розанова К.Н. Леонтьев апеллировал к эстетически осмысленной форме в ущерб сохранению исторического процесса. Из-за этого К.Н. Леонтьев, «пораженный страшным нищенством своей эпохи» [63], не смог выйти за пределы персонализма и субъективизма.

Религиозность К.Н. Леонтьева – одна из важнейших проблем для исследователей его творчества; в их работах, в письмах современников неоднократно (прямо и подспудно) высказывалось сомнение в истинности религиозного чувства К.Н. Леонтьева. Причина тому – непризнание им многих утвердившихся в массовом религиозном сознании стереотипов и постулатов. Так, например, благостный образ старца Зосимы в изложении Ф.М. Достоевского удивил и умилил всю Россию (существенно подняв в обществе авторитет православия). А К.Н. Леонтьев в письме В.В. Розанову 13 апреля 1891 г. рекомендует «перерасти Достоевского с его «гармониями», которых никогда не будет, да и не нужно. Его монашество – сочиненное. И учение отца Зосимы – ложное, и весь стиль его бесед фальшивый» [64].

Как известно, К.Н. Леонтьев тяготел к византийскому, более строгому, аскетическому, монашескому православию; для

него – онтологически – «личное христианство есть прежде всего трансцендентный (не земной, загробный) эгоизм. Альтруизм же сам собою приложится. Страх божий (за себя, за свою вечность) есть начало премудрости религиозной» [65]. Здесь присутствует явный намек на трагические обстоятельства начала 70-х годов XIX века, повлиявшие извне на внутреннее принципиальное православное самоопределение К.Н. Леонтьева. Не случайно и то, что афонские и оптинские старцы почти двадцать лет не давали ему позволения на монашеский постриг.

Сам К.Н. Леонтьев в письме к В.В. Розанову от 13 августа 1891 г. описывал свой религиозный выбор в 1871–1873 годах следующим образом: «К эстетической любви моей к Церкви надо прибавить еще и то, чего недоставало <...>: страха греха, страха наказания, страха Божия, страха духовного! Я смирился <...> Физический страх прошел, а духовный остался. И с тех пор я от веры и от страха Господня отказаться уже не могу <...> Религия тяжелое иго, но тот, кто истинно уверовал, тот с этим игом уже ни за что не расстанется» [66].

К.Н. Леонтьев буквально заставил себя покориться религиозному началу; как и насколько – «вот загадка, в которой скрывается ключ к его объяснению» [67]. В.В. Розанов попытался ответить на этот вопрос:

а) К.Н. Леонтьев был широк в религиозном мировосприятии, сочетая монашество с чтением вольтерянцев; монашество не отбило у него вкуса к житейскому, к земному;

б) К.Н. Леонтьев «совершенно забыл Церковь и особые обетования, ей данные. Он не вспомнил этого вовсе, отчего остался безутешным» [68]. Для В.В. Розанова это странное, почти языческое забвение «того святого центра общего движения в мире, который незримо ведет, охраняет, поддерживает идущих» [69].

в) христианство (православие) для К.Н. Леонтьева – некое средство социально-политической (консервативной) антилиберальной ориентации; сама вера всегда была для него чем-то формальным, внешним, извне требующим и пр. «В византизме, церковности, в христианстве его не манило то положительное и доброе, святое и благое <...> Любить в христианстве ему было нечего <...> Его не тянуло (нисколько!) к себе христианство, но

он увидел здесь неистощимый арсенал стрел против подлого буржуа XIX века» [70].

Напоследок обратимся к **общей оценке творчества и судьбы К.Н. Леонтьева**, данной в произведениях В.В. Розанова.

Н.Н. Страхов в письме к В.В. Розанову от 20 февраля 1892 г. по-своему определил причины леонтьевского неуспеха: отсутствие стройности и законченности произведений, избыточное хитросплетение мыслей; несомненные талант, вкус и образованность не дополнялись душевной чистотой и добросовестностью труда. Много позже, комментируя это письмо, В.В. Розанов отметил:

а) тот же Н.Н. Страхов имел все – «стройно и закончено», а успеха также не снискал;

б) леонтьевский стиль, текст – «именно не плетение, а как стальное огниво ударяет кремень и искры сыплются <...> Он поразительный по ясности и цельности писатель»;

в) «он был душевно чистый человек и писатель, писавший всегда прямо, никогда не лукавивший, никого не обманывавший, без хвастовства, без наглости в себе, без тщеславия» [71].

Но принципиально В.В. Розанов дает однозначно пессимистические оценки творческой судьбе К.Н. Леонтьева: «К.Н. Леонтьев был мало известен и при жизни, и после смерти»; он прожил «жалкую полужизнь, жизнь – как несчастье и горе»; «он родился и умер в тоске, никем не uznанный»; «он сам больше любил людей, нежели был любим ими» [72] и т.д., и т.п.

8 мая 1891 г. В.В. Розанов в письме прямо спросил самого К.Н. Леонтьева о причинах такого положения дел (отсутствие широкого общественного признания), и тот ответил: «Бог Сам знает, кому, что и в какое время дать» [73].

В.В. Розанов объективно оценивает взгляды К.Н. Леонтьева: это «феномен, а не сила»; «он – великий муж», но его идеям не суждено было сбыться, они «не привьются», так как не соответствуют реальным процессам, ошибочны, несмотря на то, что их автор – человек «чрезмерный и удивительный»; «он во всем ошибся. <...> Благородный и истинно великий, он нес свои идеи как тягость, как болезнь»; очень жаль, «что ложность этой

болезни, призрачность этой тягости становится ясна так поздно» [74].

В то же время В.В. Розанов всегда утверждал величие К.Н. Леонтьева и предрекал в будущем его возвращение: «Имя и память Конст. Леонтьева не поддаются забвению»; «он очень полезный писатель, и чем больше будут его узнавать<...>, тем больше будет возрастать его влияние»; «скоро! Скоро, почувствуется, придет время Леонтьева» и др. [75].

«Он ужасно неталантливо родился, — пишет о К.Н. Леонтьеве В.В. Розанов, — родился не для счастья <...> в другое историческое время по условиям жизни и качествам души, он мог бы стать счастливейшим в мире смертных; не столкнусь он с «эгалитарным процессом» в XIX веке, например, во времена Екатерины II Великой он прожил бы свою жизнь просто и хорошо, без всякого монастыря» [76].

Через двадцать лет после смерти К.Н. Леонтьева его имя, мысли оставались малоизвестными широким слоям общественности, а ведь «множество умнейших людей эпохи признавали его огромную силу», называли его «одним из самых ярких и поразительных русских умов»: «Если в этой оценке сходится и бывший террорист, теперь редактор «Московских ведомостей», Тихомиров, с его бурной душой и судьбой, и «аккуратисты» не менее Акакия Акакиевича, Милюков и Струве, и гении нравственных вопросов <...> Толстой и Достоевский, то это что-нибудь значит <...> Тут <...> покоряющая всякое сердце истина» [77].

Почему же «образованная толпа» прошла мимо К.Н. Леонтьева, ничего не услышав из его предостережений? По мнению В.В. Розанова, он «натурой разошелся со всем и всеми», «это одинокая и единственная в своем роде душа»; «идеи его были исключительны, и неудивительно, что не прижились» [78]. К.Н. Леонтьев слишком далеко оторвался от предшественников и, в то же время, не создал школы, то есть системы учеников, последователей, объединенных общими взглядами. Он был человеком новой, будущей, единственной в своем роде цивилизации («гражданин некоего мечтаемого отечества») — сложной, яркой, пестрой, выразительной, по восточному жизнелюбивой, которая даже сейчас еще не успела образоваться (или образует-

ся?); он решительно отказывался от прогресса, упрощавшего цветущую красоту жизни, а значит – несущего «вторичное упрощение» и смерть; он мечтал о будущем возрождении величия России в русле византизма и был буквально влюблен в эти идеи; он был великий мыслитель, страстный мечтатель, философ и <...> реалист; он был несравненно гениальнее многих современных ему мыслителей (они не понимали, не принимали, не любили, завидовали, боялись).

Безусловно, не случайно другому выдающемуся мыслителю В.В. Розанову выпала историческая миссия глубоко и всесторонне оценить эту замечательнейшую во всех отношениях личность («Малыштрем..., ревущую встречу эллинского эстетизма с монашескими строгими словами о строгом загробном идеале» [79]).

Примечания

1. Письма К.Н. Леонтьева к В.В. Розанову впервые опубликованы в журнале «Русский вестник» за 1903 г. в номерах 4 (С. 633–652), 5 (С. 155–182), 6 (С.409–438); письма В.В. Розанова к К.Н. Леонтьеву увидели свет в 1989 г. (журнал «Литературная учеба». – № 6. – С. 127–137).
2. Розанов, В.В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев [Текст]. – М.: Республика, 2001. – С. 330, 352.
3. Розанов, В.В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев [Текст]. – М.: Республика, 2001. – С. 319.
4. См.: Литературные собрания в Российском фонде культуры. Из выступлений на вечере, посвященном Константину Леонтьеву [Текст] // Литературная учеба. – 1998. – Кн.4–5–6. Июль – декабрь. – С. 170.
5. Розанов, В.В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев [Текст]. – М.: Республика, 2001. – С. 222.
6. Розанов, В.В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев [Текст]. – М.: Республика, 2001. – С. 321.

7. Розанов, В.В. Неузнанный феномен [Текст] // Русская мысль. – М.: Алгоритм; ЭКСМО, 2006. – С. 321.
8. Розанов, В.В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев. [Текст]. – М.: Республика, 2001. – С. 320.
9. См.: Неволин, С.Б. Василий Васильевич Розанов. [Текст] // Русские философы (конец XIX – середина XX века): Антология. Вып. 2. – М.: Изд-во «Книжная палата», 1994. – С. 29.
10. Розанов, В.В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев [Текст]. – М.: Республика, 2001. – С. 240–241.
11. См.: Сергеев, С.М. Леонтьев Константин Николаевич [Текст] // Розановская энциклопедия. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – С. 518–519.
12. Розанов, В.В. Из «Опавших листьев» и «Мимолетного» 18 июня 1915 г. [Текст] // Русская мысль. – М., 2006. – С. 345, 346.
13. Розанов, В.В. Из «Опавших листьев» и «Мимолетного» 18 июня 1915 г. [Текст] // Русская мысль. – М., 2006. – С. 345, 346. – С. 350.
14. Розанов, В.В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев [Текст]. – М.: Республика, 2001. – С. 320, 321.
15. Розанов, В.В. Собрание сочинений. О писательстве и писателях [Текст]. – М.: Республика, 1994. – С. 655.
16. Розанов, В.В. О Константине Леонтьеве [Текст] // Русская мысль. – М., 2006. – С. 367.
17. Розанов, В.В. К. Леонтьев об Аполлоне Григорьеве. [Текст] // Русская мысль. – М., 2006. – С. 355.
18. Розанов, В.В. Собрание сочинений. Признаки времени. Статьи и очерки 1912 г. Письма А.С. Суворина к В.В. Розанову. Письма В.В. Розанова к В.В. Суворину [Текст]. – М.: Республика, 2006. – С. 176.
19. Розанов, В.В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев [Текст]. – М.: Республика, 2001. – С. 100.

20. Розанов, В.В. К 20-летию кончины К.Н. Леонтьева. [Текст] // Русская мысль. – М., 2006. – С. 343-344.

21. См.: Розанов, В.В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев [Текст]. – М.: Республика, 2001. – С. 62, 322, 356, 368; Розанов, В.В. К. Леонтьев об Аполлоне Григорьеве. [Текст]. – С. 353.

22. Розанов, В.В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев [Текст]. – М.: Республика, 2001. – С. 322, 368.

23. Розанов, В.В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев [Текст]. – М.: Республика, 2001. – С. 253.

24. Розанов, В.В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев [Текст]. – М.: Республика, 2001. – С. 389.

25. Розанов, В.В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев [Текст]. – М.: Республика, 2001. – С. 264, 364.

26. Розанов, В.В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев [Текст]. – М.: Республика, 2001. – С. 62, 324, 325.

27. Розанов, В.В. К.Н. Леонтьев: Поздние фазы славянофильства [Текст] // Русская мысль. – М., 2006. – С. 314.

28. Розанов, В.В. О Константине Леонтьеве [Текст]. // Русская мысль. – М., 2006. – С. 365.

29. Розанов, В.В. К.Н. Леонтьев: Поздние фазы славянофильства [Текст] // Русская мысль. – М., 2006. – С. 310.

30. Розанов, В.В. К.Н. Леонтьев: Поздние фазы славянофильства [Текст] // Русская мысль. – М., 2006. – С. 313.

31. Розанов, В.В. К. Леонтьев об Аполлоне Григорьеве. [Текст] // Русская мысль. – М., 2006. – С. 355.

32. Розанов, В.В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев [Текст]. – М.: Республика, 2001. – С. 327.

33. Розанов, В.В. К. Леонтьев об Аполлоне Григорьеве [Текст] // Русская мысль. – М., 2006. – С. 355-356.

34. Розанов, В.В. К.Н. Леонтьев: Поздние фазы славянофильства [Текст] // Русская мысль. – М., 2006. – С. 306.

35. Розанов, В.В. К. Леонтьев об Аполлоне Григорьеве [Текст] // Русская мысль. – М., 2006. – С. 355.

36. Розанов, В.В. К.Н. Леонтьев: Поздние фазы славянофильства [Текст] // Русская мысль. – М., 2006. – С. 307.

37. Розанов, В.В. Неоцененный ум [Текст] // Русская мысль. – М., 2006. – С. 336.

38. Розанов, В.В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. Н. Леонтьев [Текст]. – М.: Республика, 2001. – С. 126.

39. Розанов, В.В. О Константине Леонтьеве [Текст] // Русская мысль. – М., 2006. – С. 365.

40. Розанов, В.В. О Константине Леонтьеве [Текст] // Русская мысль. – М., 2006. – С. 365.

41. Розанов, В.В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. Н. Леонтьев [Текст]. – М.: Республика, 2001. – С. 353.

42. Розанов, В.В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. Н. Леонтьев [Текст]. – М.: Республика, 2001. – С. 353.

43. Розанов, В.В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. Н. Леонтьев [Текст]. – М.: Республика, 2001. – С. 264.

44. Розанов, В.В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. Н. Леонтьев [Текст]. – М.: Республика, 2001. – С. 101, 249.

45. Розанов, В.В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. Н. Леонтьев [Текст]. – М.: Республика, 2001. – С. 90, 322-323.

46. Розанов, В.В. Эстетическое понимание истории. (Теория исторического прогресса и упадка) [Текст] // Русская мысль. – М., 2006. – С. 209.

47. Розанов, В.В. К.Н. Леонтьев: Поздние фазы славянофильства [Текст] // Русская мысль. – М., 2006. – С. 311.

48. Розанов, В.В. К.Н. Леонтьев: Поздние фазы славянофильства [Текст] // Русская мысль. – М., 2006. – С. 311.

49. См.: Розанов, В.В. О Константине Леонтьеве [Текст] // Русская мысль. – М., 2006. – С. 365.

50. Розанов, В.В. О Константине Леонтьеве [Текст] // Русская мысль. – М., 2006. – С. 365.
51. Розанов, В.В. Неоцененный ум [Текст] // Русская мысль. – М., 2006. – С. 334-335.
52. Розанов, В.В. Неоцененный ум [Текст] // Русская мысль. – М., 2006. – С.335.
53. Розанов, В.В. К.Н. Леонтьев: Поздние фазы славянофильства [Текст] // Русская мысль. – М., 2006. – С. 311.
54. Розанов, В.В. К 20-летию кончины К.Н. Леонтьева [Текст] // Русская мысль. – М., 2006. – С. 307.
55. Розанов, В.В. Неоцененный ум. [Текст] // Русская мысль. – М., 2006. – С. 336, 337.
56. Розанов, В.В. Константин Леонтьев и его «почитатели» [Текст] // Русская мысль. – М., 2006. – С. 318.
57. Розанов, В.В. К. Леонтьев об Аполлоне Григорьеве [Текст] // Русская мысль. – М., 2006. – С. 356.
58. Розанов, В.В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. Н. Леонтьев [Текст]. – М.: Республика, 2001. – С. 376.
59. Розанов, В.В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. Н. Леонтьев [Текст]. – М.: Республика, 2001. – С. 264.
60. Розанов, В.В. О Константине Леонтьеве [Текст] // Русская мысль. – М., 2006. – С. 367.
61. Розанов, В.В. К.Н. Леонтьев: Поздние фазы славянофильства [Текст] // Русская мысль. – М., 2006. – С. 315.
62. Розанов, В.В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. Н. Леонтьев [Текст]. – М.: Республика, 2001. – С. 403; Розанов, В.В. К.Н. Леонтьев: Поздние фазы славянофильства [Текст] // Русская мысль. – М., 2006. – С.315; Розанов, В.В. О Константине Леонтьеве [Текст] // Русская мысль. – М., 2006. – С. 365.
63. Розанов, В.В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н.Н.Страхов. Н.Леонтьев. [Текст]. – М.: Республика, 2001. – С. 393;
64. Розанов, В.В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н.Н.Страхов. Н.Леонтьев. [Текст]. – М.: Республика, 2001. – С. 329.

65. Розанов, В.В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н.Н.Страхов. Н.Леонтьев. [Текст]. – М.: Республика, 2001. – С. 330.
66. Розанов, В.В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н.Н.Страхов. Н.Леонтьев. [Текст]. – М.: Республика, 2001. – С. 379.
67. Розанов, В.В. К.Н. Леонтьев: Поздние фазы славянофильства [Текст] // Русская мысль. – М., 2006. – С. 310.
68. См.: Розанов, В.В. Собрание сочинений. Около церковных стен [Текст]. – М.: Республика, 1995. – С. 297.
69. Розанов, В.В. К.Н. Леонтьев: Поздние фазы славянофильства [Текст] // Русская мысль. – М., 2006. – С. 314.
70. Розанов, В.В. Из «Опавших листьев» и «Мимолетного» 18 июня 1915 г. [Текст] // Русская мысль. – М., 2006. – С. 349.
71. Розанов, В.В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. Н. Леонтьев [Текст]. – М.: Республика, 2001. – С. 105;
72. Розанов, В.В. Уединенное. [Текст]. – М.: Политиздат, 1990. – С. 289; Розанов, В.В. Неоцененный ум [Текст] // Русская мысль. – М., 2006. – С. 334.
73. Розанов, В.В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. Н. Леонтьев [Текст]. – М.: Республика, 2001. – С. 333;
74. Там же. – С. 328; Розанов, В.В. К.Н. Леонтьев: Поздние фазы славянофильства [Текст] // Русская мысль. – М., 2006. – С. 316.
75. Розанов, В.В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. Н. Леонтьев [Текст]. – М.: Республика, 2001. – С. 267; Розанов, В.В. К 20-летию кончины Н. Леонтьева. [Текст] // Русская мысль. – М., 2006. – С. 342.
76. См.: Розанов, В.В. Собрание сочинений. О писательстве и писателях [Текст]. – М.: Республика, 1994. – С. 655; Розанов, В.В. О Константине Леонтьеве [Текст] // Русская мысль. – М., 2006. – С. 365, 366.
77. Розанов, В.В. Неоцененный ум [Текст] // Русская мысль. – М., 2006. – С. 333.

78. Розанов, В.В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев. [Текст]. – М.: Республика, 2001. – С. 322, 325, 326; Розанов, В.В. К.Н. Леонтьев: Поздние фазы славянофильства [Текст] // Русская мысль. – М., 2006. – С. 315. Розанов, В.В. Константин Леонтьев и его «почитатели» [Текст] // Русская мысль. – М., 2006. – С. 318; Розанов, В.В. Неоцененный ум [Текст] // Русская мысль. – М., 2006. – С. 335–336.

79. Розанов, В.В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. Н. Леонтьев [Текст]. – М.: Республика, 2001. – С. 327.

И. К.Н. ЛЕОНТЬЕВ И МЫСЛИТЕЛИ БОГОСЛОВСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Взгляды историков-богословов прошлого на проблемы духовного наследия К.Н. Леонтьева поражают современного исследователя и своей объективностью, конкретностью, и такой же беспощадностью. Последнее объясняется тем, что исходные установки ортодоксального православия не позволяли им «щадить» человека, истинность верований которого всегда признавалась в некотором смысле недостаточной, условной, ограниченной. Тем не менее, систематизаторы истории отечественной богословской культуры де-факто первыми представили на суд читателей взвешенную критику системных (или нет) фрагментов кредо К.Н. Леонтьева, выявили его духовные связи с теми или иными философско-историческими школами, учениями, теориями.

В первую очередь обратимся к творческому наследию Г.В. Флоровского*, его известной работе «Пути русского богословия» [1]. Творческий метод этого замечательного автора основывался на «опыте исторического синтеза», когда в целях богословско-исторического анализа привлекались многие, самые разнообразные стороны, феномены культурной жизни нации, как-либо связанные и с историей, и с религией.

Объективность и научную взыскательность (в определенном смысле – скептицизм) Г.В. Флоровского выгодно дополняет свойственный ему же оценкам тонкий психологизм, умение адекватно соотносить собственные заключения с позицией и внутренним миром анализируемых мыслителей.

Оценивая К.Н. Леонтьева, Г.В. Флоровский сосредоточивался на его самоидентификации, самоопределении, выделяя религиозный и собственно философский, общественно-политический и пр. аспекты, в том числе в русле психологического самоутверждения. Обратим внимание на следующее:

1. *Философская идентификация позиций К.Н. Леонтьева.*
«В философии, – пишет Г.В. Флоровский, – Леонтьев не вышел из тесных границ романтического натурализма»; и далее: «Он пока в тунике романтизма» [2]. Суть своих оценок Г.В. Флоровский поясняет на примере анализа «изошрённой романтической

эстетики», сочетающейся у К.Н. Леонтьева с «самым реалистическим чувством живого быта, с увлечением русской жизнью» [3].

Такое заключение тем более парадоксально, что конец XIX века – период острого кризиса романтизма в науке и в эстетической сфере. Философия К.Н. Леонтьева достаточно далека и от ранних славянофилов, и даже от А.Я. Данилевского. К.Н. Леонтьеву более близки такие «нераскаянные романтики», как А.И. Герцен или А.А. Григорьев, так как «у них одинаковое чувство жизни... Это было очарование мощи и просторов, эстетическая религия космоса, почитание «творящей природы» <...> Это было восприятие мира даже и не под знаком красоты, но под знаком художественного наслаждения. И в романтической эстетике вообще очень силен этот привкус гедонизма» [4].

Кроме того, А.И. Герцена и К.Н. Леонтьева роднит присутствующая обоим эстетизированная критика Запада – «мельчающего и линияющего».

В письмах к В.В. Розанову К.Н. Леонтьев открыто признает, что эстетическое мерило мира у него всегда преобладало над христианским. По оценке Г.В. Флоровского исторический критерий К.Н. Леонтьева «совпадает с измерением силы жизни. Он ищет в жизни силы, пестроты, блеска, всякого «многообразия в единстве» [5]; К.Н. Леонтьев «именно любовался этим преобразённым миром, этим разгулом первородных страстей и статей и не хотел расставаться с этой двусмысленной, языческой, мистической красотой» [6].

Эта ориентация на многообразие формы, на красоту заставляла К.Н. Леонтьева «в испуге отшатываться... даже от замысла религиозного» искусства.

2. *Религиозная идентификация К.Н. Леонтьева.* Г.В. Флоровский сомневается в истинности, подлинности леонтьевской религиозности (но не в её искренности):

во-первых, К.Н. Леонтьев с большой натяжкой может быть отнесён к числу лиц, адекватно и глубоко разделяющих базовые постулаты православия. Г.В. Флоровский пишет, что «совсем неверно считать Константина Леонтьева представителем и выразителем подлинного и основного предания Православной Церкви, даже хотя бы только одной восточной аскетики.

Леонтьев только драпировался в аскетику... У Леонтьева была религиозная тема жизни, но вовсе не было религиозно-мировоззрения. Он и не хотел его иметь. Леонтьев тревожился только о том, чтобы его языческий натурализм не был ему вменён или поставлен в вину и в грех» [7];

во-вторых, Г.В. Флоровский отмечал, что в религиозном эстетизме К.Н. Леонтьева объективно присутствуют западные, латинские мотивы (поэтому не случайны его частные сравнения с Л. Блуа); далее — и «католичество его влекло»; и что «странным образом у этого притязательного византийца была совсем протестантская проблематика спасения» [8].

Г.В. Флоровский находит центр пересечения духовно-религиозных и психологических эволюций К.Н. Леонтьева: это страх, своеобразный испуг (в том числе от череды житейских несчастий и неурядиц 1871 г. и около того), который возвращал своего носителя, субъекта в лоно церкви: «Для Леонтьева христианство было только якорем личного спасения, он сам старался сжать всю свою религиозную психологию в рамки трансцендентного эгоизма»; затем Г.В. Флоровский даёт блестящую психологическую характеристику своему персонажу: «У него не могло и быть ясного понятия о Церкви, для того он был слишком индивидуалистом <...> Леонтьев был одним из возвращающихся <...> Каким тягостным и трудным был для него этот возврат, безрадостный, испуганный, скорее с закрытыми глазами, вопреки целой буре внутренних протестов <...> Он уверовал, и веровал с надрывом, с разочарованием и грустью, и вера не стала для него источником вдохновения, оставалась только следствием самобичевания и самопонуждения» [9].

Г.В. Флоровский с грустью замечает, что религиозный образ персонально К.Н. Леонтьева был чрезвычайно созвучен тогдашней эпохе религиозного кризиса, религиозного разложения романтизма; этот образ свидетельствует, что его субъект был, возможно, не столько верующим мыслителем, сколько разочарованным романтиком...

Из этого же источника выводится и сущность морального критерия в мировоззрении К.Н. Леонтьева: поиск силы, красоты, блеска, пестроты (разнообразия) бытия толкает его против добра, против морали; признание вредности зла сопровождается

отказом осуждать его, признанием, что присудительная молитва выше, чем молитва радостная, легкая, умиленная, горячая... «У Леонтьева, — замечает Г.В. Флоровский, — всего неприятнее именно этот постоянный привкус двусмысленности» [10].

Обращение К.Н. Леонтьева к христианской поэзии нам важно, прежде всего, в аспекте развития его историсофских взглядов. Отсутствие системности в христианских оценках и подходах существенно искажает творческий метод К.Н. Леонтьева:

в моральном познании его «как-то никогда не тревожил категорический императив морального закона»;

подлинной «познавательной тоски он не ощущал», так как «мало тревожился об истине»;

не уделяя особого внимания богословию, его возвышенному обоснованию Бога, мира, человека, К.Н. Леонтьев «вовсе не искал в вере света разума; но он всегда искал в христианстве спасения»; его христианство совпадает с философским пессимизмом Э. Гартмана («Христианство для Леонтьева, — констатирует Г.В. Флоровский, — есть только религия конца» [11]). Поэтому в гиперэсхатологизме К.Н. Леонтьев сближается с К. Бартом или Ж. Кальвином; в леонтьевских воззрениях также очень много сходного с поэзией Ф. Ницше (с которым К.Н. Леонтьев не был знаком);

в социально-исторических подходах он «не видел религиозного смысла, в истории он оставался эстетом и биологом, и тем вполне удовлетворялся» [12]. Позже подобные соотнесения в критике К.Н. Леонтьева стали общим местом.

Наконец, несколько слов о религиозном действии, о центральном нерве христианского миропонимания, который выражается вопросом вопросов: «Как жить свято?» На этот вопрос К.Н. Леонтьев «с надрывом и раздражением отвечал: «Помни о смерти...» «Для жизни он оставлял хищную мудрость здешнего мира... Всю остроту такого решения, — с уважением констатирует Г.В. Флоровский, — почувствовало уже следующее поколение к концу века» [13].

Одним из наиболее интересных внутренних микроочерков в анализируемой работе Г.В. Флоровского является сравнение К.П. Победоносцева и К.Н. Леонтьева, которых, как известно,

многие исследователи (увы, в чём-то совершенно поверхностно) записывают в общий ранжир консервативного лагеря.

Для Г.В. Флоровского К.П. Победоносцев:

пропитан педантичным духом законничества и нетерпимого морализма (обер-прокурора Святейшего Синода по этим основаниям остроумно сравнивали с «круглоголовым»);

жаждал властвовать в церкви «ради народного блага», хотя «мистической реальности» православия он «как-то не чувствовал»;

стремясь к власти, был «бесчувственно нетерпим» к окружающим (в церкви, в государстве, в обществе), и тем самым создавал вокруг себя «жуткую иллюзию ледяного покоя»;

был энергичен и настойчив в возвышении обер-прокурорского властвования.

«Настойчивость Победоносцева часто объясняется его страхом перед надвигающейся революцией, и его сравнивают с Константином Леонтьевым. Сравнение неточно», – утверждает Г.В. Флоровский [14]. К.Н. Леонтьев для него:

– противник «бездарного безмолвия» «испуганных охранителей», который «ясно видел, что ограничить всю изнутри Церковь одним охранением значило оберечь её почти что и на полное бессилие»; («запрет не есть средство убеждения»);

– сторонник «обновляющих реформ в Церкви, которыми она обладала в ее лучшие времена»; (К.Н. Леонтьев утверждал, что наступило время богословствовать даже мирянам; личную жизнь надо связывать послушанием, хотя ум должен оставаться свободным – в пределах догмата и предания; «ведь есть новые вопросы, и о них подобает писать мирянам, исследуя пути...»).

Сравнение этих двух по-своему выдающихся людей – К.П. Победоносцева и К.Н. Леонтьева – позволяет Г.В. Флоровскому прийти к следующему, весьма жесткому заключению: «Для Победоносцева не было таких «новых вопросов», которые бы стоило решать. Вопросать опасно. Он избрал именно то «бездарное безмолвие», которое Леонтьев осуждал.

Победоносцев не хотел, чтобы о вере размышляли и говорили. Он был не только пессимист, но и скептик» [15]. Удивительно актуальная оценка.

Продолжает ряд исследователей творчества К.Н. Леонть-

ева священник, церковный историк и публицист *И.И. Фудель**. В отличие от Г.В. Флоровского *И.И. Фудель* – не только современник, но и большой друг К.Н. Леонтьева. Впервые они (формально) встретились в 1886 г. в редакции «Русского дела», а в 1887 г. *И.И. Фудель* отдельной книгой издал свои «Письма о современной молодежи» и послал экземпляр К.Н. Леонтьеву в Оптину Пустынь. С этого момента и началась, собственно, их дружба [16]. Сын *И.И. Фуделя* – *С.И. Фудель* – позже вспоминал: «Отец многим был обязан Леонтьеву, любил его как человека большого ума и сердца, был близок к его идеям исторического пессимизма, но он никогда не был леонтьевцем» [17]. Тем интереснее взгляд заинтересованного человека, позицию которого относительно К.Н. Леонтьева В.С. Соловьев считал «совершенно верным взглядом».

Обратим внимание на статью *И.И. Фуделя* «Культурный идеал К.Н. Леонтьева», печатавшуюся как отклик на статью другого автора – Л.А. Тихомирова – «Русские идеалы и К.Н. Леонтьев» (последняя опубликована в октябрьском номере журнала «Русское обозрение» за 1894 г.).

И.И. Фудель использовал преимущества историко-генетического метода, чтобы показать происхождение и развитие мировоззрения К.Н. Леонтьева. Работы *И.И. Фуделя* позволяют нам понять логические, когнитивные причины леонтьевской неоднозначности, парадоксальности, кажущейся нелогичности его выводов. В его понимании тексты К.Н. Леонтьева действительно трудно усваиваются, поскольку их автора трудно назвать публицистом или философом в собственном смысле этих понятий, а в его рассуждениях отсутствует явная, изначально заданная логическая конструкция, что и предполагает афористическую парадоксальность леонтьевских выводов.

И.И. Фудель называл К.Н. Леонтьева «художником мысли», понимая под этим определением, прежде всего, человека, мыслящего яркими художественными образами, а не мыслительными логическими конструктивными связками. В данном случае эстетическая иллюстративность заменяет К.Н. Леонтьеву доказательность; выигрыш от этого – высвечивание каких-то, часто новых проблем, доступных избирательно-эстетическим подходам и оценкам, но понимаемых с затруднением, когда для

их решения применяются средства формально-логического познания.

Эстетизирование, художественно-образный уклон в миропонимании К.Н. Леонтьева всегда делали (и делают) его лёгкой добычей для поверхностного критика, для ревнителей строго логического обоснования в сфере когнитивного. И.И. Фудель даёт совет будущим исследователям леонтьевского творчества: «Для того, чтобы уяснить себе точку зрения этого «художника мысли» и увидеть в его писаниях... глубокое и цельное мировоззрение, необходимо, изучив всё написанное К.Н. Леонтьевым, перевести на логический язык его художественную мозаику и сложить в своём уме всё это в некоторую систему» [18].

Только таким образом, проводя анализ на основе логических рекомбинаций, можно избежать поверхностного упрощённого толкования сложного и неоднозначного феномена эстетизированной рефлексии К.Н. Леонтьева.

И.И. Фудель увидел, что идея красоты, полученная К.Н. Леонтьевым в результате «прекрасного домашнего воспитания», вначале легла в основу его «Я», а затем уже составила «основу его культурных стремлений, его культурного идеала» [19].

6 июля 1888 г. в письме к И.И. Фуделю К.Н. Леонтьев представил краткую и наглядную схему своего мировоззрения:

«1. Государство должно быть пестро, сложно, крепко, сословно и с осторожностью подвижно. Вообще сурово, иногда и до свирепости.

2. Церковь должна быть независимее нынешней. Иерархи должны быть смелее, властнее, сосредоточеннее. Церковь должна смягчать государственность, а не наоборот.

3. Быт должен быть поэтичен, разнообразен в национальном, обособленном от Запада единстве...

4. Законы, принципы власти должны быть строже; люди должны стараться быть лично добрее; одно уравнивает другое.

5. Наука должна развиваться в духе глубокого презрения к своей пользе» [20].

Возьмём, к примеру, защиту К.Н. Леонтьевым государства и сословного строя. И.И. Фудель поясняет, каким образом в данном случае к государственной жизни прикладывался эстетический принцип: поскольку закон красоты есть разнообразие в

единстве, постольку для сохранения «поэзии жизни» необходимо сохранение всего того, что обуславливает это разнообразие; сословность укрепляет государственность, может быть, без внешней соотнесенности с эстетикой, но «крепость государства» – опять-таки – ведущее условие развития красоты жизни, поскольку «государственная сила есть скрытый железный остов, на котором великий художник – история – лепит изящные и могучие формы культурой человеческой жизни» (К.Н. Леонтьев) [21].

Тот же эстетический подход, но с точностью до наоборот, показывает отношение К.Н. Леонтьева к современной западной жизни. «Демократический процесс, все уравнивающий, все сглаживающий, со страшной силой распространяющийся всюду и уничтожающий собой все, что составляет красоту жизни, – пишет И.И. Фудель, – мог быть только ненавистен такому страстному эстету, как К. Леонтьев». Способность К.Н. Леонтьева сильнее и ярче прочих мыслителей демонстрировать негативные следствия социального прогресса («торжество среднего буржуазного Европейца с его прозаической пошлостью и в жизни, и в стремлении ко всеобщему равенству и однообразию») – «великая заслуга его перед русской культурной мыслью» [22].

В отношении религиозности К.Н. Леонтьева, сущности его религиозного переживания И.И. Фудель делает одно принципиальное замечание о том, что традиционный выбор между эстетическим и христианским мерилami миропонимания не миновал и его героя: «Со времени своего обращения к христианству <...> он всегда подчинял эстетические стремления своей натуре требованиям веры и Церкви. Подчинение это сопровождалось борьбой» [23]. И.И. Фудель в этом отношении мягко называет К.Н. Леонтьева «героем христианства»; а крупнейший авторитет в изучении наследия К.Н. Леонтьева – священник Константин Агеев – более жестоко утверждал, что у К.Н. Леонтьева эстетический элемент преобладал над этическим: «В душе Леонтьева атеист-язычник жил совместно с истинным монахом православной церкви» [24].

Стремление К.Н. Леонтьева опоэтизировать, эстетизировать строгий византийский вариант православия выразилось в его благоговейном отношении к тем местам, где, хотя бы от-

части, осуществлялся его идеал (Афон, Оптина Пустынь и т.п.).

Тем самым К.Н. Леонтьев вносил во многом новые нотки в звучание темы национального (культурного, религиозного и пр.) самоопределения. И.И. Фудель отметил, что феномен К.Н. Леонтьева с особой силой проявлялся в обстановке поиска национальных ориентиров, на переломе – когда «старшее» славянофильство (первая попытка национального самоопределения) уже уходит со сцены, а ему на смену приходят Н.Я. Данилевский, Ф.М. Достоевский, Н.Н. Страхов, М.Н. Катков, П.Е. Астафьев, К.Н. Леонтьев <...> Те, кто самостоятельно (вне старой школы) трудились над развитием русской национальной идеи. И.И. Фудель вполне закономерно выводит: «И самым ярким выразителем этого 'культурного русизма' <...> является, конечно, К.Н. Леонтьев»[25].

В 1916 г. студент Московской духовной академии В. Добров защитил при кафедре систематической философии и логики кандидатскую диссертацию «Религиозно-эстетические взгляды К.Н. Леонтьева» [26], фрагмент который был опубликован через 80 лет [27]. В этом исследовании В. Добров подробно и обстоятельно, опираясь на множество новых, неизвестных другим исследователям источников, показывает, как формировалось мировоззрение К.Н. Леонтьева, его религиозно-этические основы.

В этом контексте В. Добровым вполне добросовестно оценено влияние семьи: матери – Феодосии Петровны (урожденной Кабановой), деда (по материнской линии) – Петра Матвеевича, в меньшей степени (по эффекту влияния) отца – Николая Борисовича; «самой эстетизированной и утонченной в стилевом отношении» барской усадьбы (родовое имение Кудиново в Калужской губернии); Афонских и Оптинских старцев.

Сам К.Н. Леонтьев не раз выделял определенные качественные стадии формирования своей религиозности. Многое из заложенного в детстве («Благодаря матери, – пишет К.Н. Леонтьев, – я получил хорошее религиозное воспитание») сказалось в нем позже. Например, мать К.Н. Леонтьева была по духу весьма религиозна, но, по замечанию В. Доброва, она не была «достаточно православна», «несколько тяготея к протестантизму»; она также не была фанатично богомольна, напротив, слишком на-

божные люди «ею презирались»; она не считала необходимым во всем соблюдать обрядовую строгость русского православия. Позже и К.Н. Леонтьева не раз будут упрекать в скрытом «латинстве», уклонах в католичество; в последние годы он – с высоким религиозным чувством – будет соблюдать необходимые обряды, но... и желание «молитвы тихой, горячей и покорной» также сохранится в его религиозном сознании до самой кончины.

Таким образом, прежде всего мать в период детства заложила в личность К.Н. Леонтьева те некие системообразующие основы (религиозного) мировоззрения, впоследствии сыгравшие решающую роль в развитии неординарных взглядов этого замечательного мыслителя.

Далее, не вдаваясь собственно в религиозную составляющую проблемы, обратимся к характеристике, которую В. Добров дает взаимоотношениям, сложившимся у К.Н. Леонтьева со старцами.

Так, афонский старец отец Иероним оказывал упорядочивающее влияние на гордый и мятущийся нрав К.Н. Леонтьева своей суровостью, чем немало способствовал «наибольшему рассвету его духовных сил и природных дарований» [28]. Оптинские старцы отец Амвросий и отец Климент продолжили этот процесс.

Отец Амвросий – сторонник непосредственного общения с собеседником в целях научения принципам христианской жизни – был для «внутренне гордого» К.Н. Леонтьева недостаточно «утешительным», а то и просто «ужасным» (оценка К.Н. Леонтьева). Старец заставлял его лаконично излагать собственное миропонимание, причем учил делать это лапидарно, резюмируя, без предварительных рассуждений и пр. Для склонного к сложной рефлексии К.Н. Леонтьева этот процесс был «сущей мукой». И в этих затруднениях на помощь приходил отец Климент, «который рассуждал за старца <...>, употреблял все усилия, чтобы приучить Леонтьева к нему» [29].

К.Н. Леонтьев тесно сошелся с отцом Климентом; последний также «пребывал с ним во взаимной дружбе до кончины своей». Пожалуй, лучше всего характеризует их взаимообогащающий обмен замечательная работа К.Н. Леонтьева о своем

духовном наставнике [30].

К.Н. Леонтьев испытывал (что неоднократно признавал) положительное влияние на себя Оптиной Пустыни. В. Добров приводит соответствующие оценки из его письма к А.А. Александрову: «Если, наконец, старше я стал (после 40 лет) предпочитать мораль поэзии, то этим я обязан, право, не годам, не старости, не болезням <...> но Афону, а потом Оптиной...» [31]. Именно здесь, в святых местах, как считал К.Н. Леонтьев, ему было дано суровое, настоящее православное мировоззрение, идеалам которого он старался следовать до конца.

Ценность исследования В. Доброва для нас не только в новизне многих использованных источников, глубоком психологизме сюжетов о религиозном влиянии в процессе межличностного общения К.Н. Леонтьева и православных адептов, но и в значении монастырских идеалов для формирования проблематики византизма, ее насыщении конкретным и значимым содержанием.

Наиболее развернутую характеристику мировоззрения К.Н. Леонтьева дал В.В. Зеньковский в своих работах «Русские мыслители и Европа» и «История русской философии» (причем в первом из упоминаемых трудов позиция К.Н. Леонтьева анализируется в рамках одной главы с евразийцами, а во втором — с В.В. Розановым).

Нарушая логику изложения интересующего нас материала, принятую в работах В.В. Зеньковского, выделим для анализа последовательность следующих элементов: сочетание, взаимовлияние религиозного, эстетического и морального аспектов мировоззрения К.Н. Леонтьева, в том числе в их воздействии на понимание социально-исторической проблематики.

Начнем с эстетизма, который, как пишет В.В. Зеньковский, «во внутреннем мире Леонтьева сидел так глубоко, что... стал в известном смысле «автономным», с тенденцией определять все иные сферы духовной жизни» [33].

В полной мере идею первичности именно эстетизма у К.Н. Леонтьева разделял К.М. Агеев, по мнению которого, «Леонтьев вступил в жизнь эстетом» и даже в эпоху расцвета религиозной жизни «искажал и опустошал содержание веры во имя эстетики»; признавая в личности К.Н. Леонтьева наличие мощ-

ного религиозного начала, указанный автор утверждает, что именно «эстетическое чувство толкало Леонтьева к Православию» [34].

В.В. Зеньковский отмечает нюансы освещения вопроса о соотношении в сознании К.Н. Леонтьева эстетического и религиозного начал, например, в изложении Н.А. Бердяева. Последний считал оба методологических фактора (в значении для становления личности К.Н. Леонтьева) коренными, взаимнепроизводными, «сросшимися друг с другом еще с детства» [35]. Сам В.В. Зеньковский придерживался той точки зрения, что религиозное переживание внедрялось в сознание К.Н. Леонтьева через эстетическое переживание красоты, святости: «Духовный мир Леонтьева с самого раннего детства был обвеян религиозными переживаниями, но они <...> преимущественно были обращены к «внешним формам» церковной жизни <...> Еще мальчиком Леонтьев полюбил богослужения, жил ими, он впитал в себя все содержание культуры под эгидой эстетического любования церковью, еще не думая о внутренних диссонансах в культуре» [36].

В данном контексте В.В. Зеньковский психологически исключительно тонко анализирует становление личной культуры К.Н. Леонтьева как секулярной: «Через этот-то эстетический склад души, незаметно для религиозного сознания, то есть не разрывая с ним, вливалась в душу Леонтьева незаметно культура секуляризма. Оставаясь религиозным, Леонтьев позже жадно впитывает в себя все содержание секулярной культуры», для которой свойственно «дисгармоническое сочетание внерелигиозной и антирелигиозной культуры с внешней верностью Церкви» [37]. В парадоксальности этого сочетания – источник внутреннего кризиса К.Н. Леонтьева в начальный период его религиозности, когда он (подсознательно) выбирал «между подлинно религиозным и безрелигиозным отношением к миру и культуре» [38].

Секуляризм, известный постулат вольнодумства, предполагающий жизнь, свободную от христианства, без сомнения, интроецировался и в сфере морального сознания К.Н. Леонтьева. Пресловутый эстетический момент подавлял, вытеснял моральные установки, видоизменял их, но не отрицал. В.В. Зеньковский отмечает, что для К.Н. Леонтьева все «нравственно или

безнравственно только в эстетическом смысле»; и что было бы «страшно неправильно думать о личном «аморализме» Леонтьева, об отсутствии у него моральных движений» [39].

Рассуждая по поводу «борьбы поэзии с моралью» [40] в личных позициях К.Н. Леонтьева, В.В. Зеньковский синтезирует этическую и религиозную составляющие своих оценок: «Выпадение морального начала из общего понимания жизни было лишь последовательным проведением примата эстетической позиции – примата, охраняемого авторитетом церковности. Незаметно для себя Леонтьев оказался, по существу, в плену секулярного эстетизма, то есть уже отделившегося от этики, а следовательно, и от религиозной сферы в ее основе» [41].

Выпадение морального начала вызвало и постепенное омертвление его религиозной сферы. Здесь завязка религиозного кризиса К.Н. Леонтьева. Болезнь, жизненные неурядицы, повернувшие его к православию, и не к внешним эстетизированным проявлениям, как раньше, а к настоящему религиозному чувству, стали переломным этапом. Его дальнейший путь – «возврат к морали..., всецело и до конца определяемой религиозным пониманием жизни» [42]. Эстетизм и благодушная религиозность («розовое христианство», как позже скажет К.Н. Леонтьев о Ф.М. Достоевском) сменило посткризисное сознание, круто замешанное на подлинной вере.

Не вдаваясь в анализ богословских построений В.В. Зеньковского о динамике религиозного сознания К.Н. Леонтьева, обратим внимание на продолжение темы развития его морального сознания. В критике К.Н. Леонтьева упреки его в антигуманизме, аморализме стали действительно общим местом. В.В. Зеньковский, пожалуй, лучше прочих авторов ставит здесь точки над и:

во-первых, К.Н. Леонтьев (может быть излишне) решительно противопоставлял современную ему гуманность буржуазного прогресса и гуманность христианства как антитезы [43]. В связи с этим, например, Л. Зандер говорил о «полной атрофии морального чувства» у К.Н. Леонтьева, а С.Н. Булгаков даже называл его «моральным уродом» [44].

Мы видим, что экзистенциальные парадоксы К.Н. Леонтьева вызывают раздражение и отчуждение читающей публики,

но требуют все же более серьезного изучения, поскольку выдают глубокую и продуманную авторскую систему.

Во-вторых, многие критики упрекали К.Н. Леонтьева в «трансцендентальном эгоизме» (в основе такого вывода лежит тот безусловный факт, что «забота о личной загробной судьбе как бы отодвинула, подавила в нем всякое непосредственное моральное чувство» [45]). Проблема в данном случае в антропологических установках К.Н. Леонтьева, который «отказывается трактовать проблему человека, проблему его жизни лишь в отношении к отрезку его земной жизни. Он глубоко живет сознанием, что человек живет и в потустороннем мире, и что его жизнь там зависит от жизни здесь» [46].

Может быть, К.Н. Леонтьев и заслуживает некоторых упреков за переоценку темы спасения человеческой души, соответственно – недооценку («отвращение к реальности») собственно земного этапа существования личности; но не следует осуждать доминирование сотериологических интенций в рассуждениях глубоко и истинно верующего человека. «Леонтьев, – пишет В.В. Зеньковский, – с небывалой силой в русской литературе ставит вопрос о спасении» [47].

К.Н. Леонтьева часто сравнивают с Ф. Ницше. По мнению В.В. Зеньковского, их действительно роднит «этическая и эстетическая придирчивость» к современному человеку, основанная на понимании его сущности в соотношении с вечной жизнью, Абсолютом. К.Н. Леонтьев принципиально не принимал понимание человека, утверждавшееся в то время (Новое время): для него это тот буржуазный гуманизм, «который не ищет высоких задач для человека <...>, а просто поклоняется человеку вне его отношения к идеалу» [48].

Раньше, чем Ф. Ницше, К.Н. Леонтьев решительно разделил «любовь к ближнему» (суть – к отдельному человеку) и «любовь к дальнему» (человечеству). Первую К.Н. Леонтьев горячо и заинтересованно защищал, вторую – не менее страстно высмеивал за ее надуманность и неправду, за непонимание «непоправимого трагизма жизни».

К.Н. Леонтьев полагал страдание неизбежным и целевым моментом жизни; он выступал против «утешительного ребячества», благодушного оптимизма; советовал всем обра-

титься к «суровому и печальному пессимизму, к мужественному смирению перед несправедливостью земной жизни»; он напрочь отвергал «безумную религию эвдемонизма» [49].

К.Н. Леонтьев считал очень важным различать любовь моральную и любовь эстетическую. Первая, по его мнению, есть подлинное милосердие, вторая – просто «восхищение» [50]. В отношении к конкретному человеку, к «ближнему» он восхваляет личное милосердие, но при этом жестко ограничивает его христианским смыслом. Без «страха Божия» любовь к людям теряет свой глубокий источник, легко превращается в сентиментальность, в поверхностную и никчемную жалость.

«Любовь к дальнему», «лежащая в основе всего европейского гуманизма с его идеалом всеобщего благополучия, – пишет В.В. Зеньковский о взглядах К.Н. Леонтьева, – есть как раз мечтательное восхищение перед «идеей человека вообще», а это – и ни к чему не обязывающее, и ни к чему не зовущее поклонение человечеству. Тут вовсе и нет добра, – оттого в новейшем гуманизме есть много пылкости, переходящей в революционаризм, но нет подлинного добра». И далее: «Леонтьев очень глубоко почувствовал мечтательность в идеале «всеобщего» благополучия и никакой подлинно моральной ценности в этом идеале он не увидел» [51].

Для К.Н. Леонтьева «лихорадочная забота о земном благе грядущих поколений» есть «упрощение трагической темы истории», а «психологизм» и «сентиментализм» моральности нового времени предполагает новейшем гуманизме есть много пылкости, «потребность более строгой морали» [52].

В.В. Зеньковский приходит к тому выводу, что «Леонтьев гораздо более моралист, чем эстетизирующий мыслитель (как его изображают), но его мораль суровая, ограниченная сознанием трагичности, вытекала из его религиозного восприятия современности» [53]. По мнению этого замечательного автора, К.Н. Леонтьев мучился осознанием скрытой (и часто «изыщной») безнравственности современного ему мира; отрицал тупость утвердившегося «крикливого гуманизма»; понимал под моральной правдой не утопическую идею избавления человечества от страданий, а насущную необходимость воплощения высшего начала.

Записным патриотам прошлого и настоящего бывает трудно принять идею осознания испорченности современного человека и общества, их культуры, которая преобладала у К.Н. Леонтьева, предопределяя его понимание историософии.

Комплекс исторических воззрений К.Н. Леонтьева сложен и противоречив. Прежде всего, следует отметить то, что в области историософских построений он был, как говорится, натуралистом. По его мнению, один и тот же закон определяет ступени в развитии природного и социального [54]: всякий организм от исходной простоты восходит к «цветущей сложности», от которой через «вторично упрощение» и «уравнительное смешение» идет к смерти.

В.В. Зеньковский объективно отмечает, что «в формуле Леонтьева договаривается до конца то перенесение категории органической жизни на историческое бытие, которое до Леонтьева было уже с достаточной степенью развито Н.Я. Данилевским в его книге “Россия и Европа”. Данилевский первый в русской философии начал тему о подчиненности исторического бытия тем же законам, каким подчинена природа..., и его бесспорное влияние на русскую историософию относится не столько к учению о “культурных типах”, сколько именно к вопросу о единстве законов природы и истории» [55].

К.Н. Леонтьев неоднократно подчеркивал прямую зависимость своих воззрений от учения Н.Я. Данилевского, при этом он закономерно «не ощущал различия природы и всецело подчинил человека и историческое бытие тем же законам, какие господствуют в мире органическом» [56].

Политическая сторона истории представляла для К.Н. Леонтьева первостепенный интерес, но В.В. Зеньковский точно заметил, что «это не было этатизмом <...>, так как Леонтьев не подчинял Церковь государству, не возводил государственность в высший принцип» [57]. В этом отношении он резко расходился, например, с М.Н. Катковым и другими представителями этатизма в русской общественной мысли.

Государственность понималась К.Н. Леонтьевым, прежде всего? через призму эстетизма. Не случайно такой глубокий знаток его творчества, как В.В. Розанов, назвал свою работу, посвященную К.Н. Леонтьеву, «Эстетическое понимание истории»

[58]. Сам Константин Николаевич однажды написал: «Эстетика спасла во мне гражданственность» [59], что в его случае означало признание «силы» иерархической структуры («формы») ведущим условием признания красоты жизни.

По мнению В.В. Зеньковского у К.Н. Леонтьева присутствовал «культ государственности», которая в его понимании являлась скрепляющим началом социальных процессов. «Государственность обеспечивает жизнь и развитие народа или народов, но самая сила государственности зависит от духовного и идеологического здоровья его населения. Вырождение государственности и духовное вырождение народов идут параллельно одно другому» [60]. И далее К.Н. Леонтьев естественно и логично переходит к изложению своего известнейшего «триединого процесса».

Общие принципы историософии К.Н. Леонтьева – в применении к практическому политическому действию – ставят «вопрос о том, что нужно делать или чего надо избегать, чтобы не оказаться на путях увядания и разложения». Критика К.Н. Леонтьевым современной ему европейской культуры «остра и беспощадна, едка и сурова». В.В. Зеньковский, прежде всего, обращает внимание на следующее:

демократизация, с одной стороны, и развитие национализма, с другой, являются проявлением вторичного упрощения, упростительного смещения, то есть демонстрируют «явные признаки биологического увядания и разложения в Европе»; К.Н. Леонтьев «подмечает все тревожные признаки “умирания” Европы, в которых страсть к «разлитию всемирного равенства и к распространению всемирной свободы ведет к печальному итогу: сделать жизнь человеческую на земном шаре совсем невозможной» [61];

критика современной культуры Европы в эстетическом аспекте носит в устах К.Н. Леонтьева еще более беспощадный характер, направленный против «неистребимой пошлости мещанства»;

отнесение К.Н. Леонтьева к «апостолам реакции» связано с тем, что он «бесстрашно» защищал суровость государственной политики и даже «воспевал священное право насилия со стороны государства». Его отношение к свободе, равенству –

серьезное испытание для современного подлинного либерально-демократа: свобода, по его мнению, «привела личность только к большей безответственности; толки о равенстве и всеобщем благополучии – исполинская толчея, всех и все толкущая в одной ступе псевдогуманной пошлости и прозы... Приемы эгалитарного процесса – сложны; цель – груба, проста по мысли. Цель всего – средний человек, буржуа, покойный среди миллионов таких же средних людей, тоже покойных».

В.В. Зеньковский констатирует, что К.Н. Леонтьев искренне ненавидит не само человечество («заблудшее и глупое»), но его будущее [62]; мысль К.Н. Леонтьева («Никогда еще в истории до нашего времени не видали такого уродливого сочетания умственной гордости перед Богом и нравственного смирения перед идеалом однородного, серого рабочего, только рабочего, и безбожно бесстрастного всечеловечества» [63]) имеет, прежде всего, перспективное, а не пессимистическое значение.

В.В. Зеньковский также констатировал, что К.Н. Леонтьеву не удалось «развить положительную программу исторического делания». В основе этой невозможности – «неполнота его религиозного сознания, неумение выяснить то, что христианство есть спасение жизни, а не спасение от жизни». В.В. Зеньковский замечает, что К.Н. Леонтьев занимает одно из значительнейших мест в истории и диалектике русской общественной мысли, и значительность его таланта определяется умением бесстрашно обнажать коренные вопросы современности [64].

В свою очередь, мы можем с полным основанием заключить, что и в наше время (постмодернистских) исканий общественной мысли творчество К.Н. Леонтьева продолжает оставаться предметом внимания исследований различных направлений и школ.

Примечания

1. Флоровский, Г. Пути русского богословия [Текст]. – Вильнюс: «Вильтис», 1991. – 412 с. (Репринт. изд. Париж, 1937).
2. Флоровский, Г. Пути русского богословия [Текст]. – Вильнюс: «Вильтис», 1991. – С. 307.
3. Флоровский, Г. Пути русского богословия [Текст]. –

- Вильнюс: «Вильтис», 1991. – С. 306.
4. Флоровский, Г. Пути русского богословия [Текст]. – Вильнюс: «Вильтис», 1991. – С. 305.
5. Флоровский, Г. Пути русского богословия [Текст]. – Вильнюс: «Вильтис», 1991. – С. 303.
6. Флоровский, Г. Пути русского богословия [Текст]. – Вильнюс: «Вильтис», 1991. – С. 302.
7. Флоровский, Г. Пути русского богословия [Текст]. – Вильнюс: «Вильтис», 1991. – С. 302.
8. Флоровский, Г. Пути русского богословия [Текст]. – Вильнюс: «Вильтис», 1991. – С. 302.
9. Флоровский, Г. Пути русского богословия [Текст]. – Вильнюс: «Вильтис», 1991. – С. 304.
10. Флоровский, Г. Пути русского богословия [Текст]. – Вильнюс: «Вильтис», 1991. – С. 304.
11. Флоровский, Г. Пути русского богословия [Текст]. – Вильнюс: «Вильтис», 1991. – С. 304.
12. Флоровский, Г. Пути русского богословия [Текст]. – Вильнюс: «Вильтис», 1991. – С. 304.
13. Флоровский, Г. Пути русского богословия [Текст]. – Вильнюс: «Вильтис», 1991. – С. 308.
14. Флоровский, Г. Пути русского богословия [Текст]. – Вильнюс: «Вильтис», 1991. – С. 414.
15. Флоровский, Г. Пути русского богословия [Текст]. – Вильнюс: «Вильтис», 1991. – С. 414–415.
16. См.: Фудель, С.И. Воспоминания // Новый мир. – 1991. – №3. – С. 194–195.
17. Фудель, С.И. Воспоминания // Новый мир. – 1991. – №3. – С. 204.
18. Фудель, И.И. Культурный идеал К.Н. Леонтьева // Литературная учеба. – 1992. – Кн.1 – 2 – 3. – Январь – июнь. – С. 160.
19. Фудель, И.И. Культурный идеал К.Н. Леонтьева // Литературная учеба. – 1992. – Кн.1 – 2 – 3. – Январь – июнь. – С.168.
20. Леонтьев, К.Н. Избранные письма. 1854–1891 гг. – СПб., 1993. – С. 462.
21. Цит. по: Фудель, И.И. Культурный идеал К.Н. Ле-

онтьева // Литературная учеба. – 1992. – Кн.1 – 2 – 3. – Январь – июнь. – С. 168.

22. Фудель, И.И. .Культурный идеал К.Н. Леонтьева // Литературная учеба. – 1992. – Кн.1 – 2 – 3. – Январь – июнь. – С. 169.

23. Фудель, И.И. .Культурный идеал К.Н. Леонтьева // Литературная учеба. – 1992. – Кн.1 – 2 – 3. – Январь – июнь.

24. Русские философы / конец XIX – середина XX века/: Антология. Вып.1. – М.: Изд-во «Книжная палата»,1993. – С. 292.

25. Фудель, И.И. .Культурный идеал К.Н. Леонтьева // Литературная учеба. – 1992. – Кн.1 – 2 – 3. – Январь – июнь. – С. 161.

26. Добров, В. Религиозно-этические взгляды К.Н. Леонтьева: кандидатское сочинение. – М.: Императорская Московская духовная академия, 1916. – 345 с.

27. Добров, В. Константин Леонтьев в Оптиной Пустыни и у стен Троице-Сергиевой лавры // Литературная учеба. – 1996. – Книга 3. – Май–июнь. – С. 129–140.

28. Добров, В. Константин Леонтьев в Оптиной Пустыни и у стен Троице-Сергиевой лавры // Литературная учеба. – 1996. – Книга 3. – Май–июнь. – С. 132.

29. Добров, В. Константин Леонтьев в Оптиной Пустыни и у стен Троице-Сергиевой лавры // Литературная учеба. – 1996. – Книга 3. – Май–июнь. – С. 132.

30. См.: Леонтьев, К.Н. Отец Климент Зедергольм, иеромонах Оптиной Пустыни // Русский вестник. – 1879. – № 11–12 и др.

31. Цит. по. : Добров, В. Константин Леонтьев в Оптиной Пустыни и у стен Троице-Сергиевой лавры // Литературная учеба. – 1996. – Книга 3. – Май–июнь. – С. 135.

32. См.: Русская философия. / Малый энциклопедический словарь. – М.: Наука, 1995. – С. 202–203.

33. Зеньковский, В.В. История русской философии. – М.: Академический проект, Раритет, 2001. – С. 418.

34. См.: Агеев, К.М. Христианство и его отношение к благоустроению земной жизни: Опыт критического изучения и богословской оценки раскрытия К.Н. Леонтьевым понимания

христианства. – Киев: Тип. «Петр Барский», 1890. – С. 17, 49, 301.

35. См. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли. Алексей Степанович Хомяков. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 14.

36. Зеньковский, В.В. История русской философии. – М.: Академический проект, Раритет, 2001. – С. 423.

37. Зеньковский, В.В. История русской философии. – М.: Академический проект, Раритет, 2001. – С. 423.

38. Зеньковский, В.В. История русской философии. – М.: Академический проект, Раритет, 2001. – С. 423.

39. Зеньковский, В.В. История русской философии. – М.: Академический проект, Раритет, 2001. – С. 423.

40. Оценка самого К.Н. Леонтьева, данная им в письме А.А. Александрову. См.: Богословский вестник. – 1914. – № 3 – С. 456.

41. Зеньковский, В.В. История русской философии. – М.: Академический проект, Раритет, 2001. – С. 424–425.

42. Зеньковский, В.В. История русской философии. – М.: Академический проект, Раритет, 2001. – С. 425.

43. Леонтьев, К.Н. Сочинения: Собр. соч. Т.1–9. – М.: Тип. В.М. Саблина, 1912–1913. – Т.8. Критические статьи. – С. 203.

44. См.: Зандер, Л. Константин Леонтьев о прогрессе. – Пекин: Тип. лит. т-ва «Восточное просвещение», 1926. – С. 9; Булгаков, С.Н. Тихие думы. – М., 1996. – С. 93.

45. Зеньковский, В.В. История русской философии. – М.: Академический проект, Раритет, 2001. – С. 429.

46. Зеньковский, В.В. История русской философии. – М.: Академический проект, Раритет, 2001. – С. 427.

47. Зеньковский, В.В. История русской философии. – М.: Академический проект, Раритет, 2001. – С. 426.

48. Зеньковский, В.В. История русской философии. – М.: Академический проект, Раритет, 2001. – С. 428.

49. Леонтьев, К.Н. Сочинения: Собр. соч. Т.1–9. – М.: Тип. В.М. Саблина, 1912–1913. – Т.8. Критические статьи. – С. 189; Т.5. Восток, Россия и славянство. – С. 251.

50. Леонтьев, К.Н. Сочинения: Собр. соч. Т.1–9. – М.:

Тип. В.М. Саблина, 1912–1913. – Т.8. Критические статьи. – С. 178–181.

51. Зеньковский, В.В. История русской философии. – М.: Академический проект, Раритет, 2001. – С. 429–430.

52. Леонтьев, К.Н. Сочинения: Собр. соч. Т.1–9. – М.: Тип. В.М. Саблина, 1912–1913. – Т.8. Критические статьи. – С. 189, 203, 257.

53. Зеньковский, В.В. История русской философии. – М.: Академический проект, Раритет, 2001. – С. 430.

54. См.: Леонтьев, К.Н. Соч. Т. 5. Восток, Россия и славянство. Сочинения: Собр. соч. Т. 1–9. – М.: Тип. В.М. Саблина, 1912–1913. – С. 187 (в том числе и вся глава – «Что такое процесс развития».)

55. Зеньковский, В.В. История русской философии. – М.: Академический проект, Раритет, 2001. – С. 431–432.

56. Зеньковский, В.В. История русской философии. – М.: Академический проект, Раритет, 2001. – С. 432.

57. Зеньковский, В.В. История русской философии. – М.: Академический проект, Раритет, 2001. – С. 430.

58. См.: Розанов, В.В. Эстетическое понимание истории. (Теория исторического прогресса и упадка) // Русская мысль. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. – С. 198–296.

59. Леонтьев, К.Н. Сочинения: Собр. соч. – М.: Тип. В.М. Саблина, 1912–1913. – Т.8. Критические статьи. – С. 267.

60. Зеньковский, В.В. История русской философии. – М.: Академический проект, Раритет, 2001. – С. 431.

61. Зеньковский, В.В. История русской философии. – М.: Академический проект, Раритет, 2001. – С. 423.

62. Зеньковский, В.В. История русской философии. – М.: Академический проект, Раритет, 2001. – С. 433–434.

63. Леонтьев, К.Н. Соч. Т.5. Восток, Россия и славянство. Сочинения: Собр. соч. Т.1–9. – М.: Тип. В.М. Саблина, 1912–1913. – С. 269.

64. См.: Зеньковский, В.В. История русской философии. – М.: Академический проект, Раритет, 2001. – С. 435.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Взгляды К.Н. Леонтьева, его идейно-теоретические позиции находились в постоянном движении, изменяясь под действием внутренних факторов и внешних обстоятельств. В соответствии с этим представляется уместным выделить четыре этапа этих изменений:

1) период базового складывания личности под влиянием семейного уклада и матери;

2) начало 50-х годов XIX века – первичная взрослая социализация, частично либеральная и естественнонаучная;

3) первая треть 60-х годов XIX века – постепенное движение от либерализма (разочарование в его идеях) к консерватизму;

4) рубеж 60–70-х годов XIX века (и далее) – период «идейного консерватизма».

Личность К.Н. Леонтьева формировалась под воздействием, прежде всего, условий родового имения – Кудинова. Для К.Н. Леонтьева это был благословенный уголок детства, где он, напомним, впервые познакомился с Оптиной Пустынью. Поэзия русской природы, красота усадебного быта и уклада наполнили сердце будущего мыслителя, определили его эстетические установки, принципы и порядок миропонимания.

Все исследователи творчества К.Н. Леонтьева (и, конечно, он сам) неоднократно подчеркивали то влияние, которое оказывала на него мать. Ф.П. Леонтьева – «славный ваятель духовной природы Леонтьева» – отличалась изяществом, стремлением к красоте, и благородству, монархическими, религиозными и патриотическими убеждениями. Можно сказать, что монархические чувства и консервативные идеалы изначально соединились для К.Н. Леонтьева с идеей прекрасного именно в образе матери.

Думается, что ее влияние прослеживается и в проявлении таких леонтьевских черт, как обаяние, ум, культура, чувственное отношение к жизни, привязанность к изящному, эстетизм и религиозность (последняя – с некоторым протестантским оттенком). Сам К.Н. Леонтьев всегда относился к матери в высшей степени благоговейно.

Поступление в Московский университет (в то время — оплот интеллектуальной оппозиции николаевскому режиму), занятия медициной, студенческое общение и пр. предопределили серьезный идейно-теоретический переворот: в это время К.Н. Леонтьев демонстрировал материалистические ориентации, увлекался естествознанием, слегка либеральничал и политизировал (не имея, впрочем, серьезной базы в этом отношении). Он сохранил романтическое, эстетизированное видение мира, сумел уберечься от атеизма, но его по-детски наивные монархические и религиозные представления все же дали трещину под ударами западных идей (таких, как прогресс, просвещение, равенство, свобода и пр.; впрочем, и о них он не имел серьезного представления).

Эта перемена далась К.Н. Леонтьеву нелегко; он не раз называл свою юность мечтательной, тщеславной и отвратительно-страдальческой; его мучили сомнения в вере, болезни, безденежье, подавленное самолюбие, страх не успеть познать любовь, страсть, успех. Со временем именно страх стал одним из ключевых фрагментов личностной (и особенно религиозной) реализации К.Н. Леонтьева. В это время он часто общался с членами литературно-философского кружка И.С. Тургенева и писательницы К. Тур (Салиас); в этом кружке торжествовало свободомыслие, приветствовались общие либеральные ценности.

Дальнейшее взросление К.Н. Леонтьева, ухудшающиеся условия его жизни, особенно после Крымской войны, предопределили поворот его личности в сторону консерватизма. Весной 1861 г. в очерке «По поводу рассказов Марка Вовчка» (одна из первых публикаций после переезда в Петербург) он уже критиковал идеи прогресса. Отрицательное отношение к буржуазному прогрессу, ассимилирующему равенству эгалитарной свободы усилилось после знакомства К.Н. Леонтьева с произведениями А.И. Герцена и Дж. Ст. Милля (трактат «О свободе»). Надо сказать, что К.Н. Леонтьев был убежден в том, что отказ от идей либерализма произошел у него в 1862 г. (по его словам, это был «довольно мучительный процесс»).

К.Н. Леонтьев с восторгом встретил манифест 19 февраля 1861 года об отмене крепостного права. Он искренне рассчитывал на религиозность и здравый смысл освобождаемого кре-

стьянства, на его способность продемонстрировать миру образцы хозяйственности, культуры и духовности, общинно воплотить лучшие национальные и религиозные черты русского народа. Но политические реалии реформаторства Александра II (рост революционных настроений, студенческие волнения, появление прокламаций и более серьезных форм протестного поведения общества, польское освободительное движение и мн. др.) изменили взгляды К.Н. Леонтьева. Он опять испугался за судьбу России, за свой барски-помещичий уклад, прочно сидевший в его подсознании в качестве идеала, и за многое другое. К.Н. Леонтьев начал идейно дрейфовать в сторону консервативного лагеря. При этом он, не желая (не умея) политически определиться окончательно, полагал, что в России буржуазные реформы (в отличие от Европы) дадут особые, положительные результаты.

К.Н. Леонтьев вначале сблизился с почвенниками (А.А. Григорьев, Н.Н. Страхов), затем со славянофилами. Он, конечно, был слишком оригинален, чтобы полностью стать «своим» для тех или других (как и позднее он не стал подлинным консерватором, реакционером и т.д.); но его отрицательное отношение к Европе, ее буржуазной цивилизации усилилось так же, как и укрепилась приверженность к самодержавию, вера в Россию, в простой народ и крестьянскую общину.

Затруднительность ситуации внутреннего личного перехода, психологические сложности переориентации направили тогдашнее развитие К.Н. Леонтьева «вовнутрь»: в это время он еще «натуралистический эстет» (усложненность византийским аскетизмом придет к нему позднее) и уже крайний персоналист: яркая личность для него – суть и движитель мировой истории; подобная личность может сформироваться лишь в аристократических условиях, следовательно, аристократия (неравенство) – главное условие нормы в историческом развитии; либерализация феодального общества обостряет конфликт реформаторских (в том числе революционно-демократических) и консервативно-охранительных партий и сил; в борьбе этих начал и формируется подлинно аристократическая личность; буржуазный прогресс, усредняющий, глобализирующий процессы и личности, – враг мировой истории.

Как обычно, все эти рассуждения К.Н. Леонтьева буквально пропитаны утонченным эстетизмом и культом Афродиты земной. Отсюда же его (не до конца осмысленное и не вполне научное) эстетизированное неприятие эгалитарного (уравнивающего) прогресса; для К.Н. Леонтьева прогресс через усреднение убивает красоту, суть которой – неравенство, то есть разнообразие, цветущая сложность.

Громадную роль в развитии личности и взглядов К.Н. Леонтьева сыграла его дипломатическая служба на Востоке. В это время окончательно сформировался его мыслительный аппарат, пробудились творческие (писательские, публицистические, административно-политические) амбиции, оформились религиозные пристрастия. Он принципиально стал серьезнее; знакомство с политическими, национальными и конфессиональными проблемами Балкан, активное дипломатическое участие немало способствовали кристаллизации личности К.Н. Леонтьева. Именно восточная тема стала отправной точкой леонтьевских размышлений о панславизме, национальном вопросе, судьбе России, ее предназначении и т.д.

В отношении восточного влияния на К.Н. Леонтьева отметим несколько следующих моментов:

во-первых, здесь К.Н. Леонтьев испытал настоящее разочарование в славянах, в их способности противостоять разрушительному эгалитарному прогрессу, сохранять свою самобытную культуру (естественно, что и панславистские воззрения не встретили его одобрения);

во-вторых, он уточнил для себя понимание проблем национального, границ их распространения, значимости проявления; в его понимании «племенное начало» важно не столько политически, сколько культурно-исторически для выработки (важнейшей для славянства) самобытной русской культуры;

в-третьих, К.Н. Леонтьев, являясь дипломатом, ревностно защищал интересы России в противовес интересам прочих стран; в отношении Европы это усилило его неприязнь к ней, уверенность в ее скорой гибели в результате усреднения и упрощения (результат «эгалитарного прогресса»);

в-четвертых, К.Н. Леонтьев утвердился в мысли об особом историческом призвании нашей страны – в противовес

«окаменевшему» Западу предоставить миру некую новую культуру (спасительную, преображающую, богатую и разнообразную). Здесь заметим, что для К.Н. Леонтьева столкновение интересов России и Европы – явное настоящее и неизбежное будущее (при этом он не считал славян союзниками России). Далее он верил в особую историческую миссию русского народа, который, якобы сохранив свою культурную самобытность (добиться этого – задача властных верхов), даст миру шанс на спасение.

Иными словами, леонтьевскую идейную позицию этого времени можно уподобить либеральному консерватизму (идея профессора Б.Н. Чичерина о соединении либеральных реформ и сильной государственной власти). Но в этом симбиозе у К.Н. Леонтьева либерализма становилось все меньше, а консерватизма (вплоть до махрового и черносотенного реакционерства) – все больше.

После известного поворота 1871 г. мы уже не найдем у К.Н. Леонтьева хоть каких-то положительных оценок либеральной традиции вообще, и в применении к России в частности. Окончательный разрыв с либерально-демократическим лагерем был связан с наступлением у К.Н. Леонтьева периода совершенно однозначного пессимизма (мировоззренческого, гносеологического, теологического).

Мы можем обозначить этот период (вплоть до смерти К.Н. Леонтьева) как время утраты веры; здесь, конечно, речь идет не о религиозности К.Н. Леонтьева. Наоборот, с 1871 г. началась его удивительная личная христианская метаморфоза, переход к византийски-аскетическому варианту православия и к монашеству. К.Н. Леонтьев все более утрачивал веру в положительный эффект правительственных реформ, их возможность и действенность. Далее он окончательно пересмотрел свое отношение к политическому национализму; например, отказался от признания идеи политического самоопределения наций (ранее он ее поддерживал в некоторых фрагментах).

Наконец, К.Н. Леонтьев постепенно (прежде всего, под влиянием работ В.С. Соловьева, стремившегося к торжеству рационалистического космополитизма, во что К.Н. Леонтьев в какой-то мере и мог поверить, но не мог принять, не считая космополитизм, особенно религиозный, благом для мира и России)

утрачивал надежды на здоровые силы русского народа. Например, в его письмах (буквально по нарастающей) все сильнее звучало разочарование русскими национальными возможностями и особенностями:

в письме к Н.Н. Страхову от 12 марта 1870 г. К.Н. Леонтьев писал: «Соединение женолюбия с религиозностью не есть признак одного дурного воспитания и варварства, или, например, развращенности и подражания. Это свойственная нам национальная черта, которой еще не сумела овладеть наша робкая литература»;

из Оптиной Пустыни он сообщал своему корреспонденту: «Увы! Большинство русских не любят ни долга, ни обязанностей. А любят увлекаться зря движениями сердца, как добрыми и высокими, так и подлыми и жестокими. Я не вижу пользы в национальном самоослеплении»;

в письме к Вс.С. Соловьеву от 15 января 1877 г. К.Н. Леонтьев заметил, что отсутствие «аккуратности и исполнительности» у русских, их стремление «все делать только для себя», вызывает у него «внутреннее презрение»;

из письма к Я.А. Денисову от 8–9 ноября 1887 г.: «Нет, не мораль призвание русских! Какая может быть мораль у беспутного, бесхарактерного, неаккуратного, ленивого и легкомысленного племени? А государственность – да, ибо тут действуют палка, Сибирь, виселица, тюрьма, штрафы»;

в письме к В.А. Попырниковой от 26 апреля 1888 г. К.Н. Леонтьев следующим образом оценил читающую публику в России: «Я дурного мнения о внимании русских, даже и умных читателей. Читают небрежно, рассеянно и через два дня все забыли. А многого и не понимают вовсе или совсем превратно»;

в письмах к И.И. Фуделю от 6 июля 1881 г., 10 августа и 27 октября 1888 г. К.Н. Леонтьев утверждал, что «русская нация специально не создана для свободы», что «свобода нам вредна и равноправная легальность у нас едва ли привьется», ругает «русскую распущенность и безалаберность», «русскую невыдержку»; и делает вывод: «Не люблю я нашу чистую русскую кровь! Любил прежде крепко, но беспорядок, бесхарактерность, неустойчивость надоели смертельно!»;

в письме к К.А. Губастову от 3 сентября 1880 г. он язвительно заметил, что «эта говенная интеллигенция» губит Россию; в тот же адрес 4–12 июля 1885 г., отвечая на критику своих взглядов со стороны Н.С. Лескова, заявил: «Он зовет меня инквизитором, говорит, что я хочу, чтобы профессоров секли (я этого не говорил, но не скрою от Вас, что я против этого, не шутя, ничего не имею: не в жопе (извините) профессорской сосредоточено все достоинство человеческое)». Как тут не вспомнить известное леонтьевское положение о том, что в пореформенной деревне кабак много полезнее школы, ибо он более способствует сохранению русской самобытности и непобедимости;

в письме к И.И. Фуделю от 6 июля 1881 г. К.Н. Леонтьев вспомнил, что И.С. Аксаков «был за большую свободу печати; он воображал (именно воображал), что эта свобода имеет сама по себе нечто целительное; это неправда. Вред от этой вольной болтовни неизмеримо сильнее пользы» и т.п.

Обвинения К.Н. Леонтьева в русофобии и непатриотичности звучали в XIX веке, звучат они и в наши дни («Письмо читателя» А.И. Солженицына и мн. др.). Сам К.Н. Леонтьев, как обычно, пошел дальше своих обвинителей: 23 апреля 1878 г. в письме к Е.С. Карцевой он задавался следующим вопросом: «Боже, патриот ли я? Презираю ли я или чту свою родину? И боюсь сказать: мне кажется, что я ее люблю, как мать, и в то же время презираю, как пьяную, бесхарактерную до низости дуру».

Мы видим, что К.Н. Леонтьев оставлял за собой принципиальное право патриотического самоопределения. Его радикализм и тонкость ощущений поражают: «Нынешняя Россия мне ужасно не нравится. Не знаю, стоит ли за нее... умирать <...> Я люблю Россию, царя, монахов и попов, Россию красных рубашек и голубых сарафанов, Россию Кремля и проселочных дорог, благодушного деспотизма» (письмо к Е.С. Карцевой от 3 июля 1878 г.).

Рецепт К.Н. Леонтьева по преодолению (ограничению) пороков русского национального характера прост и понятен — это насилие. В одном из леонтьевских писем мы находим следующие строки: «О пороки русские... Пороки эти очень большие и требуют большей, чем у других народов, власти церковной и политической. То есть наибольшей меры легализованного внеш-

него насилия и внутреннего действия страха согрешить... Народ же, выносящий и страх Божий, и насилие, есть народ будущего».

Трудно не заметить, насколько актуальны леонтьевские положения в наше время – время выбора пути, поиска национальной идеи и т.п. Конечно, каждый волен видеть актуальную значимость идей К.Н. Леонтьева по-своему.

В последние годы жизни К.Н. Леонтьев довольно решительно разошелся и со славянофилами: в его понимании славянофильство (как и панславизм) есть разновидность либерально-эгалитарной идеологии. 17 августа 1889 г. он писал к К.А. Губастову: «Я за эти годы стал относительно России (той оригинальной, неевропейской России, которую я все же так любил) большим скептиком. Все мне кажется, что и религиозность эта наша, и наш современный национализм – все это эфемерная реакция, от которой лет через 20–30 и следа не останется».

На рубеже 60–70-х годов XIX века большое влияние на К.Н. Леонтьева оказал Н.Я. Данилевский (особенно его трактат «Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира и романо-германского»). Выделение Н.Я. Данилевским в сфере исторической жизнедеятельности человечества разнообразных по основе культурно-исторических типов (самобытных цивилизаций), четко сориентированных на регион традиционного влияния, показалось К.Н. Леонтьеву весьма плодотворной идеей. Он считал «напрасной и ни на чем не основанной» веру Н.Я. Данилевского в богатую и невиданную четырехосновную национальную культуру в будущей России; но, вслед за ним, видел будущее мира в единении сил Востока и России в противостоянии Западу; отсюда леонтьевские идеи о славянско-туранской культуре, о переносе культурного центра России из Петербурга в Константинополь и т.п.

Завершая характеристику процесса складывания идейно-теоретических воззрений К.Н. Леонтьева, приведем достаточно подробную (и тем ценную) оценку С.В. Хатунцева: «К рубежу 1874–1875 гг. превращение Леонтьева в “идейного консерватора”: до конца последовательного противника всякого эгалитаризма, защитника монашеского, аскетического православия, неограниченной монархии и дворянства, противопоставившего яркую аристократическую личность эпохи позднего средневеко-

вья, “цветущей сложности”, продукту нивелировки – “среднему человеку” эпохи буржуазного “вторичного упрощения” – завершилось». Таким К.Н. Леонтьев и оставался до последних дней.

**Список трудов о жизни, деятельности и творчестве
К.Н. Леонтьева¹**

1. А.А. К.Н. Леонтьев [Текст] // Московская иллюстрированная газета. – 1891. – 21 ноября.
2. Абдрасулов, С.М. Судьба России в философии истории религиозных мыслителей XIX века: П.Я. Чаадаев, К.Н. Леонтьев, В.С. Соловьев [Текст]: автореф. дисс. ... канд. филос. наук. – М., 1995.
3. Абрамов, А.Н. Культурно-историческая концепция русской цивилизации К.Н. Леонтьева [Текст] // Цивилизация: прошлое, настоящее и будущее человека. – М., 1988. – С. 48–61.
4. Авдеева, Л.Р. «Восток, Россия и славянство» [Текст] // Русская философия: Словарь. – М.: Республика, 1995. – С. 97–98.
5. Авдеева, Л.Р. К.Н. Леонтьев: пророк или «одиноким мыслитель» [Текст] // Социально-политический журнал. – 1992. – № 8. – С. 85–91.
6. Авдеева, Л.Р. Леонтьев Константин Николаевич [Текст] // Русская философия: Малый энциклопедический словарь. – М.: Наука, 1995. – С. 305–308.
7. Авдеева, Л.Р. Леонтьев Константин Николаевич [Текст] // Русская философия: Словарь. – М., 1995. – С. 262–264.
8. Авдеева Л.Р. Принцип эстетизма в религиозно-националистической социологии К.Н. Леонтьева [Текст] // Про-

¹ Составлен на основании следующих источников: Беленький, И.Л. Консерватизм в России XVIII – начала XX в. (Библиографический обзор отечественных исследований и публикаций второй половины XX в.) [Текст] // Россия и современный мир. – 2002. – № 4. – С. 23–251; Избранная библиография за 1972–1995 гг. [Текст] // Леонтьев: про эт контра. Кн. 2. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 677–681; Материалы для библиографии Константина Леонтьева [Текст] // Иваск, Ю.П. Константин Леонтьев (1831–1891). Жизнь и творчество // К.Н. Леонтьев: про эт контра. Кн. 2. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 611–649 и материалов автора.

блемы научного атеизма. — М., 1982. — С. 71–86. — Деп. в ИНИОН АН СССР, № 10875.

9. Авдеева, Л.Р. Проблема «Россия и Европа» в воззрениях Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева [Текст] // Вестник Московского университета им. М.В. Ломоносова. — Серия 7. Философия. — 1982. — № 3. — С. 74–86.

10. Авдеева, Л.Р. Религиозно-консервативная социология К.Н. Леонтьева [Текст]: автореф. дис. ... канд. филос. наук. — М., 1983. — 22 с.

11. Авдеева, Л.Р. Философско-методологические аспекты консервативной социологии К.Н. Леонтьева [Текст] // Актуальные проблемы истории философии народов СССР. — М., 1981. — Вып. 9. — С. 72–78.

12. Аверьянов, В.А., Маслин, М.А. Рецензия: К.М. Долгов. Восхождение на Афон. Жизнь и мирозерцание Константина Леонтьева [Текст]. // Вопросы философии. — 1999. — № 6. — С. 157–159.

13. Авсеенко, В.Г. Летопись современной литературы [Текст] // Русское обозрение. — 1895. — № XI.

14. Авсеенко, В.Г. [W]. Литературное обозрение [Текст] // Русский мир. — 1878. — 15 января.

15. Авсеенко, В.Г. [А. О.]. Очерки текущей литературы [Текст] // Русский мир. — 1875. — № 96, 125, 153.

16. Агеев, К.М. К. Леонтьев как религиозный мыслитель [Текст] // Богословский вестник. — 1909. — № IV–VIII.

17. Агеев, К.М. Христианство и его отношение к богоупроению земной жизни: Опыт критического изучения и богословской оценки раскрытого К.Н. Леонтьевым понимания христианства [Текст] — Киев: Типография «Петр Барский», 1909. — 303 с.

18. Агеев, К.М. Христианство и его отношение к богоупроению земной жизни: Опыт критического изучения и богословской оценки раскрытого К.Н. Леонтьевым понимания христианства [Текст] // Труды Киевской Духовной Академии. — 1909. — № IV. — С. 290–610.

19. Адамович, Г.В. Литература и жизнь [Текст] // Русская мысль. — 1963. — 26 февраля.

20. Адамович, Г.В. Мракобесие [Текст] // Новое русское слово. – 1957. – 19 мая.
21. Аксаков, И. Отзыв о К.Н. Леонтьеве [Текст] // Берлинский листок. – 1903. – № II.
22. Александров, А.А. Константин Николаевич Леонтьев [Текст] // Русский вестник. – 1892. – № 4.
23. Александров, А.А. Кончина Константина Леонтьева [Текст] // Леонтьев К.Н. Избранные письма (1854–1891). – СПб.: Пушкинский дом, 1993. – С. 609–612.
24. Александров, А.А. Памяти В.С. Соловьева [Текст] // Новое время. – 1900. – № 8780. – 7 августа.
25. Александров, А.А. I. Памяти К.Н. Леонтьева. II. Письма К.Н. Леонтьева к Анатолию Александрову [Текст] // Богословский вестник. – 1914. – № 3. – С. 350–472.
26. Александров, А.А. I. Памяти К.Н. Леонтьева. II. Письма К.Н. Леонтьева к Анатолию Александрову [Текст] – Сергиев Посад: Типография Троице-Сергиевской Лавры, 1915. – 129 с.
27. Александров, А.А. I. Памяти К.Н. Леонтьева. II. Письма К.Н. Леонтьева к Анатолию Александрову [Текст] // Вестник Русского христианского движения (РХД). – 1991. – № 2–3. – С.114–121.
28. Александров, А.А. Предисловие [Текст] // Леонтьев К.Н. О романах гр. Л.Н. Толстого. – М., 1911.
29. Александров, А.А. К.Н. Леонтьев [Текст] // Московские ведомости. – 1908. – 13 января.
30. А.М. Эстет-философ [Текст] // Независимая газета. – Экслибрис. – 2007. – 1 ноября.
31. Андронов, Ю.В., Мячин, А.Г., Ширинянц, А.А. Русская социально-политическая мысль XIX – начала XX века: К.Н. Леонтьев [Текст]. – М., 2000.
32. Анненков, П.В. Молодость И.С. Тургенева [Текст] // Вестник Европы. – 1884. – № 2.
33. Анненков, П.В. Литературные воспоминания [Текст]. – М.: Правда, 1989. – 688 с.
34. Антоний (Храповицкий). Как относится служение общественному благу к заботе о спасении души [Текст] // Вопросы философии и психологии. – 1892. – № III. Кн.12.

35. Антоний (Храповицкий). Общественное благо с точки зрения христианской и с современной позитивной [Текст] // Богословский вестник. – 1852. – № VI.

36. Аристов, П. Леонтьев и его гадания [Текст] // Русское дело. – 1888. – № 2. – 10 января.

37. Астафьев, П.Е. Национальное самосознание и общечеловеческие задачи [Текст] // Русское обозрение. – 1890. – № III.

38. Астафьев, П.Е. Объяснение с г. Леонтьевым [Текст] // Московские ведомости. – 1890. – № 177. – 29 июня.

39. Астафьев, П.Е. Смысл истории и идеалы прогресса [Текст] // Чтения Общества любителей духовного просвещения, 1885.

40. А.С. Что такое старчество? [Текст] // Церковный вестник. – 1883. – № 1.

41. Багдазаров, Р., Вовченко, А. Возвращение Леонтьева [Текст] // Литературная Россия. – 1991. – № 47. – 22 ноября. – С. 20–21.

42. Бажов, С.И. Леонтьев Константин Николаевич [Текст] // Новая философская энциклопедия. В 4-х т. – М.: Мысль, 2001. Т. 2. – С. 388–389.

43. Бажов, С.И. Некоторые аспекты проблемы культурно-исторического самоопределения России в творчестве К.Н. Леонтьева [Текст] // Актуальные проблемы истории русской философии XIX века. – М., 1987. – С. 131–150.

44. Базурин, Е.Н. Константин Леонтьев о судьбах России [Текст] // Мир человека (Нижний Новгород), 2001. – Вып.1 (4). – С. 187–194.

45. Балканский, Твердко. Славянофильство и К. Леонтьев [Текст] // Современные известия. – 1885. – 31 октября.

46. Бахтин, Н.М. К. Леонтьев [Текст] // Звено. – № 165. – 28 марта.

47. Без названия [Текст] // Московская иллюстрированная газета. – 1891. – № 304.

48. Без названия [Текст] // Московские ведомости. – 1887. – 2 декабря.

49. Без названия [Текст] // Московские церковные ведомости. – 1891. – № 47, 48.

50. Без названия [Текст] // Московский листок. – 1891. – № 317, 320.
51. Без названия [Текст] // Харьковские ведомости. – 1910. – 20 ноября.
52. Без названия [Текст] // Церковные ведомости. – 1891. – № 49. – С. 1768–1769.
53. Беленький, И.Л. Консерватизм в России XVIII–начала XX в. (Библиографический обзор отечественных исследований и публикаций второй половины XX в.) [Текст] // Россия и современный мир. – 2002. – № 4. – С. 230–251.
54. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли [Текст]. – Париж: Имка-Пресс, 1926. – 268 с.
55. Бердяев, Н.А. О русской философии [Текст]. В 2-х т. Т. 1. – Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1991.
56. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев [Текст] // К.Н. Леонтьев: про эт контра. Кн. 2. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 29–179.
57. Бердяев, Н.А. Русская идея [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 1–226.
58. Бердяев, Н.А. К. Леонтьев – философ реакционной романтики [Текст] // К.Н. Леонтьев: про эт контра. Кн. 1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 208–234.
59. Бердяев, Н.А. Типы религиозной мысли в России [Текст]. – Париж, 1989.
60. Бердяев, Н.А. К. Леонтьев – философ реакционной романтики [Текст] // Вопросы жизни. – 1905. – № 7.
61. Бердяев, Н.А. Наши богоискатели [Текст] // Московские ведомости. – 1907. – № 29.
62. Бердяев, Н.А. Русская идея [Текст]. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 100–109, 144–147.
63. Береговская, И.Н. Кудиново в жизни Леонтьева [Текст] // История философии. – 2000. – № 6. – С. 98–108.
64. Библихин, В. Константин Николаевич Леонтьев [Текст] // Литературная газета. – 1989. – № 14 – 5 апреля. – С. 5.
65. Богословский, А.Н. «Вариант моей биографии в XIX веке»: Юрий Иваск о Константине Леонтьеве [Текст] // Человек. – 1994. – № 2. – С. 170–174.

66. Бородаевский, В.В. О религиозной правде Константина Леонтьева [Текст] // К.Н. Леонтьев: про эт контра. Кн. 1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 253–264.

67. Бочаров, С.Г., Кремнев, Г.Б. Константин Николаевич Леонтьев [Текст] // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 3. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. – С. 323–327.

68. Бочаров, С.Г. Литературная теория Константина Леонтьева [Текст] // Сюжеты русской литературы. – М.: Язык русской литературы, 1999. – С. 276–340.

69. Бочаров, С.Г. Литературная теория Константина Леонтьева [Текст] // Вопросы литературы. – М., 1999. – Вып.2. – С. 63–109.

70. Бочаров, С.Г. Леонтьев и Достоевский [Текст] // Сюжеты русской литературы. – М.: Язык русской литературы, 1999. – С. 341–400.

71. Бочаров, С.Г. 100 лет первой публикации работы К.Н. Леонтьева «Анализ. Стиль. Стиль и веяния» [Текст] // Памятные книжные даты. – М., 1990. – С. 95–98.

72. Бочаров, С.Г. «Ум мой упростить я не могу» К столетию смерти Константина Леонтьева [Текст] // Сюжеты русской литературы. – М.: Язык русской литературы, 1999. – С. 263–275.

73. Бочаров, С.Г. «Ум мой упростить я не могу» К столетию смерти Константина Леонтьева [Текст] // Литературная газета. – 1991. – 18 декабря. – С. 11.

74. Бочаров, С.Г. Эстетический контракт Константина Леонтьева [Текст] // Вопросы литературы. – 1988. – № 12. – С. 188–201.

75. Бочаров, С.Г. «Эстетическое охранение» в литературной критике. (Константин Леонтьев о русской литературе) [Текст] // Контекст–1977. Литературно-исторические исследования. – М.: Наука, 1978. – С. 142–193.

76. Боборыкин, П.Д. Перевал [Текст] // Вестник Европы. – 1894. – № 1–4 (ч. 3).

77. Бразоль, Б. Памяти К.Н. Леонтьева [Текст]. – Нью-Йорк, 1994.

78. Брода, М. Проблемы с Леонтьевым [Текст]. – М., 2001. – 135 с.

79. Буданова, Н.Ф. Достоевский и Константин Леонтьев [Текст] // Достоевский: Материалы и исследования. Т.9. – Л.: Наука, 1991. – С. 199–222.
80. Булгаков, [Ф.И.] Оригинальное народничанье [Текст] // Исторический вестник. – 1881. – № 5.
81. Булгаков, С.Н. Победитель – побежденный. (Судьба К.Н. Леонтьева). 1916 [Текст] // Тихие омуты: (Из статей 1911–1915 гг.). – М.: Изд-во Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1918. – С. 115–135.
82. Булгаков, С.Н. Победитель – побежденный. (Судьба К.Н. Леонтьева). 1916 [Текст] // Биржевые ведомости. – 1916. – 9, 16, 22 декабря.
83. Булгаков, С.Н. Победитель – побежденный. (Судьба К.Н. Леонтьева). 1916 [Текст] // Булгаков, С.Н. Тихие думы [Текст]. – М., 1996. – С. 82–94.
84. Бурнакин, А.А. Константин Леонтьев [Текст] // Новое время. – 1912. – № 1358. – 20 июля.
85. Бурнакин, А.А. Царьград и всеславянство. Пророчества К. Леонтьева [Текст] // Новое время. – 1912. – № 13163.
86. Бутов, А.А. Проблема традиционного идеала воспитания и образования в творчестве К.Н. Леонтьева [Текст] // Философские исследования. – 1998. – № 4. – С. 40–62.
87. Васильчиков, П. Письмо в редакцию [Текст] // Новое время. – 1887. – 9 марта.
88. Введенский, А.И. [Басаргин, А.] К.Н. Леонтьев [Текст] // Московские ведомости. – 1912. – № 284.
89. Введенский, А.И. [Басаргин, А.] К.Н. Леонтьев о Л.Н. Толстом [Текст] // Московские ведомости. – 1911. – 7 мая.
90. В защиту современных либералов [Текст] // Новое время. – 1879. – 25 июля.
91. Византизм [Текст] // Русская философия. Малый энциклопедический словарь. – М.: Наука, 1995. – С. 96–97.
92. Владиславлев, И.В. [Гульбинский] Русские писатели [Текст]. – М., 1924.
93. Vox. Маленькие заметки [Текст] // Московские ведомости. – 1891. – № 319, 326.
94. Волженский Еще русский мыслитель [Текст] // Русское дело. – 1887. – 5, 12, 19/26 декабря.

95. Волков, Б. Неузнанный феномен [Текст] // Учительская газета. – 1991. – № 48. – 26 ноября–3 декабря. – С. 11.

96. Володихин, Д. Константин Леонтьев и его интерпретаторы [Текст] // История. Еженедельное приложение к газете «Первое сентября». – 1997. – Июнь. – № 24. – С. 9.

97. Володихин, Д. Летопись распада: Угадал ли в XIX веке Константин Леонтьев будущее России конца XX века? [Текст] // Родина. – 2000. – № 7. – С. 20–22.

98. Володихин, Д.М. «Высокомерный странник»: Философия и жизнь К. Леонтьева [Текст]. – М., 2000. – 187 с.

99. Володихин, Д. Парадоксы русского консерватизма [Текст] // Политический журнал. – 2007. – ноябрь.

100. Володихин, Д. «Пустынное место» в судьбе Константина Леонтьева [Текст] // Персональная история. – М., 1999. – С. 206–269.

101. Володихин, Д. Славянофил ли Константин Леонтьев: Историографический концепт против самооценки мыслителя [Текст] // Историческое знание и интеллектуальная культура. – М., 2001. – С. 240–241.

102. В религиозно-философском обществе [Текст] // Русские ведомости. – 1912. – 6 ноября.

103. Вучетич, Н.Г. [Райский] Поэт-воин [Текст] // Гражданин. – 1891. – № 332.

104. Гайденок, П.П. Наперекор историческому процессу. (Константин Леонтьев – литературный критик) [Текст] // Вопросы литературы. – 1974. – № 5. – С. 159–205.

105. Гальцева, Р.П., Роднянская, И.Б. Раскол в консерваторах [Текст] // Неоконсерватизм в странах Запада. Ч. 2. – М., 1982.

106. Гачев, Г.Д. Русская дума [Текст]. – М., 1991.

107. Геворкян, А.Р. Леонтьев и Ницше [Текст] // Философские науки. – 2005. – № 5. – С. 67–77.

108. Гиляров-Платонов, Н.П. Передовая: о книге «Восток, Россия и славянство» [Текст] // Современные известия. – 1885. – 24 сентября.

109. Глаголев, В.С. «Теургическая культура» и модернизация идеологии православия [Текст] // Научные доклады высшей школы. Философские науки. – 1978. – № 6. – С. 95–102.

110. Глинка, А.С. [Волжский] Святая Русь и русское призвание [Текст]. – М., 1915.

111. Глинка, А.С. [Волжский] Христианские переживания в русской литературе [Текст] // Вопросы жизни. – 1905. – № 4–5.

112. Глушкова, Т. Два пророка: Достоевский и Леонтьев: Ответ Николаю Лисовому [Текст] // Домострой. – 1991. – № 48. – С. 8–9.

113. Глушкова, Т.М. «Боюсь, как бы история не оправдала меня...» [Текст] // Наш современник. – 1990. – № 7. – С. 139–154.

114. Глушкова, Т. Преждевременный Константин Леонтьев [Текст] // Домострой. – 1991. – № 4. – С. 12–13.

115. Говоруха-Отрок, Ю.Н. Несколько слов по поводу кончины К.Н. Леонтьева [Текст] // Московские ведомости. – 1891. – № 314. – 13 ноября. – С. 2–3.

116. Говоруха-Отрок, Ю.Н. Несколько слов по поводу кончины К.Н. Леонтьева [Текст] // К.Н. Леонтьев: про эт контра. Кн. 1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 15–19.

117. Говоруха-Отрок, Ю.Н. [Ю. Николаев] Новый критик славянофильства [Текст] // Московские ведомости. – 1892. – 15, 29 октября.

118. Говоруха-Отрок, Ю.Н. [Ю. Николаев]. Литературные заметки. Нечто о жизни и смерти [Текст] // Московские ведомости. – 1890. – 16 июня.

119. Говоруха-Отрок, Ю.Н. [Ю. Николаев]. Чему же учит Вл.С. Соловьев? [Текст] // Московские ведомости. – 1891. – 2 февраля.

120. Гоголев, Р.А. «Ангельский доктор» русской истории. Философия истории К.Н. Леонтьева: опыт реконструкции [Текст]. – М.: АИРО-XXI, 2007.

121. Голицын, Н.Н. Сквозь нашу призму [Текст] // Варшавский дневник. – 1880. – 26 июля.

122. Голосенко, И.А. К.Н. Леонтьев [Текст] // Социологическая мысль в России. Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX – начала XX века. – Л.: Наука, 1978. – С. 224–255.

123. Горнфельд, А.Г. Рецензия: Леонтьев К.Н. «О романах гр. Л.Н. Толстого» [Текст] // Русское богатство. – 1911. – № 9.

124. Гревцова, Е.С. Философия культуры А.И. Герцена и К.Н. Леонтьева. (Сравнительный анализ) [Текст]: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2000. – 17 с.

125. Григорьева, Т.С. Концепция культурного идеала К.Н. Леонтьева [Текст]: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 1993. – 35 с.

126. Грингмут, В.А. [Р.К.] Константин Леонтьев как беллетрист [Текст] // Гражданин. – 1887. – 5 февраля.

127. Грифцов, Б.А. Судьба К.Н. Леонтьева [Текст] // Русская мысль. – 1913. – № 1, 2, 4.

128. Грифцов, Б.А. Судьба К.Н. Леонтьева [Текст] // К.Н. Леонтьев: про эт контра. Кн.1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 294–358.

129. Грифцов, Б.А. Библиографический отзыв на сборник «Памяти К.Н. Леонтьева» и издание сочинений К.Н. Леонтьева [Текст] // Русская мысль. – 1912. – № V.

130. Губанков, Н.Н. К истории борьбы эстетизма с техницизмом в буржуазной культурологии [Текст] // Искусство в системе культуры. Социологические аспекты. – Л., 1981. – С. 27–33.

131. Губанков, Н.Н. К критике концепции культурологического цикла (учение К. Леонтьева о динамике культуры и современность) [Текст] // Проблемы диалектики. Вып. VIII. Идеалистическая диалектика XX века: Критический анализ. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1978. – С. 144–160.

132. Губанков, Н.Н. О социально-классовых корнях эстетизма в буржуазной культурологии. (На материалах анализа полемики Л.Н. Толстого и К.Н. Леонтьева) [Текст] // Вопросы культуры и искусства в преподавании общественных наук. – Л.: ЛГИТМиК им. Н.К. Черкасова, 1986. – С. 73–81.

133. Губер, П.К. Предисловие [Текст] // Леонтьев К.Н. Страницы воспоминаний. – М., 1922.

134. Гусев, Н.Н. Летопись жизни и творчества Л.Н. Толстого [Текст]. – М., 1958.

135. Дамье, Н.В. К.Н. Леонтьев и классическое славянофильство [Текст] // Кентавр. – 1994. – № 1. – С. 32–49.
136. Дневник [Текст] // Гражданин. – 1887. – 4 декабря.
137. Дневник [Текст] // Гражданин. – 1891. – 24 марта.
138. Добров, В. Константин Леонтьев в Оптиной Пустыни и у стен Троице-Сергиевой Лавры [Текст] // Литературная учеба. – 1996. – Книга третья. – Май–июнь. – С. 129–140.
139. Долгов, К.М. Восхождение на Афон. Жизнь и мирозерцание Константина Леонтьева [Текст]. – М.: Луч, 1995. – 269 с.
140. Долгов, К.М. Восхождение на Афон. Жизнь и мирозерцание Константина Леонтьева [Текст]. – М.: Раритет, 1997. – 400 с.
141. Долгов, К.М., Торкунов, А.В. Генезис дипломата [Текст] // Леонтьев К.Н. Дипломатические донесения, письма, записки, отчеты (1865–1872). – М., 2003.
142. Достоевский и К. Леонтьев: Дискуссия в «Вольфиле» [Текст] // Достоевский: Материалы и исследования. Т. 15. – СПб., 2000. – С. 407–462.
143. Достоевский, Ф.М. Из записных книжек [Текст] // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. – Т.1. – СПб., 1882. – С. 369.
144. Дробжева, Г.М. Проблема социокультурного идеала в социально-философских воззрениях К.Н. Леонтьева [Текст]: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 1995. – 21 с.
145. Дудышкин, С.С. Примечания к статье К.Н. Леонтьева «Письмо провинциала к Тургеневу» [Текст] // Отечественные записки. – 1860. – Т.V.
146. Дурылин, С.Н. В своем углу: Из старых тетрадей [Текст]. – М.: Московский рабочий, 1991. – С. 225–226, 234, 250, 260, 261, 270, 278–280.
147. Е.В.Р. В русском библиографическом обществе [Текст] // СПб. ведомости. – 1911. – № 283.
148. Елецкий, А. По поводу издания сочинений К. Леонтьева [Текст] // Новое время. – 1914. – № 13594. – 15 января.
149. Емельянов-Лукияничков, М.А. Иерархия радуги: русская цивилизация в наследии К.Н. Леонтьева, Н.Я. Данилев-

ского, О.А. Шпенглера, А.Дж. Тойнби [Текст]. – М.: Русский мир, 2008.

150. Емельянов-Лукьянчиков, М. Леонтьев и Шпенглер [Текст] // Москва. – 2006. – № 1. – С. 198–202.

151. Ераст (Востропский) [Е.В.] Историческое описание Козельской Оптиной Пустыни [Текст]. – М., 1902. – С.123–124, 127–128.

152. Ераст (Востропский) [Е.В.] Л.Н.Толстой и Оптина Пустынь [Текст] // Душеполезное чтение. – 1911. – № 1.

153. Ермаков, В.А. Проблема системности онтологии и метафизики культуры в философии К.Н. Леонтьева [Текст]. – М., 2001. – 44 с. – Деп.в ИНИОН РАН, № 56302.

154. Ефремов, А. В битве за красоту [Текст] // Москва. – 2006. – № 1. – С. 193–195.

155. Жаба, С.П. Русские мыслители о России и человечестве [Текст]. – Париж, 1954.

156. Жуков, В.Н. Заметки об оценках К.Н. Леонтьева в русской и зарубежной литературе [Текст] // Путь. – 1994. – № 5. – С. 220–227.

157. Жуков, В.Н. Рецензия: Леонтьев К.Н. Записки отшельника. Составление, вступительная статья, примечания В. Кочеткова [Текст]. – М.: Русская книга, 1992. – 544 с.

158. Жуков, К.А. Восточный вопрос в историсофской концепции К.Н. Леонтьева [Текст]. – СПб.: Алетейя, 2006.

159. Завалишин, В. Статьи К. Леонтьева в английском переводе [Текст] // Новое русское слово. – Нью-Йорк, 1969. – 25 мая.

160. Загоруйко, К.Ф. Рецензия: Русская социально-политическая мысль XIX в.: К.Н. Леонтьев [Текст]: учебное пособие. – М.: Изд-во Московского университета, 1995. – 120 с.; То же: // РЖ. Социальные и гуманитарные науки. Отечественная литература. Сер. 4. Государство и право. – 1996. – № 4. – С. 22–28.

161. Зайцев, Б.К. Афон [Текст]. – 1928.

162. Зайцев, Б.К. Константин Леонтьев. Заметки о книге Бердяева о Леонтьеве [Текст] // Дни. – 1926. – 4 апреля. – С. 3.

163. Зайцев, К. Любовь и страх. (Памяти Константина Леонтьева) [Текст] // К.Н. Леонтьев: про эт контра. Кн. 2. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 197–228.
164. Зайцев, К. Любовь и страх. (Памяти Константина Леонтьева) [Текст] // Москва. – 1994. – № 10. – С. 178–194.
165. Зайцев, К. Любовь и страх. (Памяти Константина Леонтьева) [Текст] О. Кирилл Зайцев. К познанию Православия [Текст]. – Шанхай, 1948. – С. 103–157.
166. Закржевский, А.Г. Литературные впечатления. Ш. Воскресный писатель [Текст] // Огни. – 1912. – № 30. – С. 12–14.
167. Закржевский, А.Г. Литературные впечатления. Ш. Воскресный писатель [Текст] // К.Н. Леонтьев: про эт контра. Кн. 1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 265–270.
168. Закржевский, А. Одинокий мыслитель: К. Леонтьев. К 25-летию со дня смерти [Текст]. – Киев, 1916. – 50 с.
169. Закржевский, А. Одинокий мыслитель: К. Леонтьев [Текст] // Христианская мысль. – 1916. – № 4.
170. Замаараев, Г.И. Памяти К.Н. Леонтьева [Текст] // Русская мысль. – 1916. – Кн.Ш. – С. 97–102.
171. Замаараев, Г.И. Памяти К.Н. Леонтьева [Текст] // К.Н. Леонтьев: про эт контра. Кн.1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 200–207.
172. Заметка о книге «Памяти К. Леонтьева» [Текст] // Россия. – 1911. – № 1840.
173. Заметка о повести «Дитя души» [Текст] // СПб. ведомости. – 1876. – № 230.
174. Заметка о собрании кружка памяти К.Н. Леонтьева [Текст] // Новое время. – 1909. – 13 декабря.
175. Заметка о сотрудничестве К.Н. Леонтьева в «Варшавском дневнике» [Текст] // Варшавский дневник. – 1880. – 7 января.
176. Заметка о публичной защите свящ. К. Агеевым диссертации на степень магистра богословия [Текст] // Речь. – 1910. – 20 марта.
177. Заметка по поводу статей К.Н. Леонтьева в «Востоке» [Текст] // Русская правда. – 1879. – 26 июля.

178. Зандер, Л. Константин Леонтьев о прогрессе [Текст]. — Пекин: Типография литературного товарищества «Восточное просвещение», 1926. — 50 с.

179. Зандер, Л. Константин Леонтьев о прогрессе [Текст] // Русское обозрение. — Пекин, 1921. — № V-VII.

180. Захаров, А.А. К.Н. Леонтьев: от циклической к христианской модели исторического процесса [Текст]. — Томск, 1994. — 10 с. — Деп. в ИНИОН РАН, № 49290.

181. Зельманов, М.Г. [Южный] Без названия [Текст] // Гражданин. — 1891. — № 320.

182. Зельманов, М.Г. [Южный] О романах гр. Л.Н. Толстого. К.Н. Леонтьев [Текст] // Гражданин. — 1890. — 8 июня, 13 июля.

183. Зеньковский, В.В. Глава XII. К.Н. Леонтьев, В.В. Розанов [Текст] // История русской философии. — Т.1.4.2. — Л.: Эго, 1991. — С. 266–278.

184. Зеньковский, В.В. История русской философии [Текст]. — М.: Академический проект: Раритет, 2001. — С. 417–448.

185. Зеньковский, В.В. Константин Леонтьев. Евразийцы [Текст] / Зеньковский В.В. Русские мыслители. — М.: Республика, 2005. — С. 75–86.

186. Зеньковский, В.В. Константин Леонтьев. Евразийцы [Текст] / Зеньковский В.В. Русские мыслители. — Париж: Им-ка-Пресс, 1955.

187. Иваницкая, Е. Путь к обрыву. Так зачем нам сегодня нужен Константин Леонтьев? [Текст] // Независимая газета. — 1991. — 16 декабря. — С. 14.

188. Иванова, Е.В. К.Н. Леонтьев: судьба и идеи [Текст] // Литературная учеба. — 1992. — Кн.1–2–3. — Январь–июнь. — С. 135–139.

189. Иванов, Г.В. Страх перед жизнью. Константин Леонтьев и современность [Текст] // Сегодня. Рига. — 1932. — № 286. — 28 сентября. — С. 2–3, 483–489.

190. Иванов, Г.В. Страх перед жизнью. Константин Леонтьев и современность [Текст] // К.Н. Леонтьев: про эт контра. Кн.2. — СПб.: РХГИ, 1995. — С. 187–196.

191. Иванов, Г.В. Страх перед жизнью. Константин Леонтьев и современность [Текст] // Даугава, 1933. – № 1. – С. 169.
192. Иванов, Г.В. Страх перед жизнью. Константин Леонтьев и современность [Текст] // Континент, 1993. – Т.77. – С. 240–247.
193. Иваск, Ю. Еретик К. Леонтьев [Текст] // Новое русское слово. – 1954. – 26 сентября.
194. Иваск, Ю. Отзыв о книге К.Н. Леонтьева «моя литературная судьба» [Текст] // Новый журнал. – 1968. – № 92.
195. Иваск, Ю.П. Апология пессимизма. К. Леонтьев и Ницше [Текст] // Новый град. – 1939. – № 14. – С. 89–100.
196. Иваск, Ю.П. «Еще поборемся» [Текст] // Человек. – 1994. – № 2. – С. 175–179.
197. Иваск, Ю.П. Константин Леонтьев (1831–1891). Жизнь и творчество [Текст]. – Берн; Франкфурт-на-Майне: Изд-во «Ланг», 1974. – 430 с.
198. Иваск, Ю.П. Константин Леонтьев (1831–1891). Жизнь и творчество [Текст] // Возрождение. – 1961. – № 118; – 1962. – № 121, 124–131; 1963. – № 133–140; 1964. – № 146–151.
199. Иваск, Ю.П. Константин Леонтьев (1831–1891). Жизнь и творчество [Текст] // К.Н. Леонтьев: про эт контра. Кн. 2. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 229–650.
200. Иваск, Ю.П. Красота [Текст] // Человек. – 1994. – № 2. – С. 183–185.
201. Иваск, Ю.П. Розанов [Текст] // Волга. – 1992. – № 1. – С. 109–110.
202. Иваск, Ю. Розанов о Леонтьеве [Текст] // Новое русское слово. – 1963. – 24 февраля.
203. Иваск, Ю.П. Что Леонтьев читал, ценил, любил. (Ответ А.И. Солженицыну) [Текст] // Вестник РХД. – № 123. – С. 170–190.
204. Иваск, Ю. «Подлипки» К. Леонтьева [Текст] // Новый журнал. – 1955. – № 40.
205. Иваск, Ю. Теофиль Готье в России [Текст] // Русская мысль. – 1969. – 29 августа.
206. Иваск, Ю. Янина. Стихотворение о жизни Леонтьева в Японии [Текст] // Хвала. – 1967. – № 17.

207. Измайлов, А.А. Воскресшая память К.Н. Леонтьева. Убийственная биография. Мечта сослать Толстого в Сибирь [Текст] // Русское слово. – 1911. – № 267.

208. Иксуль, К. Старчество по учению святых отцов и аскетов [Текст]. – М., 1907. – С. 14–15.

209. Ильин, В.Н. Аполлон Григорьев – страждущий русский Дионис [Текст] // Возрождение. – 1964. – № VII, VIII.

210. Ильин, В.Н. Арфа Давида. Религиозно-философские мотивы русской литературы. [Текст]. Т.1. – Сан-Франциско: Проза, 1980.

211. Иосиф (Литовкин). Н.В. Гоголь, И.В. Киреевский, Ф.М. Достоевский и К.Н. Леонтьев перед старцами Оптиной Пустыни [Текст] // Душеполезное чтение. – 1898. – № 1.

212. Камнев, В.М. Россия как культурно-исторический тип и феномен. (К. Леонтьев) [Текст] // Христианство и русская литература. – СПб., 1999. – Сб. 3.

213. Карцов, Ю.С. Семь лет на Ближнем Востоке, 1879–1886 [Текст]. – СПб., 1906. – С. 5, 13, 78.

214. Киприан, архимандрит [Керн]. Из неизданных писем К.Н. Леонтьева [Текст]. – Париж, 1959. – 30 с.

215. Киреев, А.А. Народная политика как основа порядка [Текст] // Славянские известия. – 1889. – № 28, 29.

216. Киреев, А.А. Спор с западниками настоящей минуты [Текст] // Русское обозрение. – 1895. – № V.

217. Киреев, А.А. Наши противники и наши союзники [Текст] // Протоколы общих собраний гг.членов СПб. славянского благотворительного общества 12 и 19 декабря 1893 г. – СПб., 1894.

218. Киреев, А.А. Наши противники и наши союзники [Текст] // Русское обозрение. – 1894. – № 10.

219. Кириллова, Е.А. Необходимый момент в истории русского самосознания (философско-историческая концепция Константина Леонтьева) [Текст] // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. – 1990. – № 5. – С. 49–57.

220. К. Леонтьев наш современник [Текст]. – СПб., 1993. – 463 с.

221. Книжные новости [Текст] // Московские ведомости. – 1911. – № 260.

222. К.Н. Леонтьев: про эт контра. Личность и творчество Константина Леонтьева в оценках русских мыслителей и исследователей 1891–1917 гг. Антология [Текст]. В 2-х кн. – СПб.: РХГИ, 1995. – Кн.1. – 480 с.; – Кн.2. – 704 с.

223. Кобылин, В. Рецензия на книгу Ю. Иваска о К. Леонтьеве [Текст] // Голос Зарубежья. – 1980. – № 19.

224. Кожурин, А.Я. Социальные аспекты антропологии К.Н. Леонтьева и В.В. Розанова [Текст]: автореф. дисс. ... канд. филос. наук. – СПб., 1997. – 17 с.

225. Козырев, А. Вл. Соловьев и К. Леонтьев: диалог в поисках «Русской звезды» [Текст] // Начала. – 1992. – № 2.

226. Козырев, А.П. Константин Леонтьев в «зеркалах» наследников [Текст] // К.Н. Леонтьев: про эт контра. Кн.1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 417–435.

227. Козловский, Л.С. Мечты о Царьграде. (Достоевский и К. Леонтьев) [Текст] // Русский архив. – 1915. – № IX–X.

228. Колышко, И.И. Маленькие мысли [Текст]. – СПб, 1900. – Ч.3.

229. Кондрашева, Н.В. Нет пророка в своем отечестве. Константин Николаевич Леонтьев (1831–1891) [Текст] // Судьбы творцов российской науки. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – С. 136–142.

230. Кононов, В. «Все болит у древа жизни людской» [Текст] // Встреча. (Культурно-просветительная работа). – 1998. – № 2. – С. 16–17.

231. Коношлянец, А.М. К.Н. Леонтьев [Текст] // Русский биографический словарь. – СПб., 1914. – Т.Х.

232. Константинов, В. К истории одной полемики. (К.Н. Леонтьев и В.С. Соловьев о проблемах христианской эсхатологии) [Текст] // Начала. – 1992. – № 2.

233. Концевич, И. К.Н. Леонтьев [Текст] // Оптина Пустынь и ее время. – Нью-Йорк, 1970.

234. Кораблев, В.Н. [В.К-в]. Библиографическая заметка [Текст] // Правительственный вестник. – 1911. – № 244.

235. Королев, А.В. Культурно-исторические воззрения К.Н. Леонтьева [Текст]. – СПб., 1991. – 192 с.

236. Корольков, А.А. Константин Леонтьев и его эстетическая картина эгалитарного процесса [Текст] // Философские науки. – 1991. – № 11. – С. 115–127.

237. Корольков, А.А. Константин Леонтьев и судьбы культуры [Текст] // К.Н. Леонтьев: про эт контра. – Кн. 1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 7–13.

238. Корольков, А.А. Неуслышанный Леонтьев [Текст] // Смена. – 1995. – № 6. – С. 44–85.

239. Корольков, А.А. Пророк в своем Отечестве [Текст] // К.Н. Леонтьев: про эт контра. Кн. 2. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 687–699.

240. Корольков, А.А. Пророчества Константина Леонтьева [Текст]. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1991. – 200 с.

241. Косик, В.И. Леонтьев: размышления на славянскую тему [Текст]. – М., 1997. – 237 с.

242. Косик, В.И. К.Н. Леонтьев: реакционер, пророк? [Текст] // Советское славяноведение. – 1991. – № 3.

243. Косик, В., Мудрова, О. К.Н. Леонтьев [Текст] // Советская педагогика. – 1990. – № 3. – С. 101–102.

244. Котельников, В.А. Парадокс о писателе: О жизни и творчестве К.Н. Леонтьева [Текст] // Литература в школе. – 1994. – № 5. – С. 34–39.

245. Котельников, В. Оптина Пустынь и русская литература (статья третья) [Текст] // Русская литература. – 1989. – № 4. – С. 3–20.

246. Котельников, В.А. Парадокс о писателе [Текст] // Леонтьев К.Н. Египетский голубь: Роман, повести, воспоминания. – М.: Современник, 1991. – С. 3–17.

247. Коханец, П.А. Константин Леонтьев в контексте диалога культур [Текст] // Бахтин и время: IV Бахтинские научные чтения. 20–21 ноября 1997. – Саранск, 1998. – С. 37–39.

248. Кочетков, В. Жизнь и судьба неузнанного гения [Текст] // Леонтьев К.Н. Записки отшельника. – М., 1992.

249. Кошелев, В.А. «Чудная страна» К. Леонтьева [Текст] // Вопросы философии. – 1990. – № 2. – С. 153–157.

250. Кремнев, Г. Константин Леонтьев и русское будущее [Текст] // К.Н. Леонтьев: про эт контра. Кн.2. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 681–686.

251. Кремнев, Г. Константин Леонтьев и русское будущее [Текст] // Наш современник. – 1991. – № 12. – С. 167–169.

252. Крестовский, В.В. Из воспоминаний о минувшей войне [Текст] // Русский вестник. – 1879. – № 5.

253. Кристи, И. [И.Кр.]. Заметка об «Отце Зедергольме» [Текст] // Московские ведомости. – 1882. – № 314.

254. Кристи, И.И. [Сергиевский П.]. Что посеешь, то и пожнешь. О книге «Восток, Россия и славянство» [Текст] // Гражданин. – 1885. – 17 октября.

255. Кромвель без меча: Константин Леонтьев: Свидетельство его и наших современников [Текст] // Независимая газета. – 1991. – 23 ноября. – С. 8.

256. Круглов, Д.Н. Деспотизм и свобода: (По Константину Леонтьеву) [Текст] // Исследования по консерватизму. Вып.1. – Пермь, 1994. – С. 128–130.

257. Кузнецов, А.М. Предвидения Константина Леонтьева [Текст] // Кодры. (Молдова литературная): – 1991. – № 10. – С. 161.

258. Куклярский, Ф.Ф. К. Леонтьев и Фр. Ницше как предатели человечества [Текст] // Куклярский Ф.Ф. Осужденный мир. (Философия человекоборческой природы). – СПб., 1912. – С. 138–173.

259. Куклярский, Ф.Ф. К. Леонтьев и Фр. Ницше как предатели человечества [Текст] // К.Н. Леонтьев: про эт контра. Кн.1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 271–293.

260. Куклярский, Ф.Ф. К. Леонтьев о «среднем европейце» [Текст] // Новое время. – 1912. – № 13136. – 6 октября.

261. Куклярский, Ф.Ф. Последнее слово. К философии современного религиозного бунтарства [Текст]. – СПб., 1911. – С. 92–96.

262. Куклярский, Ф.Ф. Рецензия: Сборник «Памяти К.Н. Леонтьева» [Текст] // Логос. – 1912–1913. – Кн.1-2.

263. Куликов, Ю. Склоняя голову: обретение логики К.Н. Леонтьева и В. Розанова [Текст] // Литературная Россия. – 1991. – 18 октября.

264. Куликов, Ю. У Черниговской [Текст] // Встреча. (Культурно-просветительская работа). – 1992. – № 2. – С. 34.
265. Куркчи, А. «Стоим у страшного предела...» [Текст] // Декоративное искусство СССР. – 1989. – № 11. – С. 32.
266. Левицкий, С.А. Очерки по истории русской философской и общественной мысли [Текст]. – Франкфурт-на-Майне, 1968.
267. Левицкий, С. Рецензия: Иваск Ю. Константин Леонтьев (1831–1891). Жизнь и творчество [Текст] // Новый журнал. – Нью-Йорк. – 1977. – № 129.
268. Леонтьев, И.Л. [Щеглов Ив.]. Сестра-молитвенница [Текст] // Биржевые ведомости. – 1910. – 3 ноября (вечерний выпуск).
269. Леонтьев, К.Н. [Текст] // Большая энциклопедия Мейера. – Т. XII, 1903.
270. Леонтьев, К.Н. [Текст] // История русской литературы XIX в. Библиографический указатель. – М., 1962. – С. 412–414.
271. Лернер, Н. [Текст] // Известия Академии наук. Вып. XII. – 1910. – № 13.
272. Лернер, Н.О. К собранию сочинений К.Н. Леонтьева [Текст] // Книга и революция. – 1921. – № VIII–IX.
273. Лернер, Н.О. [Н.Л.]. Отзыв о книге Леонтьева «О романах гр. Л.Н. Толстого» (1911) [Текст] // Исторический вестник. – 1911. – Т. 126.
274. Лернер, Н.О. [Н.Л.]. Отзыв о сборнике «Памяти Константина Леонтьева» [Текст] // Исторический вестник. – 1912. – Т. 130.
275. Лернер, Н.О. Рецензия: Леонтьев К.Н. Собрание сочинений. Т. II, III [Текст] // Новая жизнь. – 1912. – № 1. – С. 267–268.
276. Лернер, Н.О. Рецензия на книгу Леонтьева «О романах гр. Л.Н. Толстого» [Текст] // Речь. – 1911. – 27 июля.
277. Лесков, Н.С. Граф Л.Н. Толстой и Ф.М. Достоевский как ересиархи. (Религия страха и религия любви) [Текст] // Новости. – 1883. – 1, 3 апреля

278. Лесков, Н.С. Золотой век. Утопия общественного переустройства. Картинки жизни по программе К.Н. Леонтьева [Текст] // Новости. – 1993. – 22–29 июня.

279. Лесков, Н.С. Золотой век. Утопия общественного переустройства. (По поводу книги Леонтьева «Наши новые христиане») [Текст] // Биржевая газета. – 1883. – 22, 29 июля.

280. Лесневский, С. Писатель-иннок: К 160-летию со дня рождения К.Н. Леонтьева [Текст] // Книжное обозрение. – 1991. – № 4. – 25 января. – С. 8–9.

281. Лиливяли, Н.В. К.Н. Леонтьев и русский религиозный ренессанс [Текст] // Из истории религиозной философии в России, XIX–начало XX в. – М., 1990. – С. 66–82.

282. Лисовой, Н.Н. Два письма Татьяне Глушковой [Текст] // Домострой. – 1991. – № 46. – С. 12–13.

283. Литературная летопись [Текст] // Голос. – 1877. – 29 сентября.

284. Литературные автопортреты К.Н. Леонтьева: «Для биографии К.Н. Леонтьева», «Список сочинений К. Леонтьева с характеристикой» [Текст] // Русская литература. – 2001. – № 2. – С. 147–160.

285. Литературные собрания в Российском Фонде культуры. Из выступлений на вечере, посвященном Константину Леонтьеву [Текст] // Литературная учеба. – 1998. – Кн.4–5–6. – Июль–декабрь. – С. 170–176.

286. Лобов, П. [Л.П.]. Страничка из прошлого. К характеристике К.Н. Леонтьева [Текст] // Славянские известия. – 1906. – № 8.

287. Лосев, А.Ф. Владимир Соловьев и Константин Леонтьев [Текст] // Владимир Соловьев и его время. – М.: Прогресс, 1990. – С. 523–537.

288. Любимов, Н.А. [Н.]. Отголоски. По поводу «Записок отшельника» [Текст] // Свет. – 1891. – 14 марта.

289. Любимов, Н.А. [Н.]. Отголоски [Текст] // Свет. – 1891. – 22 ноября.

290. Майорова, О.Е. Мемуары как форма авторефлексии. К истории неосуществленного замысла Константина Леонтьева [Текст] // Лица: Биографический альманах. Вып.6. – М.; СПб.: Феникс, 1996. – С. 69–84.

291. Малявин, С.Н. Этапы становления русской социологии: (К.Н. Леонтьев) [Текст]. – СПб. – 8 с. – Деп.в ИНИОН РАН, № 49968.

292. Марков, Е.И. Литературная летопись [Текст] // Голос. – 1878. – 28 января.

293. Медведев, К.П. Леонтьев Константин Николаевич [Текст] // Славяноведение в дореволюционной России: Библиографический словарь. – М.: Наука, 1979. – С. 219.

294. Медведский, К. [М-ский]. Философ-христианин. (Основы мирозозерцания К.Леонтьева) [Текст] // Русский вестник. – 1896. – № 1, 4.

295. Мезиер, А.В. Русская словесность. Ч. II. [Текст]. – СПб., 1902.

296. Меньшиков, М.О. Письма к ближним [Текст] // Новое время. – 1911. – 19 июня.

297. Мережковский, Д.С. Страшное дитя [Текст] // Речь. – 1910. – № 30. – 31 января. – С. 2.

298. Мережковский, Д.С. Страшное дитя [Текст] // К.Н. Леонтьев: про эт контра. Кн. I. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 241–249.

299. Миллер Орест. Церковь и византийство [Текст] // Киевская старина. – 1884. – № XI.

300. Миллер Ор. О церкви в исторической жизни русского народа [Текст] // Русь. – 1883. – 13 апреля.

301. Милоков, П.Н. Саморазложение славянофильства: (Н.Я. Данилевский, Вл. Соловьев, К.Н. Леонтьев) [Текст]. – М., 1893. – 53 с.

302. Милоков, П.Н. Саморазложение славянофильства: (Н.Я. Данилевский, Вл. Соловьев, К.Н. Леонтьев) [Текст] // Вопросы философии и психологии. – 1893. – № 5. – Май. – С. 46–96.

303. Милоков, П.Н. Славянские и русские «космополиты» [Текст] // Речь. – 1908. – 20 апреля.

304. Миляев, Н. Из воспоминаний о К.Н. Леонтьеве [Текст] // Русское обозрение. – 1898. – № 1.

305. Миролобов, А.Н. Религиозное мировоззрение Константина Леонтьева [Текст]. – Харбин, 1933. – 20 с.

306. Митрофанов, Г. Религиозно-философские воззрения К.Н. Леонтьева и их значение для русской церковной культуры [Текст] // Начало. – СПб. – № 5. – С. 74–82.

307. Михайловский, Н.К. [Н.М.]. Послушаем умных людей [Текст] // Отечественные записки. – 1881. – № XI.

308. Мнения печати: взгляд светского человека на современное монашество [Текст] // Церковный вестник. – 1890. – 12 апреля.

309. Молодяков, В.Э. Рецензия: К.Н. Леонтьев: про эт контра. Личность и творчество Константина Леонтьева в оценках русских мыслителей и исследователей [Текст]. Антология. Кн.1. – 475 с.; Кн.II. – 702 с. – СПб.: РГХИ, 1995; // Вопросы философии. – 1998. – № 2. – С. 186–187.

310. Мондри, Г. Попытка типологизации творчества К. Леонтьева на примере анализа «Исповеди мужа» [Текст] // Вопросы литературы. – 1992. – Вып.2.

311. Московитянин. Новая книга о К. Леонтьеве [Текст] // Вестник РХД. – 1977. – № 121.

312. Московский фельетон [Текст] // Русский курьер. – 1881. – 17 мая.

313. Морякова, О.В. Культурная традиция и политика в философии Константина Леонтьева [Текст] // Человек и культурно-историческая традиция. – Тверь, 1991.

314. Мочульский, К. Владимир Соловьев. Жизнь и учение [Текст]. – М., 1936.

315. Мячин, А.Г. Константин Леонтьев, русский консерватизм и восточный вопрос [Текст] // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. – 1998. – № 1. – С. 56–66.

316. Мячин, А.Г. Социально-политические взгляды К.Н. Леонтьева [Текст]: автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М., 1998. – 26 с.

317. Неволин, С.Б. Константин Николаевич Леонтьев (1831–1891) [Текст] // Русские философы (конец XIX–середина XX века): Антология. Вып.1. – М.: Книжная палата, 1993. – С. 289–295.

318. Неклюдов, В.С. Литературная заметка. Из жизни христиан в Турции. Повести и рассказы К.Н. Леонтьева [Текст] // Московские ведомости. – 1876. – 24 апреля.

319. Некролог [Текст] // Новое время. – 14 ноября.

320. Немцев, И.А. Славянофильская идеология и ее влияние на формирование мировоззрения К.Н. Леонтьева [Текст]. – Пермь, 1997. – 21 с. – Деп. в ИНИОН РАН, № 529222.

321. Никитин, С.А. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е гг. XIX века [Текст]. – М.: АН СССР, Институт славяноведения и балканистики, 1970.

322. Никитин, С.А. Славянские комитеты в России в 1858–1872 гг. [Текст]. – М., 1960.

323. Новиков, А.И., Григорьева, Т.С. Консервативная утопия [Текст] // Россия глазами русского. – СПб, 1991.

324. Новикова, О.А. Ральф В. Эмерсон [Текст] // Русь. – 1882. – № 19

325. Новые сочинения К.Н. Леонтьева [Текст] // Афиши и объявления. – 1883. – 23 января.

326. Носов, С.Н. История и литература в мировоззрении К.Н. Леонтьева [Текст] // Литература и история. (Исторический процесс в творческом сознании русских писателей и мыслителей XVIII–XX вв.). – Вып. 2. – СПб.: Наука, 1997. – С. 145–169.

327. Носов, С. Судьба идей Константина Леонтьева [Текст] // Леонтьев К.Н. Избранные письма (1854–1891). – СПб.: Пушкинский фонд, 1993. – С. 3–12.

328. Н. Письмо к редактору [Текст] // Московские ведомости. – 1887. – 8 декабря.

329. О брошюре «Как надо понимать сближение с народом» [Текст] // Русский курьер. – 1881. – 18 мая.

330. Один из последних реакционных романтиков [Текст] // Бюллетень литературы и жизни. – 1911. – № 7.

331. Одинокий мыслитель [Текст] // Московские ведомости. – 1911. – 12 ноября.

332. Оса. Ежедневная беседа [Текст] // Петербург. – 1880. – 16 июля.

333. Островская, Е.Л. Идеи Константина Леонтьева в перспективе истории социологии XX века [Текст] // Вестник

Российского христианского гуманитарного института. – СПб., 2001. – № 4. – С. 89–116.

334. Отзывы о печатном сочинении г. К. Агеева эстраordinарного профессора В. Завитневича [Текст] // Извлечение из журналов Совета Киевской Духовной академии. – Киев, 1910.

335. Отчет о докладе г. Янчевского (Яновского) в Русском собрании на тему «О К.Н. Леонтьеве и его политических идеалах» [Текст] // Речь. – 1909. – 25 января.

336. Памяти К.Н. Леонтьева [Текст] // Гражданин. – 1891. – № 317.

337. Памяти Константина Николаевича Леонтьева [Текст] // Начала. – 1992. – № 2. – С. 19–21.

338. Памяти Константина Николаевича Леонтьева. 1891. Литературный сборник [Текст]. – СПб.: Путь; Типография «Сириус», 1911. – 425 с.

339. Панаев, И.И. Воспоминания [Текст]. – СПб., 1888. – 398 с.

340. Панаэтов, О.Г. Н.П. Гиляров-Платонов и К.Н. Леонтьев: Споры о Толстом [Текст]. – Краснодар, 2002.

341. Панаэтов, О.Г. «По последним вопросам бытия»: Ф. Достоевский и К. Леонтьев [Текст]. – Краснодар, 1999.

342. П. В обществе мистическом [Текст] // Новое время. – 1909. – 25 ноября.

343. Первое хождение Л.Н. Толстого по монастырям [Текст] // Русское слово. – 1910. – 4 ноября.

344. Передовая статья [Текст] // Афиши и объявления. – 1883. – 3 октября.

345. Передовая статья [Текст] // Афиши и объявления. – 1884. – 22 марта.

346. Передовая статья [Текст] // Вестник литературно-политический, научный и художественный. – 1885. – 13 марта.

347. Передовая статья [Текст] // Свет. – 1889. – 14 апреля.

348. Перцов, П.П. [Искатель жемчуга]. Литературные ракушки [Текст] // Новое время. – 1911. – 2 февраля.

349. Петерсен, В.К. [А-т]. Заблуждение отшельника [Текст] // Новое время. – 1891. – 20 марта.

350. Пеунова, Н.М. Неославянофильство [Текст] // История философии СССР. В V тт. – Т. III. – М.: Наука, 1968. – С. 338–341.

351. Пирцевский, А. К биографии К.Н. Леонтьева [Текст] // Известия Одесского библиографического общества. – 1912. – № VII.

352. Письмо иеромонаха Трифона (Туркестанова) к Щ.И. Фуделю от 22.11.1891 г. [Текст] // К.Н. Леонтьев: про эт контра. – Кн. 1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 468–469.

353. Платонова, З.И. К.Н. Леонтьев [Текст] // Дипломатический вестник. – 2002. – № 10. – С. 166–168.

354. Померанская, Т. «Всего лишь неполный год...» [Текст] // Литературная учеба. – 1989. – № 6. – С. 125–127.

355. Пономарев, С.И. Любовь как начало единения [Текст] // Чтения в обществе любителей духовного просвещения. – 1884. – № 1.

356. Попов, Д.Л. Повесть К.Н. Леонтьева «Исповедь мужа»: сюжет и поэтика [Текст] // Вопросы онтологической поэтики: Потаенная литература. – Иваново, 1998. – С. 63–69.

357. По поводу статьи «Отец Климент» [Текст] // Руководство для сельских пастырей. – 1880. – 16 марта.

358. Поселянин Евгений. [Погожев Е.Н.]. Леонтьев. Воспоминания [Текст]. – М., 1900.

359. Преображенский, П. Герцен и К. Леонтьев [Текст] // Печать и революция. – 1922. – № II.

360. Преображенский, П. Рецензия: Леонтьев К.Н. Страницы воспоминаний. – Пг., 1922. [Текст] // Печать и революция. – 1922. – № VII.

361. Прокопов, Т.Ф. Неузнанный гений. Парадоксы судьбы Константина Леонтьева [Текст] // Леонтьев К.Н. Моя литературная судьба. Воспоминания. – М.: Русская книга, 2002. – С. 3–42.

362. П. Россия и греко-болгарская распря [Текст] // Новое время. – 1889. – 12 июля.

363. Пушкин, С.Н. Об идейных истоках историософских взглядов К.Н. Леонтьева [Текст] // Вече. – СПб, 1998. – Вып. 11. – С. 38–52.

364. Пушкин, С.Н., Шапошников Л.Е. Рецензия: А.А. Корольков. Пророчества Константина Леонтьева [Текст]. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1991. – 200 с.; А.Ф. Сивак. Константин Леонтьев. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1991. – 88 с.; // Вопросы философии. – 1993. – № 3. – С. 155–157.

365. Рабкина, Н.И. Антигерой Достоевского и штрихи реальной истории [Текст] // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. – 1984. – № 4.

366. Рабкина, Н.И. «Византизм» К. Леонтьева [Текст] // История СССР. – 1991. – № 6. – С. 28–44.

367. Рабкина, Н.И. Исторические взгляды К.Н. Леонтьева [Текст] // Вопросы истории. – 1982. – № 6. – С. 49–61.

368. Рабкина, Н. Литературные уроки (Тургенев и Константин Леонтьев – история взаимоотношений) [Текст] // Вопросы литературы. – 1991. – Т.4. – С. 124–132.

369. Репников, А.В. Консервативная концепция российской государственности [Текст]. – М., 1999.

370. Репников, А.В. Константин Леонтьев и Лев Тихомиров [Текст] // Эхо. – 2000. – Вып.3. – С. 7–16.

371. Репников, А.В. Константин Леонтьев сказал: «Я предчувствую, что какой-нибудь русский царь...станет во главе социалистического движения» [Текст] // Экономическая газета. – 1999. – № 43. – С. 7.

372. Репников, А.В. Леонтьев Константин Николаевич [Текст] // Общественная мысль России XVIII – начала XX века: Энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 2005. – С. 254–257.

373. Репников, А.В. П.Н. Милюков и К.Н. Леонтьев [Текст] // П.Н. Милюков: истории, политик, дипломат: Материалы международной научной конференции. – М., 2000. – С. 343–357.

374. Репников А.В. Социальные идеи в работах К.Н. Леонтьева и Ф. Ницше [Текст] // Россия в новое время: образ России в духовной жизни и интеллектуальных поисках конца XIX – начала XX в. – М., 1998. – С. 158–160.

375. Репников, А.В. «Эстетический аморализм» в произведениях К.Н. Леонтьева [Текст]. – М., 1999. – 39 с.

376. Репников, А. «Славянский царь...учредит социалистическую форму жизни...» [Текст] // Россия-21. – 2002. – № 2. – С. 120–141.

377. Репников, А. «Торопиться не надо. Время его придет» [Текст] // Москва. – 2006. – № 1. – С. 195–197.

378. Репников, А.В. К истории взаимоотношений В.В. Розанова и К.Н. Леонтьева [Текст] // Незавершенная энтелехийность: отец Павел Флоренский, Василий Розанов в современной рефлексии. – Кострома, 2003.

379. Репников, А.В. К. Леонтьев – философ российского консерватизма [Текст] // Полис. – 2001. – № 3. – С. 184–189.

380. Рецензия: Леонтьев К.Н. «Восток, Россия и славянство» [Текст] // Русская мысль. – 1885 – № VII.

381. Рецензия: Леонтьев К.Н. «Национальная политика как орудие всемирной революции» [Текст] // Русский вестник. – 1889. – № VI.

382. Рогощенков, И. Константин Леонтьев (1831–1891) [Текст] // Север. Петрозаводск. – 1997. – № 9. – С. 143–146.

383. Розанов, С.А. Леонтьев Константин Николаевич [Текст] // Краткая литературная энциклопедия. – М., 1967. – Т.4. – Стб.139.

384. Розанов, В.В. [Варварин, В.] Заблудились в трех соснах [Текст] // Русское слово. – 1909. – 24 января.

385. Розанов, В.В. Государство и общество [Текст] // Новое время. – 1905. – 3 марта.

386. Розанов, В.В. Европейская культура и наше к ней отношение [Текст] // Московские ведомости. – 1891. – 16 августа.

387. Розанов, В.В. Закржевский о Константине Леонтьеве [Текст] // Новое время. – 1912. – № 13080. – 11 ноября.

388. Розанов, В.В. Из житейских и литературных мелочей [Текст] // Новое время. – 1903. – 21, 22 января.

389. Розанов, В.В. Из «Опавших листьев» и «Мимолетного» 18 июня 1915 г. [Текст] // Розанов В.В. Русская мысль. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. – С. 345–351.

390. Розанов, В.В. Опавшие листья. – СПб.: Типография товарищества «А.Суворин – Новое время», 1913. – С. 478–492.

391. Розанов, В.В. Собрание сочинений. Мимолетное. – М., 1994. – С. 189–190.

392. Розанов, В.В. К 20-летию кончины К.Н. Леонтьева [Текст] // Русская мысль. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. – С. 342–345.

393. Розанов, В.В. К 20-летию кончины К.Н. Леонтьева [Текст] // Русская мысль // Новое время. – 1911. – № 12813. – 12 ноября.

394. Розанов, В.В. К изданию Полного собрания сочинений К. Леонтьева [Текст] // Новое время. – 1912. – № 13024. – 16 июня.

395. Розанов, В.В. К. Леонтьев об Аполлоне Григорьеве [Текст] // Русская мысль. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. – С. 351–356.

396. Розанов, В.В. К. Леонтьев об Аполлоне Григорьеве [Текст] // Новое время. – 1915. – № 14279. – 9 декабря.

397. Розанов, В.В. К.Н. Леонтьев: Поздние фазы славянофильства [Текст] // Русская мысль. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. – С. 306–317.

398. Розанов, В.В. К.Н. Леонтьев: Поздние фазы славянофильства [Текст] // Торгово-промышленная газета. Литературное приложение. – 1899. – № 2. – 4 апреля.

399. Розанов, В.В. К.Н. Леонтьев [Текст] // Русская мысль. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. – С. 198–369.

400. Розанов, В.В. Константин Леонтьев и его «почитатели» [Текст] // Русская мысль. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. – С. 317–320.

401. Розанов, В.В. Литературная новинка [Текст] // Новое время. – 1912. – № 12910.

402. Розанов, В.В. Неоценимый ум [Текст] // Русская мысль. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. – С. 332–342.

403. Розанов, В.В. Неоценимый ум [Текст] // Новое время. – 1911. – № 12669. – 21 июня.

404. Розанов, В.В. Неузнанный феномен [Текст] // Русская мысль. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. – С. 321–369.

405. Розанов, В.В. Неузнанный феномен [Текст] // Новое время. – 1911. – 12 ноября.

406. Розанов, В.В. Неузнанный феномен [Текст] // Русский вестник. – 1903. – № 4. – С. 633–643.
407. Розанов, В.В. О Константине Леонтьеве [Текст] // Русская мысль. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. – С. 361–369.
408. Розанов, В.В. О Константине Леонтьеве [Текст] // Новое время. – 1917. – № 14715. – 22 февраля.
409. Розанов, В.В. О Константине Леонтьеве [Текст] // Вестник РХД. – 1991. – № 2-3. – С. 105–114.
410. Розанов, В.В. О Константине Леонтьеве [Текст] // К.Н. Леонтьев: про эт контра. Кн.1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 409–416.
411. Розанов, В.В. Собрание сочинений. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. Литературные очерки. О писательстве и писателях. – М.: Республика, 1996. – Т.7. – С. 606–612.
412. Розанов, В.В. Памяти дорогого друга [Текст] // Русское слово. – 1896. – 14 февраля.
413. Розанов, В.В. Приостановка издания сочинений К. Леонтьева [Текст] // Новое время. – 1913. – 14 января.
414. Розанов, В.В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев [Текст]. – М.: Республика, 2001. – Т.13. – 477 с.
415. Розанов, В.В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев [Текст]. – СПб, 1913. – Т.1. – 532 с.
416. Розанов, В.В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев [Текст] // Русский вестник. – 1903. – № IV–VI.
417. Розанов, В.В. Эстетическое понимание истории. (Теория исторического прогресса и упадка) [Текст] // Розанов В.В. Русская мысль. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. – С. 198–296.
418. Розанов, В.В. Эстетическое понимание истории. (Теория исторического прогресса и упадка) [Текст] // Русский вестник. – 1892. – № 1. – С. 156–188; – № 2. – С. 7–35; – № 3. – С. 281–327.
419. Розанов, В.В. Эстетическое понимание истории. (Теория исторического прогресса и упадка) [Текст] // К.Н. Леонтьев: про эт контра. Кн.1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 27–122.

420. Розанов, В.В. Эстетическое понимание истории. (Теория исторического прогресса и упадка) [Текст] // Русские философы (конец XIX – середина XX века): Антология. – Вып 2. – М.: Книжная палата, 1994. – С. 23–124.

421. Розинер, Ф. Запредельная встреча. Дополнение к биографии В. Розанова и К. Леонтьева [Текст] // Звезда. – 1993. – № 3. – С. 157–163.

422. Россия глазами русского. Чаадаев, Леонтьев, Соловьев [Текст]. – М., 1991.

423. Рубцова, Т.Н. Концепция культуры К.Н. Леонтьева [Текст] // Вестник Московского университета. – Сер. 7. Философия. – 1991. – № 4. – С. 20–30.

424. Русская женщина [Текст] // Свет. – 1886. – 13, 27 ноября.

425. Русские журналы [Текст] // Современные известия. – 1877. – 7 декабря.

426. Рязановский, В.А. [Текст] // Обзор русской культуры. – 1948. – № II.

427. Садовойской, Б.А. Лебединые клины [Текст]. – М., 1990. – С. 435, 446.

428. Салмин, А.М. Политическая историософия К. Леонтьева [Текст] // Русская политическая мысль второй половины XIX в.: сборник обзоров. – М., 1989. – С. 90–157.

429. Салтыков-Щедрин, М.Е. Рецензия: Леонтьев К.Н. «В своем краю» [Текст] // Современник. – 1864. – № X.

430. Салтыков-Щедрин, М.Е. Полное собрание сочинений. – М., 1937. – Т. XVIII (глава «Критический отзыв Щедрина»).

431. Семенов, В.Л. Особенности ценностных ориентаций политической философии русского консерватизма (К.Н. Леонтьев) [Текст] // Исследования по консерватизму. – Пермь, 1994. – Вып. 1. – С. 126–128.

432. Сергеев, С. Единоборство с эпохой [Текст] // Литературная Россия. – 1991. – № 47. – 22 ноября. – С. 20–21.

433. Сергеев С.М. Идеология творческого традиционализма в русской общественной мысли 80–90-х гг. XIX в. [Текст]: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2002.

434. Сергеев, С.М. Леонтьев Константин Николаевич [Текст] // Розановская энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 2008. – С. 518–525.

435. Сергеев, С. Стальной панцирь. Феномен Константина Леонтьева. К 170-летию со дня рождения [Текст] // Независимая газета. – 2001. – 25 января. – С. 16.

436. Сергеев, С. Хотел ли Леонтьев «подморозить» Россию? [Текст] // Москва. – 2006. – № 1. – С. 190–193.

437. Сергеев, Ю. К.Н. Леонтьев [Текст] // Россия. – 1911. – № 1837.

438. Сергиевский, П. Что посеешь, то и пожнешь [Текст] // Гражданин. – 1885. – 17 октября.

439. Сивак, А. Всадник русского апокалипсиса. Откровения и суды Константина Леонтьева [Текст] // Литературная газета. – 1991. – № 46. – 20 ноября. – С. 15.

440. Сивак, А.Ф. Константин Леонтьев [Текст]. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1991. – 87 с.

441. Славянофилы. Австрия и Сербия [Текст] // Гражданин. – 1888. – 11 октября.

442. Слесарева, Г.Ф. Константин Николаевич Леонтьев (1831–1891) [Текст] // Философские науки. – 1991. – № 11. – С. 105–114.

443. Слесарев, С.Ф. Образ России и предвидение ее будущего в интеллектуальных исканиях К.Н. Леонтьева [Текст] // Россия в новое время: Образ России в духовной жизни и интеллектуальных исследованиях конца XIX – начала XX в. – М., 1998. – С. 155–158.

444. Слонимский, Л.З. [Л.С.] Рецензия: К.Н. Леонтьев «Восток, Россия и славянство». Т.1. [Текст] // Вестник Европы. – 1885. – № XII.

445. Смирнов, И.Н. Константин Леонтьев: жизнь и творчество [Текст] // Леонтьев К.Н. Избранное. – М., 1993.

446. Соловьев, Д. Неизданные письма Константина Леонтьева: Предисловие [Текст] // Звезда. – 1993. – № 3. – С. 134–136.

447. Леонтьев К.Н. Избранные письма. – СПб: Пушкинский фонд, 1993. – С. 13–17.

448. Соловьев, Вл. Леонтьев Константин Николаевич [Текст] // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза, И.А. Ефрона. – СПб.: Типо-Литография И.А. Ефрона, 1896. – Т. XVII.
449. Соловьев, В.С. Сочинения. Т.6. – М. – С. 648–650.
450. Соловьев, В.С. Сочинения. В 2-х т. Т.2. – М., 1990. – С. 416–418.
451. Соловьев, В. Стихотворения. Эстетика, литературная критика [Текст]. – М., 1990. – С. 464–469.
452. Соловьев, Вл. С. Несколько слов о брошюре г. Леонтьева «Наши новые христиане» [Текст] // Русь. – 1883. – № 9.
453. Соловьев, В. Памяти К.Н. Леонтьева [Текст] // Русское обозрение. – 1892. – Кн.1. – С. 352–358.
454. Соловьев, В. Памяти К.Н. Леонтьева [Текст] // К.Н. Леонтьев: про эт контра. Кн.1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 20–26.
455. Соловьев, Вс. Без названия [Текст] // Русский мир. – 1876. – № 203, 217.
456. Соловьев, Вс. С. К.Н. Леонтьев [Текст] // Русский вестник. – 1891. – № 12. – С. 282–288.
457. Соловьев, В.С. Письмо К.Н. Леонтьеву (1885) [Текст] // Вестник РХД. – 1990. – № 158.
458. Соловьев, Вс. С. О К.Н. Леонтьеве [Текст] // Нива. – 1879. – 14 мая.
459. Соловьев, Вс. Современная литература [Текст] // Русский мир. – 1876. – № 98.
460. Соловьев, Н.Я. Рецензия: Леонтьев К.Н. «Как надо понимать сближение с народом» [Текст] // Современные известия. – 1882. – 13 апреля.
461. Среди газет [Текст] // Восток. – 1880. – 18 мая.
462. Среди газет и журналов [Текст] // Новое время. – 1879. – 14 июня.
463. Среди книг и журналов [Текст] // Новое время. – 1880. – 24 июля.
464. Стратиевская-Гросман, С. Из истории славянофильства [Текст] // Труды слушательниц Одесских высших курсов. – Одесса, 1911. – Т.1. – Вып. II. – С. 115–155.
465. Страхов, Н.Н. О византизме и славянстве [Текст] // Русский мир. – 1876. – № 137.

466. Струве, П.Б. Константин Леонтьев [Текст] // Возрождение. – 1926. – № 362. – 30 мая. – С. 2–3.
467. Струве, П.Б. Дух и слова. Статьи о литературе. – Париж, 1981.
468. Струве, П.Б. Константин Леонтьев [Текст] // К.Н. Леонтьев: про эт контра. Кн. 2. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 182–186.
469. Леонтьев, К.Н. Моя литературная судьба. – М.: Русская книга, 2002.
470. Струве, П.Б. Николай Бердяев. К. Леонтьев [Текст] // Возрождение. – 1926. – 27 мая.
471. Субботин, Н.И. К.Н. Леонтьев – из Сергиева Посада [Текст] // Московские ведомости. – 1891. – № 316, 319.
472. Сумбатян, М.Б. Грех и покаяние Константина Леонтьева (повесть «Исповедь мужа» в системе христианских взглядов Леонтьева) [Текст] // Русская литература XIX века и христианство. – М., 1997.
473. Тареев, М.М. Рецензия на книгу священника К.Агеева [Текст] // Богословский вестник. – 1909. – № XI.
474. Тихомиров, Л.А. Непризнанный пророк [Текст] // Московские ведомости. – 1911. – 30 июня.
475. Тихомиров, Л.А. Новое заявление славянофилов [Текст] // Русское обозрение. – 1894. – № IV. – С. 917–922.
476. Тихомиров, Л.А. Русские идеалы и К.Н. Леонтьев [Текст] // Литературная учеба. – 1992. – Кн.1–2–3. – Январь–июнь. – С. 152–159.
477. Тихомиров, Л.А. Русские идеалы и К.Н. Леонтьев [Текст] // Русское обозрение. – 1894. – Октябрь.
478. Тихомиров, Л.А. Славянофилы и западники в современных отголосках [Текст] // Русское обозрение. – 1892. – № X.
479. Тихомиров, Л.А. Тени прошлого. К.Н. Леонтьев [Текст] // Литературная учеба, 1992. – Кн.1–2–3. – Январь–июнь. – С. 140–151.
480. Тихомиров, Л.А. Тени прошлого. К.Н. Леонтьев [Текст] // Кодры. (Молдова литературная), 1991. – № 12. – С. 171–184.

481. Толстой, Н. Памяти инока Климента [Текст] // Вестник РХД. – 1991. – № 2-3. – С. 121–125.
482. Трофимова, О. Философия Константина Леонтьева [Текст] // История. Еженедельное приложение к газете «Первое сентября». – 1994. – № 46. – С. 6–8.
483. Трубецкой, С.Н. Противоречия нашей культуры [Текст] // Вестник Европы. – 1894. – № 8. – С. 500–528.
484. Трубецкой, С.Н. Разочарованный славянофил [Текст] // К.Н. Леонтьев: про эт контра. Кн. 1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 123–159.
485. Трубецкой, С.Н. Разочарованный славянофил [Текст] // Вестник Европы. – 1892. – № 10. – Октябрь. – С. 772–810.
486. Тургенев, И.С. Письма [Текст] // Русская мысль. – 1886. – № XII.
487. Тхоржевский, И. Русская литература [Текст]. – Париж, 1946. – С. 410–412.
488. Уманов, Н.А. [У-в] Рецензия на брошюру «Наши новые христиане» [Текст] // Чтения в обществе любителей духовного просвещения. – 1883. – Март–апрель.
489. Фетисенко, О. Академический Леонтьев [Текст] // Москва. – 2006. – № 1. – С. 202–203.
490. Фетисенко, О.Л. К истории восприятия Пушкинской речи: (Достоевский в неизданной переписке К.Н. Леонтьева и Т.И. Филиппова) [Текст] // Достоевский: материалы и исследования. – СПб, 2001. – Т. 16. – С. 330–342.
491. Филиппов, Б.А. Непонятый [Текст] // Константин Леонтьев. Письма к Василию Розанову. – Лондон: Изд-во «Нина Карсов», 1981.
492. Филиппов, Б.А. Страстное письмо с неверным адресом [Текст] // Леонтьев К.Н. Моя литературная судьба: Автобиография. – Париж, 1965.
493. Филиппов, Б.А. Страстное письмо с неверным адресом [Текст] // Мосты. – 1962. – № IX; – 1963. – № X.
494. Филиппов, Т.И. Заметка о литературной деятельности К. Леонтьева [Текст] // Гражданин. – 1887. – № 36.
495. Флоренский, П. Столп и утверждение Истины [Текст]. – М., 1914. – С. 253, 285–286, 653, 725, 761, 804.

496. Флоровский, Г.В. Пути русского богословия [Текст]. – Париж: Имка-Пресс, 1988. – 539 с.

497. Флоровский, Г.В. Пути русского богословия [Текст] (Репринт. воспроизведение. – Париж, 1937). – Вильнюс: Вильтис, 1991. – 412 с.

498. Формулярный список о службе цензором Московского комитета, статского советника Леонтьева [Текст] // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVII–XX вв. Т. II–III. – М., 1992. – С. 387–391.

499. Фотиев, К. По следам К. Леонтьева [Текст] // Новое русское слово. – 1972. – 2 января.

500. Франк, С.Л. Миросозерцание Константина Леонтьева [Текст] // Критическое обозрение. – 1909. – № 11.

501. Франк, С.Л. Философия и жизнь. Этюды и наброски по философии культуры. – СПб., 1910. – С. 382–389.

502. Франк, С.Л. Миросозерцание Константина Леонтьева [Текст] // К.Н. Леонтьев: про эт контра. Кн.1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 235–240.

503. Франк, С.Л. Рецензия на книгу Бердяева о Леонтьеве [Текст] // Руль. – 1926. – 8 сентября.

504. Франк, С.Л. Русское мировоззрение [Текст] // Франк С.Л. Духовные основы общества. – М., 1992. – С. 496–497.

505. Фрумкин, К.Г. Наблюдатель и государство («Эстетический взгляд на историю» и его философско-психологические корни) [Текст] // Свободная мысль – XXI. – 2002. – № 3. – С. 90–99.

506. Фудель, И.И. Восточный вопрос. (Памяти К.Н. Леонтьева) [Текст] // Московские ведомости. – 1922. – 12 ноября.

507. Фудель, И.И. К вопросу о «национальном». «Самообман и ошибки» [Текст] // Московские ведомости. – 1890. – 23 октября.

508. Фудель, И.И. К. Леонтьев и Вл. Соловьев в их взаимных отношениях [Текст] // Русская мысль. – 1917. – № 11–12. – С. 7–32.

509. Фудель, И.И. К. Леонтьев и Вл. Соловьев в их взаимных отношениях [Текст] // К.Н. Леонтьев: про эт контра. Кн.1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 393–408.

510. Фудель, И.И. К. Леонтьев о Владимире Соловьеве и эстетике жизни [Текст]. – М., 1912.

511. Фудель, И.И. Культурный идеал К.Н. Леонтьева [Текст] // К.Н. Леонтьев: про эт контра. Кн. 1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 160–180.

512. Фудель, И.И. Культурный идеал К.Н. Леонтьева [Текст] // Литературная учеба. – 1993. – Кн.1–2–3. – Январь–июнь. – С. 160–171.

513. Фудель, И.И. Культурный идеал К.Н. Леонтьева [Текст] // Русское обозрение. – 1895. – № 1. – Январь. – С. 257–280.

514. Фудель, И.И. Новое выражение русской культурной мысли [Текст] // Русское обозрение. – 1895. – № XII.

515. Фудель, И.И. О сочинениях К.Н. Леонтьева [Текст] // Новое время. – 1913. – № 13239.

516. Фудель, И.И. Памяти К.Н. Леонтьева [Текст] // Русское обозрение. – 1892. – № II.

517. Фудель, И.И. Преемство от отцов [Текст] // Благовест. – 1890. – 15 октября.

518. Фудель, И.И. Рецензия: К.Н. Леонтьев «О романах гр. Л.Н. Толстого» [Текст] // Московские ведомости. – 1911. – 28 апреля.

519. Фудель, И.И. Сочинения К.Н. Леонтьева [Текст] // Московские ведомости. – 1912. – 24 апреля.

520. Фудель, И.И. Судьба К.Н. Леонтьева [Текст] // Московские ведомости. – 1910. – № 261. – 12 ноября. – С. 1.

521. Фудель, И.И. Судьба К.Н. Леонтьева [Текст] // К.Н. Леонтьев: про эт контра. Кн. 1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 250–252.

522. Фудель, С.И. Воспоминания [Текст] // Новый мир. – 1991. – № 3. – С. 188–214; – № 4. – С. 182–212.

523. Фудель, С. К. Леонтьев в его письмах к о. Иосифу Фуделю [Текст] // Литературная учеба. – 1996. – Книга третья. – Май–июнь. – С. 174–178.

524. Хатунцев, С.В. Восточный вопрос в работах К.Н. Леонтьева [Текст] // Страницы истории и историографии Отечества: Сборник научных трудов. – Воронеж, 1999. – Вып.2. – С. 63–82.

525. Хатунцев, С.В. К.Н. Леонтьев о национализме и национальной политике [Текст] // Страницы истории и историографии Отечества: Сборник научных трудов. – Воронеж, 1999. – С. 128–144.

526. Хатунцев, С.В. Константин Леонтьев: Интеллектуальная биография. 1850–1874 гг. [Текст]. – СПб.: Алетейя, 2007. – 208 с.

527. Хатунцев, С.В. Общественно-политические взгляды и идейная эволюция К.Н. Леонтьева в 60-е – начале 70-х гг. XIX в. [Текст] // Вопросы философии. – 2005. – № 10. – С. 130–139.

528. Хатунцев, С.В. Отечественная история в системе общественно-политических взглядов К.Н. Леонтьева [Текст] // Вопросы истории. – 2004. – № 1. – С. 155–159.

529. Хитрово, М.А. Другу детства [Текст] // Русское обозрение. – 1896. – № VIII.

530. Хорошева, А.В. [Рецензия] [Текст] // Вопросы истории. – 2008. – № 11.

531. Цивилизационная теория исторического процесса в трудах К.Н. Леонтьева [Текст] // Страницы истории России. – Ставрополь, 1996. – С. 30–32.

532. Чернавский М. Леонтьев и Гегель [Текст] // Москва. – 2006. – № 1. – С. 197–198.

533. Чернавский, М.Ю. Леонтьев К.Н. [Текст] // Отечественная история России с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. – Т.3: К–М., 2000. – С. 319–321.

534. Чернавский, М.Ю. Религиозно-философские основы консерватизма К.Н. Леонтьева [Текст]: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 2000. – 20 с.

535. Черныш, А.М. Константин Леонтьев о характере русского народа [Текст] // Социально-гуманитарные знания. – 2011. – № 2. – С. 210–218.

536. Черняева, А. Паломники Оптиной Пустыни и Л.Н. Толстой [Текст] // Новое время. – 1910. – 7 ноября.

537. Нешихин-Ветринский В.Е. [Ч.В-ский]. Заметка о той же книге. Литературное обозрение [Текст] // Вестник Европы. – 1911. – № VIII.

538. Чуфрин, Ф.П. Воспоминания [Текст] // Гражданин. – 1891. – № 392.

539. Чуфрин, Ф.П. [Ф.Ч.]. Последние дни К.Н. Леонтьева в Троице-Сергиевом Посаде [Текст] // Гражданин. – 1891. – № 322.

540. Шевелев, А.М. Н. Катков [Текст] // Московские ведомости. – 1891. – 20 июля.

541. Шестаков, В. Философия эстетизма Константина Леонтьева [Текст] // Свободная мысль. – 1994. – № 7-8. – С. 65–73.

542. Шестаков, Н.Н. Константин Леонтьев и русский либерализм [Текст] // Вестник Московского университета. – Сер. 12. Социально-политические исследования. – 1993. – № 2. – С. 57–62.

543. Ширинянец, А.А., Мячин, А.Г. Русская социально-политическая мысль XIX века [Текст]: К.Н. Леонтьев: учебное пособие. – М.: Изд-во Московского университета, 1995. – 120 с.

544. Шкуринов, П. Леонтьев К.Н. [Текст] // Философская энциклопедия. – М., 1964. – Т.3. – С. 177.

545. Шпрек, Ф.Э. [Н.Апокриф]. Вера и современная мысль. К. Леонтьев и граф Л.Н. Толстой [Текст] // Русь: литературно-политический сборник. – 1903. – № 1.

546. Шугуров, М.В. Будущее России в апокалиптических пророчествах Константина Леонтьева [Текст] // Философское образование. – 2001. – № 5. – С. 17–25.

547. Шумский, А. Предел против беспредела [Текст] // Москва. – 2006. – № 1. – С. 188–190.

548. Эйхенбаум, Б.М. Литература, теория, критика и полемика [Текст]. – 1927. – С. 48–49.

549. Ю.П. Иваск – А.Н. Богословскому [Текст] // Человечество. – 1994. – № 2. – С.186.

550. Языков, Д.Д. Краткий некролог и перечень сочинений К.Н. Леонтьева [Текст] // Московские ведомости. – 1891. – 13 ноября.

551. Языков, Д.Д. Обзор жизни и трудов русских писателей [Текст]. – 1909.

552. Языков, Д.Д. Список сочинений К.Н. Леонтьева [Текст] // Русское обозрение. – 1895. – № XI.

553. Янов, А. Загадки славянской критики [Текст] // Вопросы литературы. – 1969. – № 5. – С. 91–110.

554. Янов, А.Л. Славянофилы и Константин Леонтьев. (Буржуазный миф о «пророчестве Константина Леонтьева» и русская консервативная мысль XIX столетия) [Текст]: автореф. дис ... канд. филос. наук. – М., 1970. – 20 с.

555. Янов, А.Л. Славянофилы и К. Леонтьев. (Русская консервативная мысль и ее интерпретаторы) [Текст] // Вопросы философии. – 1969. – № 8. – С. 97–106.

556. Янов, А.Л. Трагедия великого мыслителя: (По материалам дискуссии 1890-х годов) [Текст] // Вопросы философии. – 1992. – № 1. – С. 61–89.

557. Янов, А.Л. Трагедия великого мыслителя: (По материалам дискуссии 1890-х годов) [Текст]. – М., 1970.

558. Янов, А.Л. Три утопии (М. Бакунин, Ф. Достоевский, К. Леонтьев) [Текст] // Философские науки. – 1998. – № 1. – С. 118–133.

Издания о К.Н. Леонтьеве на иностранных языках

1. Against the Current: Selection from the Novels, Essays, Notes and Letters of Konstantin Leontiev. – N.Y., 1969.

2. Auden W.H. A russian aesthete // New Yorker. – 1970. – April. – P. 133–138.

3. Berlin, Sir Isaiah // Four Essays on Liberty. – 1969.

4. Boess Otto. Die Lehre der Furasier // Ost-Europa Insitut. – Munchen, 1961. – Bd. XV, 9.

5. Broda M. Najtrudniejsze z rosyjskich wyzwiań? Zagadka Leontjewa i Rosja. Łódź, 1994.

6. Brown Clarence. Slightly to the right of the error // The New Republic. – 1969. – April 17. – P. 25–27.

7. Chernoff A. [Portier d'Arc] [Un portrait litteraire russe] [Русский литературный портрет] // La nouvelle revue. 1889. t. 88., fevr., №2., pp. 754–764.

8. D.F. Reeve // Washington Post. – 1969. – May 11, 12.

9. Ferrari A. La Terza Roma. Parma, 1986.

10. Florovskij G. Die Sackgassen der Romantik // Orient und Occident. – 1930. – IV.

11. Fort Worth Press. – 1969. – May 11. – P. 9–8.
12. Frank Simon. K. Leontiev – ein russischer Nietzsche // Hochland. – 1928–1929. – H.6.
13. Gaspariani E. La previsioni di Constantino Leont'ev. Venezia, 1957.
14. Gaspariani E. Scrittori russi. Padova, 1966. – P. 678–709.
15. Giusti W. Un pensatore russo coutrocorrente : Constantino Leont'ev // Storia e politica. – Milano, 1964.
16. Gustafson Richard F. // Slavic Review. – 1969. – December. – P. 678–679.
17. Hare R. Pioneers of Russian social thought. – Oxford: Vintage edition, 1964.
18. Harkins William E. Dictionary of Russian literature. – 1956.
19. Ivaniv A. K.N. Leont'ev. Il pensiero, l'uomo, il destino. – Pisa, 1973.
20. Ivanov Alessandro. Il signolare KNL. Convivium 36. – Bologna, 1963. – P. 590–597.
21. Ivanov Alessandro. La contestazione di Leont'ev // Il Mondo Slavo. – 1969. (Padova).
22. Ivask George. K.L's fiction // Slavic Review. – 1961. – December.
23. Kline George L. Religions and anti-religious thought in Russia. – 1968.
24. Kologrivof Iwan. Coustantino Leontjev. La sua vita e il suo pensiero. – Brescia, 1949.
25. Kologriwof J. von Hellas yum. Mönchtum. Leben und Denken K. Leontiew's. – Regensburg, 1948.
26. Konrad Alexander. Review of K. L's «Moja literaturnaja sud'bar» // Slavic and East European Journal. – 1967. – №11. – P. 371–373.
27. Krag Erik. Kampen mit Vesten K.V.: Leontjev. – Oslo, 1932.
28. Kurlaud J. L.'s views on the course of Russian literature // American Slavic and East European Journal. – 1957. – №16. – P. 260–274.

29. Kurland J. The History and Destiny of Russia according to Konstantin Leont'ev // An unpublished M.A. thesis. – Columbia University, 1952.

30. Lavrin Janko. Russia. Slavdom and the Western world, 1969.

31. Lednicki W. Bits of table talk..., 1956.

32. Le Millenaire du Mont. Athos (963–1963). I – II // Essays by Igor Smolitsch and Antonie Emile Tachioas.

33. Lettenbauer Wilhem. Das Problem der Europaisierung Rueslands in der noweren russischen literatur // Hist. Jahrbwch. – 1965. – №85 (1).

34. L.V. Chronique litteraire // Journal de St. Petersburg. – 1890. – 22 Juil.

35. L.V. Les revuey russes // Journal de St. Petersburg. – 1876. – 29 Fevr.

36. Luiz Maques. Russian Narcissus // The Anglo-Portuguese News. – 1969. – 14 June. – Lisboa, Portugal.

37. Lukasevish S. Konstantin Leont'ev (1831–1891): A study in Russian «Heroic Vitalism». – New York, 1967.

38. Masaryk Thomas. Zur russischen Geschichts und Religionsphilosophie. – L – LL., 1913.

39. Meyer Hans. Oswald Spengler und seine Vorlauffer // Stimmen der Zeit. – 1961/1962. – №169 (1).

40. Miroglio Abel. La philosophie de Leontiev. Melanges en l'honneur de M. Paul Boyer. – 1925.

41. Mirsky D.S., prince. A history of Russian literature. – 1949.

42. Monas Sidney. Leontiev: A meditation // Journal of Modern History. – 1971. – September. – P. 483–494.

43. Mondry H. Another literary parody on Chernyshevsky in K. Leontiev's In my own land // Die Welt der Slaven. – 1990. – XXXV. – 2.

44. Mondry H. A Husband's Confession: towards the typology of Leontiev's Writing // Die Welt der Slaven. – 1991. – XXXVI. – 1.

45. Moser Charles A. Autinihilism in the Russian novel of the 1860's. – Mouton, 1964.

46. Nelson Dale L. K. Leontiev and the Orthodox East (studies in progress).
47. Obolenskii A. Essai critique sur l'esthetique de K.N. Leont'ev // *Canadian Slavonic Papers*. – 1973. – №15.
48. Obolensky Alexander. Konstantin Nicolaevich Leont'ev. An expository study and analysis of his thoughts as reflected in his life and his writings (1967). Ph D dissertation, University of Pennsylvania.
49. (O.K.) (Новикова О.А.) Une voix de Russie [Голос из России] // *Le nouvelle revue*. – 1882. t.17, 15.8. – P. 943–944.
50. Pfalzgraf Konrad. Die Politisierung und Rudikalisierung des Problems Osteuropaeischen Geschichte. Band L. – Berlin, 1954. Danilevskij und Leont'ev: 188–193.
51. Portrait of Russian personalities. – Oxford, 1959.
52. Riasanovsky Nicholas. V. Russia and the West in the teaching of the slavophiles // *Harvard Historical studies*. – 1959. – Vol. 61.
53. Richie Galen B. The Asiatic Depart and Alexander II (1855–1881). Unpublished Ph. D. dissertation, Columbia University, 1970.
54. Robert's Spencer E. Essays in Russian literature. The conservative view: – L., Rozanov, Shestov, 1968.
55. Rzhnevskii N. Leontiev's Prickly Rose // *Slavic Review*. – 1976. – №35.
56. Schultze Bernhard. Russische Denker. Ihre Stellung zur Christus, Kirche und Papsttum, 1950.
57. Simms Ernest J. Belated bow of tsarist classic // *Saturday Review*. – 1969. – March 5. – P. 31–32.
58. Slonim Marc. Modern Russian literature. – 1953.
59. S. N. Les revues russes // *Journal de St. Petersburg*. – 1871. – 31 December.
60. Stepun Fedor. Der Bolschewismus und die ehrstliche existenz. – Munchen, 1959.
61. Strenoukhinoff D.V. Soloviev et son oeuvre messianique. – Paris, 1935.
62. Strong Robert, Jr. // *Books Abroad*. – 1970. – April.
63. Szulkin Robert. A 19th century Russian with original views // *Boston Globe*. – 1969. – July 7.

64. Swoboda Eduard. K. L's Ezzahlung in «Egipetskij Golub» // Wiener Slaw. Jrl. – 1966. – 13. – S. 83–99.

65. Thaden E. Concervative nationalism in Nineteenth Century Russia. – University of Washington. Seattle, 1964.

66. The Antioch Press, Yellow Springs. – Ohio, Vol. 29, № 2, Summer 1969.

67. Two Russian works noty worthy // Journal Herald, Dayton, Ohio. – 1969. – April 12.

68. Utechin S.V. Russian political thought. – Oxford, 1964.

69. Zenkovsky Serge A. // The Russian Review. – 1971. January. – P. 81–82.

Научное издание

Сергей Григорьевич Осьмачко

«Он мучился о России»:
идейные искания К.Н. Леонтьева
(история и современность)

Монография

Редактор Ж. К. Гапонова
Компьютерная верстка Ю. В. Яковлева

Подписано в печать 18.10.2011

Формат 60x90_{1/16}.

Объем 13,5 п. л., 10 уч.-изд.л. Тираж 1000 экз. Заказ 271

Редакционно-издательский отдел
Ярославского государственного педагогического
университета им. К. Д. Ушинского
150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108

Типография ЯГПУ
150000, г. Ярославль, Которосльская наб., 44

Для заметок